

Деннис Джуд

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДОЛГОВЯЗОГО ДЖОНА СИЛЬВЕРА

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Деннис Джуд (р. 1938 г.) - весьма плодовитый писатель. Каталоги новейших поступлений Библиотеки Конгресса США в 70-е годы регистрировали ежегодно одну-две его книги, преимущественно популярные очерки на историко-литературные темы. Место действия его книг - Британская империя и США. Время действия - от средневековья до начала XX века.

Повесть "Приключения Долговязого Джона Сильвера" (буквальный перевод названия) написана человеком, несомненно прекрасно знающим реалии эпохи, разбирающимся в бытовых тонкостях, а с жизнью и деятельностью "берегового братства" знакомым не только по классической работе Эксквемелина. Вне всякого сомнения, повесть написана в пику "Приключениям Бена Ганна" - достаточно сравнить образы Джона Сильвера в "описании" узника острова Кидда, где одноногий пират показан исчадием ада, человеком без чести и совести, и у Джуда, чей Сильвер невольно вызывает если не симпатию читателя, то сочувствие и понимание. По мнению переводчика, джудовский Сильвер гораздо ближе к образу, созданному пером Стивенсона.

Всесторонняя эрудиция Д. Джуда позволяет ему привлекать в сюжет самые неожиданные моменты, что оборачивается новыми, весьма экстравагантными ситуациями, не только привлекающими внимание читателя, но и просвещающими его. Так, из главы "Адмиралтейский суд" мы видим, что старые, едва ли не времен Эдуарда Исповедника законы о церковном суде, законы, забытые всеми, помогают заведомому преступнику избежать виселицы, а заодно повествованию развиваться без банальных побегов или амнистий.

Мастер сюжета, Джуд в повествовании часто сбивается на сухой академический тон лектора общества "Знание", что резко дисгармонирует с самой темой повести. Переводчик приложил все скромные усилия, чтобы в русском тексте этого не было. Эталон для него служил текст "Острова сокровищ" в каноническом переводе Н.К. Чуковского, лексики и стилистики которого он в меру своих способностей старался придерживаться.

Название, данное книге в русском переводе, по мнению переводчика, гораздо более соответствует стилизации под текст XVIII века, каковой и является повесть Джуда. Стоит ли говорить о том, что буквальный перевод названия по-русски просто не звучит.

Одной из вольностей перевода является присвоение к имени царствующего монарха благопожелания "да хранит его Господь", без чего в те времена не помыслил бы говорить о Его Величестве не только верноподданный, но и последний разбойник, бродяга, висельник. Из персонажей книги (англичан, разумеется) без этой приставки мог бы обойтись разве только вольнодумец и республиканец Майкл Сильвер, отец Джона. С частым употреблением этой приставки особую злую иронию получает применение ее Сильвером к имени Флинта, особенно если учесть их взаимную неприязнь.

Переводчик постарался исключить постоянное именование командного состава пиратского корабля как "лордов" или "господ" (как в переводе "Бена Ганна"). В русском языке этот термин обретает смысл, немислимый в довольно демократичном обществе "джентльменов удачи".

Все же, несмотря на вольности и неизбежные недостатки перевода, хочется надеяться, что "Долговязый Джон" придется по душе нашему читателю, не избалованному обилием морской авантюрной прозы.

Д.С.Гуревич

1. БОЛЬНОЙ ИЗ ТОРМАТИНА

Эти ужасные и кровавые дела произошли очень давно, и я, право, не имел намерения взяться за перо, искренне веруя, что пираты, зарытые сокровища, морские бунты навсегда исчезли из моей жизни. Разве что в ночных кошмарах рисковал я увидеть снова развевающееся черное знамя с черепом и скрещенными костями. Правда, жестокий, хитрый и красноречивый одноногий моряк навсегда запечатлелся в моей памяти, но я был убежден, что Долговязый Джон Сильвер предстал пред ликом разгневанного создателя вскоре после 1766 года, когда наша славная "Эспаньола", по ватерлинию груженная сокровищами, неторопливо вошла в Бристольскую гавань.

Однако вновь пишу я о тех ужасных и кровавых делах, понимая, что без этого рассказа мой отчет о плавании "Эспаньолы" выглядел бы неполным, и, прежде всего, почитаю своим долгом предупредить читателя о событиях, заставивших меня опять сесть за письменный стол.

Итак, начну по порядку. Это произошло в последние годы царствования нашего доброго короля Георга III. Был я тогда сельским врачом в Глостершире, в холмистой части графства. Особых доходов это ремесло не приносило, но молитвами покойного отца дела мои шли довольно успешно, а всеобщее уважение, которым пользовались я и мое семейство, вполне заменяло любое богатство.

Помню, как сейчас, однажды в ненастный апрельский день, вскоре после обеда, меня вызвали к больному. Известие о джентльмене, нуждающемся в услугах врача, принесла старая миссис Томлин. По пути к моему дому она настолько устала, что когда, задыхаясь и кряхтя, принялась излагать суть дела, то выглядела так, будто ей самой требовалась моя помощь. Выслушав ее, я взял сумку с инструментами и лекарствами, пошел в конюшню и оседлал коня, которого я назвал Беном Ганном в память о приключениях, пережитых мною в юности. Терпеливая моя супруга Гарриэт проводила меня, чтобы в который уже раз провести вечер в одиночестве.

Дом в Торматине, где ждал меня больной, хотя и не отличался роскошью, выгодно выделялся среди домов окрестных фермеров. Особую прелесть ему придавали окна, обрамленные полированным камнем. По слухам, здесь в окружении немногочисленных слуг жил отшельником какой-то джентльмен, разбогатевший в Вест-Индии. На стук дверь мне открыл лакей с кожей кофейного цвета, подпоясанный темно-красным кушаком; гримасничающий и кланяясь, он повел меня к тяжелой черной двери, бесшумно открывшейся внутрь.

В комнате на диване, стоявшем возле камина, где полыхал яркий огонь, полулежал старый джентльмен большого роста, одетый в богатый халат. Сильный приступ кашля сотрясал все его огромное тело, и когда я подошел поближе, то увидел, что платок, только что прижатый ко рту, покрылся кровавыми пятнами. "Э-э-э, приятель, - подумал я, - плохи твои дела, Боже мой, как тебе худо!"

Я поставил сумку на столик возле дивана и взглянул больному в лицо. В тот же миг меня охватил озноб; сразу я почувствовал ужас, какого не испытывал с юных лет. Я УЗНАЛ ЭТОГО ЧЕЛОВЕКА!

Больной был одноногим - вторая нога была ампутирована по самое бедро. Большое круглое лицо Долговязого Джона Сильвера обветрилось под тропическим солнцем, сморщилось от старости и одному Богу известно от каких переживаний, но это был именно он! Сильвер поседел, волосы его изрядно поредили. Взглянув на меня, он понял, что я его узнал, и улыбнулся. Левую щеку его стягивал шрам от старой раны, но синие глаза блестели все так же властно и лукаво.

- Присядь, Джим, - промолвил он, махнув рукой в сторону стула. - Ох, прошу прощения, сэр, - продолжал он, лукаво улыбаясь, - вас ведь надо называть "доктор Хокинс". Ну, да ведь мы служили когда-то на одном судне, и ты, наверное, не будешь теперь глядеть свысока на старого Джона, не так ли?

Он подмигнул мне и закивал головой, но сразу же задохнулся от сильного приступа кашля. Оправившись от него и видя, что я не пришел в себя от изумления, заговорил снова:

- Вот такие дела, Джим. Пришвартовался я здесь восемь месяцев назад и с тех пор жду, когда придет мой час. Живу себе потихоньку, оглядываю горизонт и ни с кем не встречаюсь. Но вот беда, никак не избавлюсь от проклятых хрипов в груди, а этот кашель меня просто разрывает на части.

Прокашлявшись, он продолжал:

- Я, по правде сказать, только недавно услышал, что мы с тобой бросили якоря почти борт о борт. Потому и позвал тебя в свою каюту, чтобы показаться ученому костоправу и, может быть, поболтать ради старой дружбы.

Усилием воли овладев собой, я сказал:

- Я был уверен, что вы давно предстали перед божьим судом, не знал только, окончили вы свои дни на виселице или умерли от лихорадки в каком-нибудь болоте.

При этих моих словах Сильвер откинул назад голову и рассмеялся. Конечно, это был уже не памятный мне раскатистый хохот, а его жалкое подобие, но и эти звуки вернули меня на миг в аккуратный камбуз старой "Эспаньолы", мысленно я увидел синее небо и летучих рыб, даже услышал, как погулай капитана Флинта в своей клетке в углу сердито кричит: "Пиастры, пиастры!"

- Ну, ну, - сказал Сильвер, отсмеявшись, - неплохо сказано. Зло, мой мальчик, но неверно. Долговязый Джон слишком хитер, чтобы повиснуть на веревке, как туша в лавке мясника. Хотя и со мной это чуть не произошло, а видел я в своей жизни такое, что как вспомню об этом, страх разбирает. Видывал я, и не раз, как протягивают провинившихся моряков под килем, а когда поднимают на борт, то они умирают в страшных мучениях, потому что животы их распорты ракушками, приставшими к обшивке корабля. Глядел на то, как дикари Гвинейского берега рубят на куски маленьких девочек просто для удовольствия. Чума, кровавый бунт, человеческие жертвоприношения - чего только не пережил старый Джон, и вот все еще сидит он с тобой и рассказывает эти истории. А почему я жив? Потому что негодяй, говоришь ты. Но вот что я тебе скажу, я ведь всегда знал, когда нужно быть тихим да скромным, так и дожил до этих лет. Вот в чем мой секрет, Джим.

- Может быть и так, - отвечал я, - но что мне помешает обратиться к ближайшему судье, чтобы тот отправил тебя на виселицу? Немало людей погибло из-за тебя, Джон Сильвер! Ты убивал на моих глазах...

В тот же миг взгляд Сильвера забегал:

- Джим, ты ведь не тот человек, который стал бы преследовать старика-калеку, одной ногой стоящего в гробу, - сказал он. - Даже сквайр Трелони и капитан Смоллет не сделали бы этого. Они не пали бы так низко. - Он замолчал на миг. - Наверное, оба джентльмена живы и здоровы, Джим?

В нескольких словах я рассказал ему, что сквайр Трелони умер одиннадцать лет тому назад, что незадолго до смерти он стал депутатом парламента по своему округу и все так же охотился на куропаток и стрелял их с присущей ему меткостью, пока последняя болезнь не уложила его на ложе скорби. Капитан Смоллет, вновь призванный войной на службу, участвовал в славной битве адмирала Роднея против французов при Сейнтсе в 1782 году. Французская эскадра потерпела поражение и Вест-Индия была спасена, но капитан Смоллет погиб - ядро попало ему прямо в грудь. Умер он так же, как и жил, - на службе своему королю, и лучшей эпитафии этому человеку не сумел бы придумать сам мистер Шекспир.

При этих моих словах Сильвер вздохнул и пробормотал что-то в том смысле, что в сущности они всегда были истинными англичанами; я почувствовал, однако, что новости, мною рассказанные, его до некоторой степени обрадовали. Сильвер бесконечно презирал легкомысленного и взбалмошного сквайра, а безукоризненная честность и мужество капитана Смоллета стали непреодолимой преградой его намерениям захватить сокровища Флинта на острове Кидда.

Помолчав немного, он спросил:

- А что стало с доктором Ливси? Это, я скажу, достойный человек. Неужели и он умер?

На сей раз у меня были хорошие новости. Доктор Ливси здравствовал и процветал. Проживая с сестрой в Тонтене, он не прекращал врачебной практики и пользовался в Сомерсетшире большой известностью и почетом. Именно доктор Ливси выгодно поместил мою скромную долю сокровищ острова Кидда и убедил меня пойти по его стопам. В большей степени именно ему я обязан своим теперешним уверенным положением и благодарен не только за приличный достаток, но и за то, что он с поистине отеческой заботой помог мне завершить образование и устроить жизнь.

Разговор о докторе Ливси напомнил мне о моем долге. Теперь я глядел на мистера Джона Сильвера как лекаря на пациента. Тот приподнялся на диване и с моей помощью снял через голову рубаху. Вновь меня поразили широкие плечи Сильвера и два косых шрама через ребра. Я увидел татуировку: на одном плече изображены были пылающие сердца, переплетенные над именем "Аннет", на другом находилась лишь надпись "Смерть таможне!".

Но увидел я также, что огромная грудная клетка Сильвера стала впалой, а отвислая кожа побледнела и покрылась пятнами. Внимательный осмотр подтвердил мой первоначальный диагноз.

- Что ж, Джон Сильвер, - сказал я ему, - вы, может быть, и спаслись от петли и желтой лихорадки, но сейчас у вас чахотка, и я боюсь, вы недолго протянете. - Я изрекал это, словно был архангелом Михаилом, но внезапно ощутил странный и неожиданный приступ угрызения совести и, желая смягчить произнесенный приговор, добавил: - И все же многие люди спаслись от чахотки, как только перестали пьянствовать и стали вести здоровый и разумный образ жизни. Если вы, Джон Сильвер, будете неукоснительно следовать моим указаниям, то проживете здесь в Глостершире до ста лет, если будет на то божье соизволение.

Сильвер взревел, как разъяренный медведь.

- Слушай, ты! - гаркнул он. - Я ведь уже в пути на тот свет, так что незачем плести мне эти побасенки. А смерти я не боюсь! Да, жил я опасной жизнью, уж ты то это знаешь. Но когда мог, жил кротко и разумно. Нет, я не пьяница! Вот Флинт, Билли Бонс, да и другие - те прожигали жизнь пусто и бездумно, а уж пили то... Я выдывал беднягу Билли упившимся французским коньяком настолько, что ты и не поверишь, даже если увидишь своими глазами. А Флинт подох от пьянства в Саванне еще в 1754 году. Ром свел его в могилу, хоть был он ненамного старше меня. У каждого своя судьба, Джим, так что пытаться обмануть смерть по советам врачей - все равно что плевать против ветра!

Ответ его меня успокоил, но не удивил. Я помнил, какой ум и самообладание проявил Сильвер на борту "Эспаньолы". И то, что после стольких неслыханных бед и опасностей они сохранились, было свидетельством здравого его рассудка, присутствия лукавства и храбрости, равно как и доказательством того, что в этом на первый взгляд немощном теле сохранились большие запасы жизненной силы.

И все же болезнь глубоко поразила его легкие. Когда я вновь увидел, как весь он содрогается от ужасного раздражающего кашля, во мне снова пробудилось сострадание. Да, не спорю, он был лжец, пират, убийца, изменник и вор, но даже в его преступлениях таилось что-то привлекательное. На фоне скучных добродетелей обывателей он выделялся своими кровавыми злодеяниями. "Это человек, с которым всегда надо считаться", - подумал я.

Сильвер прервал ход моих мыслей:

- Так что, Джим, - спросил он, - стало быть, протянет еще сколько-нибудь старый моряк, сражавшийся под флагом адмирала Хоука, не так ли?

- Ну-ка, - возмутился я, - давайте разберемся. Когда мы встретились впервые, вы были самым обыкновенным пиратом. Я вам не сквайр Трелони, и незачем мне рассказывать враки о том, как вы служили королю и Англии в войне с Францией и Испанией.

Эта вспышка доставила мне странное удовольствие, прозвучав эхом справедливых оценок капитана Смоллета и доктора Ливси. Но последнее слово осталось за Сильвером.

- Вижу, ты ни на фартинг мне не веришь, Джим, - печально сказал он, - и я сам в этом виноват. Как погляжу, другие уже порассказывали тебе всяких баек, так что придется старому Сильверу самому взяться за исправление судебного журнала, как ты назвал свою книжку. Да-да, я ведь знаю, что ты описал наши приключения на острове Кидда и заработал неплохие деньги, правда, приврал в своем сочинении изрядно, ну да это не твоя вина. Бен Ганн, этот олух, тоже болтал что-то об этой истории, как мне рассказывали, но я не обращал на него внимания, пока мы ходили вместе на старом "Морже", не собираюсь этого делать и сейчас. Да, что было, то было, но не зватья мне Долговязым Джоном Сильвером, если я протяну долго, а не хотелось бы уходить из жизни с клеймом отъявленного негодая, каким ты меня расписал. Клянусь тебе, Джим, все, что я сейчас расскажу, будет чистой правдой, или тем, что мне с моей колокольни казалось правдой.

Я ведь и в самом деле плывал с Хоуком, сражался под британским флагом, обошел с королевским флотом все Карибское море в поисках французских и испанских судов. Клянусь тебе памятью своих детей - они умерли тридцать лет назад. У меня было два прекрасных сына, Джим, и до сих пор, как вспомню о них - сердце кровью обливается. Так вот, Джим, ты просто выслушай мою историю и не спеши судить меня, ругать, называть предателем, пока не поймешь, что и как было. Конечно, это долгая история, но я уже решил поведать тебе о своей молодости, о том, как мы зарыли сокровище на острове Кидда, как Билли Бонс сбежал от нас с картой Флинта, на которой было обозначено место, где зарыт клад. Когда-нибудь, как буду чувствовать себя получше, расскажу тебе о том, как снова пустился в плавание на остров и почему убежал с "Эспаньолы" перед возвращением в Англию. Но хватит на сегодня.

Он замолчал, утомившись. А мне не оставалось ничего другого, как подчиниться его желанию. Так мы договорились, что я вернусь на следующий вечер, и тогда он начнет рассказ о своей жизни. Должен отметить, что в эту ночь спал я очень плохо - во сне меня мучили невообразимые кошмары, - но ужас, горечь и безысходность того, что мне пришлось услышать потом, превзошли все мои ожидания.

2. КОНТРАБАНДИСТ-ПОДМАСТЕРЬЕ

На следующий день я пришел к Сильверу в половине седьмого вечера и застал его в хорошем настроении. Хотя кашель все еще разрывал ему грудь, а дыхание порой было затрудненным, Сильвер выглядел более бодрым и энергичным, чем накануне.

К концу обеда и я пришел в отличное настроение, благо все блюда были прекрасно приготовлены и заметно, хоть и в меру, поперчены, как и положено в доме джентльмена, долго жившего в Вест-Индии.

Темнокожий слуга Сильвера прислуживал старательно и аккуратно, бесшумно и быстро передвигаясь по паркету. Прежде чем Сильвер начал рассказ, мы одолели полторы бутылки красного вина и отпили по добромуту глотку восхитительного ароматного портвейна.

- Ну, Джим, за работу, - начал старый пират. - Думается мне, что ты был бы не прочь узнать немного побольше про Долговязого Джона, прежде чем вернуться к столу. - Он потянулся к трубке и табаку, но вдруг нахмурился и забарабанил большими сильными пальцами по ручке кресла. - Начнем с Бристолья, - промолвил он, сосредоточившись. - Бристоль - мой родной город, Джим, даже более чем родной - там родились и прожили всю жизнь мой отец и дед. Прекрасный город, великолепный, да ты и сам знаешь, хотя наверняка часто слышал, что эти чудесные богатые дома и высокие конторы судовых агентов построены на крови и костях черных рабов... Потому что, - продолжил он, - в Бристолье ведь не только прекрасные дворцы, но и жестокие сердца. Видывал я, как вдовы рыдают и клянут все на свете, узнав, что их мужья сгнили под африканским солнцем или сгнули в морской пучине во время шторма в Карибском море. Многие здесь сходят на берег с сотней гиней в карманах, но чаще ты встретишь таких, кто воссылает хвалу Господу за то, что он в милости своей позволил им вернуться домой живыми после кораблекрушения, бунта или желтой лихорадки, как это бывало и со мной.

При этих словах он возбудился и живо напомнил мне прежнего Джона Сильвера, которого я впервые увидел в гостинице "Подзорная труба", - одинокого жизнерадостного трактирщика, быстро скакавшего от столика к столику, стучавшего кулаком по столу и ругательски ругавшего Тома Моргана за его разговоры с Черным Псом.

Воспоминания так разволновали Сильвера, что мне не оставалось ничего другого, как слушать поток слов, обильно сопровождаемых изощренными ругательствами и богохульствами. Я хорошо запомнил этот рассказ и, по возможности убрав из него брань, божбу и некоторые детали, способные оскорбить слух читателя, в меру своих скромных сил и способностей предлагаю исчерпывающее и благопристойное жизнеописание Джона Сильвера.

Родился он в Бристолье, в лето от рождества Господня 1716-е, ровно через шесть месяцев после подавления бунта якобитов против Ганноверской династии, когда претендент на престол после краткого и бесславного "царствования" под именем Иакова III английского и Иакова VIII шотландского спешно сбежал во Францию.

В доме Сильверов не нашлось ни единого приверженца, живущего во Франции католического претендента на престол. Глава семьи, Майкл Джозеф Сильвер, сапожник по профессии, был убежденным конгрегационалистом и страстно ненавидел французов, аристократов и попов, причем ненависть его проявлялась в строго определенном порядке. Долговязый Джон с усмешкой вспоминал, как его отец бормотал и ругался за работой, склоняясь над верстаком и сопровождая каждый удар молотка революционным лозунгом.

- На! - и бил сапожным молотком. - Бей! Так им, французишкам! Нна! - еще удар молотком. - Разнесем палату лордов. Нна! - еще удар. - Добрый удар в задницу папистам! - удар! - А это всем епископам, чтоб им лопнуть, как во времена Кромвеля!

Как ни странно, Майкл Сильвер, вздохавший по славным временам пуританской революции и усердно, хотя и с трудом, читавший стихи Мильтона и прозу Беньяна при тусклом свете огарка, был женат на девушке из англиканского семейства. Надо сказать, что до некоторой степени это был брак по расчету. Дела связали Майкла с Генри Бродрибом из Бата, владельцем обувного магазина, прожорливым гигантом, не особенно ревностно придерживавшимся догм англиканской церкви. Когда старый Бродриб овдовел, на шею его повисла забота о будущем двух дочерей и, увидя выгоду для своего дела в родстве с умелым сапожником, он сумел уверить Майкла Сильвера, что счастье тот обретет лишь в семейной жизни со старшей из сестер, Мери Энн.

Мери Бродриб, молодая и энергичная высокая девушка с пышной копной белокурых волос, приглянулась невзрачному Майклу Сильверу, бледному и сутулому, как большинство людей его профессии. Сапожник решил, что нашел свою судьбу, и женился на ней. Молодожены превратили флигель за сапожной мастерской, расположенной на Корабельной улице, в достаточно удобный дом. Шли годы, и в семействе появилось трое детей: Джон и две его сестры.

Итак, Джон Сильвер рос в доме, где жили исключительно достойные и порядочные люди, увы, так и не сумевшие понять взгляды друг друга. Взгляды Майкла и Мери были настолько различными, что, казалось, даже стены сотрясались, когда супруги, сидя по вечерам на кухне перед пылающим камином, заводили свои бесконечные споры. Джон вспомнил один такой спор, запечатлевшийся в его памяти с десятилетнего возраста.

- Слушай, жена, - заявил внезапно Майкл, - что это за папистские глупости вбивала ты сегодня в голову молодого Джона? Небось несла всякую чушь про мученика-короля?

- Тсс, Майкл, - отвечала Мери, качая на коленях маленькую дочку, - я не поклонница папистов, но считаю, что негоже было обезглавливать Карла I, как бы он там ни правил.

- Негоже! - рявкнул Майкл Сильвер. - Жаль, что не изловили все Стюартово отродье и не передавили их, как крыс!

Он обернулся к сыну, слушавшему спор с открытым ртом:

- Вот так-то, Джон, мальчик мой. Никакие там святые, иконы, статуи, мощи и прочие языческие штучки не помогут тебе в трудную минуту, если против тебя сам Господь. Вот народ - он все может сделать. Может улучшить жизнь пером и мечом, потому что за ним незримо стоит Бог. Конница Кромвеля сразила кичливых аристо-кратишек "божьего помазанника" Карла при Нейсби, а незадолго до твоего, Джон, рождения, мы прогнали Джеймса Стюарта, офранцузившегося претендента на королевский престол.

- Может быть, ты и прав, - быстро возразила Мери Сильвер, - но для людей порядок и традиции поважнее зависти и бунтов. Ведь надо всем сердцем ощущать связь со стариной, с добрыми нашими традициями, со святой церковью, основанной апостолом Петром, с моей церковью, Майкл, не с твоей.

- И с чем еще, скажи, будь любезна? - издевательски спросил Майкл. - С палатой лордов, этих чванливых олухов? С этими жирными, тупыми аристократами? С бездельниками епископами? С вечно пьяными взяточниками - мировыми судьями? Да провались они все к дьяволу, вот что я тебе скажу!

- Понимаю и разделяю твой гнев, Майкл, - мягко ответила Мери. - Но подумай о доме, о чувстве долга, придающем смысл всей нашей жизни. Вот, главное: чувство долга и порядка! Если мы его потеряем, а ведь мы, Майкл, плоть от плоти этой страны, в Англии не останется ничего, кроме мерзости и запустения.

- Чувство долга! - усмехнулся Майкл. - Не говоря о цепях и оковах. А ну-ка посмотрим, как у тебя обстоит с чувством долга! Почему ты не можешь заняться собственным сыном, который сидит перед нами и смотрит тут круглыми глазами. Ну конечно, ты скажешь, что он умен и, благодаря тебе, умеет читать быстро, как заправский стряпчий. Хорошо! Но по моему разумению, неплохо бы ему выучиться долгу хотя бы в сапожной мастерской. Парень, ты еще учишься, так изучи благородное сапожное ремесло - так ты выполнишь свой долг перед Богом, королем и Англией. Начнем пораньше, ровно в шесть утра, так что марш в постель, да и вы тоже, быстро!

Вот так Долговязый Джон стал обучаться ремеслу своего отца. Не больно-то нравилось ему сапожное дело, и, случалось, часами он, стиснув зубы, молча проклинал унылую рутину, надоедливую точность, с которой надо резать, кроить, шить и прибивать. Отец его, молчаливый и замкнутый, как устрица в своей скорлупке, лишь изредка взрывался и ругал сына, что не помогало мальчику примириться с работой. Джон видел, какое мрачное будущее его ожидает: всю жизнь провести среди вони кож, постоянно подвергаясь оскорблениям и попрекам неблагодарных клиентов.

Однажды, работая вдвоем с отцом, мальчик решил поговорить с ним всерьез:

- Батюшка, - спросил он, - наверное, есть и другие занятия, так же уважаемые, как наше?

- Да, мальчик мой, но редкая работа может так приучить глаз и руку к точности. Сапожное мастерство развивает ум, приводит в порядок мысли, приучает к пунктуальности.

- Но на этой работе, батюшка, мы заперты в мастерской. Наша жизнь совсем не то, что жизнь моряков. Все время без солнца, сидим в темноте, как мыши в норах. Разве это жизнь?

- Зато наше ремесло дает нам средства к существованию. Верно, не так уж и много, но вполне достаточно, чтобы не зависеть от всяких сквайров и прочих аристократишек, ходить по улицам, никому подобострастно не кланяясь, достойно занимать свое место в церкви. Ты свободный человек, по вечерам можешь читать, разговаривать, думать, своим умом познавать Господа и жить так, как хочешь, по совести.

Джону нечего было ответить на эти слова. Он сознавал разумность речей отца, но сердцем не мог принять их.

И ничего удивительного, что на тринадцатом году жизни Джон Сильвер готов был послать к черту скуку добропорядочной жизни. Вскоре представился и подходящий случай. Как часто это бывает, случай принял человеческий облик, и звали его Питером Дуганом, постоянным клиентом Майкла Сильвера. Это был человек еще не пожилой, но, как говорится, в годах, хилого телосложения, тощий как скелет, и благоухание бренди распространялось от него чаще, чем это подобает добропорядочному горожанину. Иногда он требовал пару хороших морских сапог, порой уносил из мастерской элегантные дамские туфли для какой-то своей приятельницы. Держался он самоуверенно, но сдержанно, как будто был посвящен в важные тайны и сознание этого наполняло его внутренним удовлетворением и, надо добавить, самодовольством. Платил Дуган всегда наличными, и платил хорошо.

Молодого Сильвера крайне интересовал этот таинственный и элегантно одетый скелетоподобный джентльмен. Тот любил шутить с Джоном, однако в один прекрасный день его колкости стали острее, чем обычно. Дуган с нескрываемым ехидством сожалел о тяжелой судьбе бедолаг, прикованных с утра до ночи к сапожному верстаку, которым так никогда и не суждено познать жизнь. Обиженный Сильвер сердито заметил в ответ, что занятие это во всяком случае почтенное и уважаемое, а вот интересно, как высокочтимый мистер Дуган добывает средства на жизнь? Не иначе, режет глотки проходим на большой дороге и обирает еще теплые трупы. Услышав столь дерзкие слова, Дуган протянул костлявую руку через верстак и схватил Джона за воротник.

- Ах ты, драная стелька! - заорал он. - Да будь у тебя хотя бы половина моего ума, ты бы плавал в деньгах и не расстилался бы перед жирными женами торгашей, чтобы соблаговолили купить драгоценные твои обувки. Да ведь ты весь в отца - языком трепать умеешь, а дойдет до дела - слабоват в поджилках.

Для своих тринадцати лет Джон Сильвер был рослым и сильным малым. Вмиг он перехватил тонкую руку Питера Дугана и стиснул ее так, что тот скорчился от боли. Они отпустили друг друга.

Когда Дуган отер пот с лошадиной физиономии, Сильвер задиристо спросил его:

- Ну-ка, говори, откуда добываешь монету?

- А почему мне знать, парень, можно ли тебе доверять?

- А потому что я мужчина не меньше, чем ты!

"Господи боже мой, что я несу! - подумал Джон. - Вот сейчас он выхватит нож и прирежет меня, как поросенка". Но к собственному удивлению, ему удалось сохранить внешнее спокойствие.

Дуган оценивающе глядел на Джона, молчал, и это молчание тянулось для юноши целую вечность. Наконец Питер рассмеялся надтреснутым тенорком и, обняв Сильвера за плечи, вывел его из мастерской.

Они зашли в припортовый трактир, и здесь, среди ароматов табака, пива и рома Дуган раскрыл молодому Джону свои тайны. Оказывается, он был главарем шайки контрабандистов, промышлявших вначале в Бристольском заливе, но постепенно развернувших свою доходную, хотя и предосудительную деятельность в Корнуэльсе и на берегах Глостершира. Предметами беспешинного ввоза были чай, французский коньяк, джин и дорогие шелковые ткани.

Доходы, рассказывал Дуган, превосходили всяческое воображение. Хотя спиртное разбавлялось наполовину и больше, покупатели все равно отрывали его с руками. Таможенная охрана не представляла серьезной опасности, и если ее чиновникам удавалось случайно застать контрабандистов на месте преступления, туго набитый кошелек прекрасно разрешал все недоразумения и безотказно вызывал приступ временной слепоты у служителей закона Его Величества.

- Ну как, Джонни, дружок, - спросил вдруг Дуган, - охота тебе войти к нам в долю? Для мальчика с благообразной внешностью у нас всегда найдется подходящая работа. А ты, должен сказать, здорово смахиваешь на юного попики из тех, что метят в святые.

Сильвер колебался: все услышанное здесь одновременно привлекало и отталкивало его. Наконец он смущенно промолвил:

- Наверное, все-таки опасная это работа, да и связана с контрабандой и прочими штуками. Еще заловят, не дай бог. А матушка этого не переживет. - И замолчал, чувствуя, что говорит глупости. Дуган захихикал:

- Да ты, я погляжу, вовсе маменькин сынок. Ладно, больше нам толковать не о чем. Вали домой, под мамину юбку, сопляк!

- Нет, - сказал Джон, - не для меня это дело. И вообще, красть грешно! - Сказав это, он понял, что опять сморозил глупость.

- Грешно! - расхохотался Дуган. - Грешно отбирать самую малость у тех, кто и без того имеет больше, чем нужно? Грешно отсыпать малость разносолов и отлить чуть-чуть напитков у этих важных дам и господ? Слушай, парень, твой отец не больно-то жалуется всех этих богатеев и аристократов. Представь себе, он узнает, что по твоей милости какое-нибудь чванливое сиятельство лишится двух-трех бутылок коньяка, а у какой-либо сановной верхивостки в закромах будет на штуку шелка меньше. Да ведь твой отец гордиться будет, что породил на свет лихого молодца и пожелает тебе успехов и дальше. - А все-же, - заключил он, - обманул я в тебе. Если у такого парня поджилки трясутся при одной мысли о славных приключениях, умолять тебя никто не станет. Я думал, ты хитрый малый, но вижу, что ты дурак дураком. - Он замолчал. - Ну ладно, если все-таки надумаешь, сам знаешь, где меня искать. Вдруг и вправду ты не такой уж слюнтяй. - И тоненько рассмеявшись, он покинул Сильвера и затерялся в уличной толпе.

Юный Джон вышел из трактира. Моросил дождик, но улица была полна народу. Мимо со скрипом прокатила тележка старьевщика, до отката забитая старым хламом; возчик поминутно озирался и то и дело брэнчал медным колокольчиком. Из-под круга черноволосого точильщика летели искры; работа не мешала ему сладко улыбаться стоящей рядом служанке, держащей в руке несколько хозяйских ножей. Пошатываясь от тяжести, прошел продавец коврижек. Придерживая лоток на животе, он прокладывал себе путь через толпу, как корабль, нагруженный по ватерлинию товарами из Индии.

Сильвер осторожно перешагнул водосточную канаву посреди мощеной улицы; грязная вода лениво текла среди мусора. На пороге галантерейной лавки, согнувшись в три погребели, сидела старуха с остановившимся бессмысленным взглядом, а над ее головой, как топор в руках неумелого палача, раскачивалась окованная железом вывеска галантерейщика.

Переходя с бега на шаг, Джон через несколько минут оказался на Корабельной улице. Дождь перешел в ливень, и потоки воды извергались из желоба, являвшего собой отверстую зубастую пасть дракона, венчавшего крышу отцовского дома.

Джон миновал ворота и, крадучись, вошел в мастерскую. Внутри ее было темно из-за ненастья, а почерневшие балки, которые держали стены и потолки еще со времен войны Алой и Белой Роз, угрожающе нависли над головой.

Отец, согнувшись перед верстаком, внимательно изучал подметку большого черного сапога, "Слишком скуп, чтобы зажечь свечу", - подумал Джон, шмыгнув на место.

Неожиданный голос отца прозвучал во мраке резко и саркастично:

- Ну, что расскажешь о своих похождениях? Небось шлялся к каким-нибудь святым своей мамы? Таскается, как нищий. Да еще среди бела дня.

Джим молчал. Дождь что было силы барабанил в оловянные оконные рамы.

- Хоть ты мне и сын, но ты еще ученик. Где в твоём ученическом договоре сказано, что можешь убежать, когда захочешь? Ну-ка, парень, отвечай!

Джон неохотно отозвался:

- Нигде, батюшка.

- "Нигде, батюшка", - передразнил его Майкл Сильвер. - То, что ты еще молод - это не оправдание, ясно? Помнится мне, в парламенте еще не проходил закон о равенстве прав подмастерьев и членов палаты лордов.

- Нет, батюшка.

- Так вот, парень, объявляю новый закон специально для тебя. Войдет он в силу сразу же, как я ударю молотком. Я, Майкл Сильвер, запрещаю своему ученику Джону Сильверу покидать рабочее место без моего на то разрешения. Кроме того, объявляю, что он за самовольную отлучку лишается недельного жалования, которое составляет полтора шиллинга. Аминь! А теперь за работу, живо!

Джон, стиснув зубы, погасил в себе приступ бешенства и взглянул на поределую косицу на затылке отца, снова склонившегося над черным сапогом. Так бы и хватил по башке тяжелой сапожной колодкой. Хрустнула бы, как орех!

Шло время. Никто не проронил ни слова. Гнев Джона постепенно проходил, вместо него появились чувства решимости и скрытого торжества. Дождаться бы конца работы! После семи он свободен и пойдет искать Дугана. Времени хватит, возможно, он даже успеет вернуться в постель прежде, чем дом запылит на ночь. А если и нет, не велика беда, контрабандисту темнота не страшна. Да и Дуган обещал платить, и уж конечно, не жалких полтора шиллинга в неделю. Джон окончательно решился.

Неделю спустя Джон Сильвер произнес бессвязную и богохульную клятву, в которой обещал хранить тайну и слушать указания атамана. Так он стал членом шайки Дугана, и началась его двойная жизнь. Днем он шил обувь и стучал молотком, слушал, как отец ругает якобитов и аристократов, но только начинало темнеть, Джон, наскоро проглотив поданный матерью ужин, оставлял сестер сплетничать и ссориться и удирал из дома к своим новым друзьям.

Для выполнения своих планов Дуган сумел подобрать неплохую шайку из бывших арестантов, пропойц - матросов и неотесанных батраков. Повиновения этого сброда он добился при помощи кулака и пистолета, а преданность приобрел щедростью при дележке добычи.

Сумев таким образом обуздать шайку, Дуган ловко и умело проворачивал дела. Вскоре о его хитрости стали ходить легенды по всем берегам Западной Англии. Вот одна из них.

Однажды трое контрабандистов переделались пастухами. Как было задумано, они отправились к уступу обрывистых прибрежных известняков и стали в опасной близости от края скалы собирать яйца морских птиц. Два таможенника, проезжая мимо с дозором, дружески приветствовали их, улыбаясь и добродушно подшучивая, поскольку пастухи, бросившие стада на пастбище и собиравшие яйца на скалах, - картина в тех краях самая обычная.

Три контрабандиста спокойно среди бела дня спустились по скалам вниз. Добравшись до полосы прибоя, они достали из-под одежд инструменты и высекли в известняке площадку длиной в восемь и шириной в четыре фута. За ночь лодка выгрузила туда шестьдесят два бочонка отличного французского коньяка. Люди Дугана часто раздражались ехидным хохотом, помяная эту удачу.

В другой раз бандиты поймали одного особенно ретивого таможенника по прозвищу Ястребиный Глаз. Желая отомстить за то, что он совал всюду свой нос, подстерегал и вынюхивал, завязали ему глаза, связали ноги и закричали: "Сбросим его со скалы, ребята! Смерть ему!" Несчастный молил о пощаде, но мучители с грубым хохотом и проклятиями толкали его к уступу, пока он отчаянным усилием, уже падая, не извернулся и не вцепился что было сил в узкую трещину в скале.

Пятнадцать минут Ястребиный Глаз висел на руках и звал на помощь. Потом пальцы его разжались, и с нечеловеческим воплем он рухнул вниз. Шутка заключалась в том, что, пролетев едва три фута, он попал в кучу морского песка, куда чья-то старательная рука накидала щедро, от души конского навоза. Разбойники сбросили его с низкого уступа на берег моря.

3. ПОБЕГ

Через десять месяцев после этого Сильвер распрощался с карьерой контрабандиста, чудом сохранив при этом жизнь.

Все изменилось благодаря стечению двух обстоятельств. Во-первых, Питер Дуган переломал себе ноги, поскользнувшись и упав со скалы с высоты двадцати футов. Так бандиты лишились своего хитрого и предусмотрительного главаря. Во-вторых, на одном участке берега, где контрабандисты действовали до того времени безнаказанно, появились два особо деятельных и смелых таможенника.

А произошло вот что: оставшись без главаря, бандиты задумали захватить одну таможенню. Должен вам сказать, разбойные нападения на таможенню в Англии - верный путь на каторгу или в укромное убежище, из которого не выбраться до седых волос. Совсем другое дело доставить себе это удовольствие на каком-либо островке, продуваемом всеми ветрами Карибского моря, или в безлюдной местности Пенсильвании или Нью-Йорка.

Вначале все было хорошо. Дерзкие глупцы проникли в таможенню, легко обманув сонных и полупьяных служителей. Бандиты захватили чай стоимостью в две тысячи фунтов и некоторую толику денег. Когда же они стали уходить, нагруженные добычей, появились Джекси и Пейн, новые таможенники. Они успели схватить Саймона Куртиса, медлительного и неуклюжего толстяка, и отвели его к местному мировому судье майору Ротсею.

Остальные бандиты успели уйти безнаказанно. Но надолго ли? И как быть?

- Притихнем, - слышался голос Сильвера среди споров, - и распустим шайку. Для начала на пару месяцев, а может, и навсегда.

Но на слова молодого Сильвера этой ночью никто не обратил внимания. Победило безрассудное мнение, поддержанное плосколицым головорезом Джонатаном Тернером.

- Парни, - заявил Тернер, - сейчас вопрос в том, кто кого, пари держу, что так, а не иначе. Если будем чесаться да потягиваться, эти ублюдки Джексон и Пейн наденут на нас кандалы еще до конца недели. Око за око - так я думаю. Задать им такой урок, чтобы никому не пришлось в голову связываться с нами.

Предложение Тернера было поддержано большинством членов банды, панически боявшихся ареста и суда. В сущности, к этому времени вся эта жестокая и тупая шайка была уже обречена.

На следующую ночь Тернер повел банду на квартиру к таможенникам. Напуганный и захмелевший Джон последовал с ними. Заспанных Джексона и Пейна вытащили из постелей.

Пленников привязали к одному коню - Джексона взгромоздили на спину, а Пейна подвесили под брюхом.

- Бейте их кнутом! Режьте на куски! Выкалывайте глаза! - пронзительно орал Тернер. Бандиты окружили коня и принялись нещадно избивать и терзать несчастных.

Больше мили кровавое это шествие следовало через заросли терновника и папоротника-орляна по скалам. Когда они добрались до постоянного двора "Дельфин", принадлежавшего одному из бандитов, оба таможенника истекали кровью и с трудом ворочали языками в тщетных мольбах о пощаде. Во дворе их отвязали от коня, но Джексон рухнул вниз головой на камни и остался недвижим, как мертвый. Четырнадцатилетнего Сильвера колотило крупной дрожью от этих жестокостей, но он понимал, что малейший протест может навлечь на него ту же судьбу. Бандиты то и дело прикладывались к флагам рома и джина, что усиливало их остервенение и злобу.

Вскоре обоих таможенников поволокли к ближайшему полю. Там выкопали глубокую яму для Джексона, сбросив его вниз с отвратительной руганью и богохульствами. Сильвер был уверен, что таможенник еще дышал, когда комья земли стали сыпаться на его окровавленную голову. Так или иначе, несчастный нашел там последнее пристанище.

Еще более ужасная судьба ожидала Пейна. Опьяненный ромом и пролитой кровью, Тернер произнес смертный приговор. Поставив затем таможенника на траву на колени, он открыл складной нож и заорал:

- Читай молитву, сопливый пес, пока я тебя не зарезал!

Несчастный Пейн стал возносить к небу молитву, насколько позволяли ему пересохшее горло и израненный рот. Еще не завершил он горячего обращения к Спасителю, как Тернер схватил его за косицу и принялся наносить удары ножом по лбу, глазам и носу. В это время остальные, столпившись вокруг, били свою жертву ногами по спине. Утомившись развлечением, контрабандисты снова кинули на коня измученного беднягу и повезли его к ближайшему колодцу.

Добравшись туда, мучители заставили Пейна проползти под оградой к краю и с радостным галдежом и бессмысленными воплями сбросили его в колодец на глубину тридцати футов. Услышав на дне стоны несчастного, контрабандисты стали забрасывать его камнями. Наконец голос его умолк.

- Сделано, ребята! - торжествующе заорал Тернер.

Обливаясь потом, дрожа от страха, замученный угрызениями совести, Сильвер сбежал еще до того, как свершились эти ужасы.

Спустя несколько дней он встретился с Джошуа Тейлором, тоже членом банды, семнадцатилетним парнем с грубым лицом, жившим через несколько улиц от него.

- Джош, - сказал ему Сильвер, - я заболел от страха, честное слово, заболел. В жизни своей не думал оказаться замешанным в убийстве или ином подобном деле. Я не такой уж негодяй, как ты, наверное, думаешь.

Тейлор задумчиво сосал свою глиняную трубку.

- Это как посмотреть, Джон, - сказал он неторопливо. - Наш друг Тернер просто избавился от всех свидетелей. И не звать мне Джошуа Тейлором, если я не приложил к этому руку. Ведь это я оседлал старую клячу, на которой везли Пейна, я вырезал ему ремни из кожи и я помогал ему отправиться на дно колодца. А больше на нас доказать некому.

- Уж больно ты самоуверен, Джош, - нервно возразил Сильвер. - Кто-нибудь из наших проболтается, и тогда все пропало. Честно скажу тебе, я просто подыхаю от страха. Да это убьет мою матушку, ей-богу!

- Ах вот оно что! - издевательски протянул Тейлор. - Побежал к маменьке под юбку. А я и забыл, что ты еще сопляк, хотя и вымахал, как колокольня. Ладно уж, не распускай нюни, до завтра Бристоль ничего интересного не узнает.

- Нет, нет, - в отчаянье выкрикнул молодой Сильвер. - Я вовсе не то имел в виду. Просто мне хочется, чтобы все это каким-нибудь колдовством стерлось, пропало, чтобы можно было начать жизнь сначала. Эх, если бы я слушал, чему отец меня учил!

- Эх, Джон, никакое колдовство тут не поможет, - невозмутимо отвечал Тейлор. - Что сделано, то сделано. Так вот, держи лучше язык за зубами, или однажды взбесишь нашего приятеля Тернера. Будь уверен, еще несколько пинт крови его не смутят.

Тайком Сильвер вернулся домой, перепуганный и исполненный раскаянья. Каждый вечер с усердием, радовавшим его мать и забавлявшим отца, он молил Господа о прощении грехов и спасении от справедливого возмездия.

Следующий месяц изменил все. Один из контрабандистов, уверенный, что следствие рано или поздно до него доберется, сдался властям и в обмен на обещание помилования согласился стать свидетелем обвинения и дал полные показания. В несколько недель Тернер и главные его помощники попали за решетку. Начали вылавливать соучастников. Среди прочих был арестован и Сильвер и, к ужасу всего семейства, препровожден в тюрьму.

Процессу по совету из Лондона придали широкую огласку, дабы вселить в сердца нарушителей закона спасительный ужас в назидание тем, кто еще только помышляет вступить на скользкую дорожку. Создан был специальный трибунал из трех судей, которые в воскресенье перед началом процесса вместе с мэром и городскими советниками явились на обедню в Бристольский собор. Сам епископ, преисполненный праведного негодования, в своей блестящей проповеди заклеймил преступников и воззвал силы небесные и власти земные к скорому и суровому возмездию.

Процесс был кратким и проходил без лишних церемоний. После того, как трое из шайки стали свидетелями обвинения, Тернеру и его товарищам стало ясно, что их песенка спета. Главари держались, однако, с безрассудной дерзостью. Однажды в ходе процесса он громко заявил с наглой усмешкой, что не даст и шестипенсовика за головы тех, кто приложит руки к его повешению и что их ожидает та же участь.

Сильвера судили вместе с другими, однако обвинение в соучастии в убийстве было отведено благодаря свидетельству некоторых подсудимых, которым повезло гораздо меньше. Приговор огласили на третий день процесса. Тернера и семерых его товарищей ожидало повешение. Пятеро, включая Сильвера, получили различные сроки тюремного заключения. Публичная казнь Тернера собрала множество народу, и продавцы сластей и напитков неплохо заработали в тот день. Особым постановлением суда тела казненных, закованные в цепи, было воспрещено погребать. Их выставили на всеобщее обозрение на виселицах, специально установленных возле их прежних жилищ. Услышав об этом посмертном наказании, Тернер рассмеялся в лицо судье, зачитывавшему приговор:

- Боже мой, значит буду еще на свежем воздухе, когда вы все станете гнить в земле.

И он действительно долго качался на ветру, пока воронье клевало ему глаза, а черви ползали по разлагающемуся телу.

Сильверу, можно сказать, повезло - его-то не повесили, но грязь и вонь тюремной камеры и отчаяние при мысли о потерянной свободе постоянно сводили его с ума.

Вскоре после вынесения приговора родители пришли к нему в тюрьму.

- Сынок, - сказала Мери Сильвер в конце свидания, - я уверена, что из-за дурных людей и их злокозненных советов попал ты сюда; из-за людей, вполне заслуживших эту ужасную кару. Но закон есть закон, и раз уж ты его нарушил, надо смиренно нести наказание. Я буду ежедневно молить за тебя Господа и надеюсь, что все это послужит тебе хорошим уроком. Дополнительным наказанием тебе послужит то, что твой отец запретил мне навещать тебя в этом убежище позора.

И она ушла, а за ней потащился отец, все время свидания стоявший в стороне и уныло молчавший. В нем отчаянии Сильвер опустил голову. Он понял, что многолетнее тюремное заключение предстоит пережить безо всякой поддержки семьи. Что и говорить, наказание он заслужил вполне, и матушка правильно об этом сказала. Джон решил стать примерным арестантом, надеясь найти в этом утешение и, может быть, добиться досрочного освобождения.

Мне думается, он оставался бы в тюрьме до седых волос, когда бы не счастливая случайность и не исключительная его смелость.

Удача улыбнулась Джону два года спустя, когда его однажды переводили с десятком других узников из одного корпуса тюрьмы в другой. Конвоиры тщательно запирали двери за собой, прежде чем отворить следующие. Так Сильвер очутился посреди запертого коридора. С высоты своего роста он с изумлением увидел открытое по чьей-то небрежности окно, путь к которому преграждали всего два-три заключенных. Несмотря на рост и недюжинную силу, несколько шагов, отделявших его от свободы, показались Джону вечностью. Наконец-то окно! Сильвер подпрыгнул к подоконнику, ухватился за него, подтянулся на руках и перевалился наружу.

Не обращая внимания на поднышающую за спиной панику, он увидел, что от мостовой его отделяло едва десять футов. Прыжок!

Как он сам мне говорил, это был самый счастливый прыжок в его молодости.

- Не так уж высоко, Джим, как можно представить. Все равно что спрыгнуть с дерева или невысокого уступа, там-то прыгать даже труднее. Но с этого прыжка, именно с этого прыжка, говорю тебе, для меня снова началась жизнь человека, преследуемого законом. Прыжок к свету, но и прыжок в могилу, ко всем чертям!

Он спрыгнул на землю среди изумленных прохожих, улыбаясь до ушей от радости. Один из стражников, взобравшись на окно, прицелился в него, но промедлил с выстрелом, опасаясь попасть в случайного прохожего. Ему пришлось спрыгнуть на улицу вслед за Сильвером, а за это время юноша отбежал уже далеко.

Он прекрасно знал бристольские улицы, закоулки и проходные дворы с сараями и складами. Долго петлял, возвращался, однажды пробежал под самой стеной тюрьмы, как раз под тем окном, благодаря которому оказался на свободе. Когда стемнело, Джон спрятался среди плит песчаника, сложенных в порту, решив при первом удобном случае покинуть Бристоль и Англию и предаться волю Господа и своей судьбе.

4. НА БЕРЕГАХ ГВИНЕИ

Наутро после побега, еще до рассвета, Сильвер нашел себе место на судне, занимавшемся работоторговлей и уже готовом к отплытию в Гвинею. Над "Ястребом" развевался британский флаг, и капитаном на нем был Десмонд Фини, высокий словоохотливый ирландец. Молодой Сильвер без запинки ответил на все вопросы капитана.

- Сколько тебе лет, парень? - спросил его Фини.

- Семнадцать, сэр! - ответил Джон, вытянувшись в струнку.

- Хм, - сказал капитан, - а с чего это тебе, сопляк, дома не сидится? - Сильвер забормотал было, что сбежал от жестокого отчима, но, к счастью, Фини прервал его новым вопросом:

- Ну, а что ты смыслишь в морском деле, салага? - зачастил он, выстреливая слова одно за другим. - Можешь убавить топселей при встречном ветре? Можешь ли бросать лот и замерять глубины перед мелью?

- Проверьте в деле, сэр, - ответил молодой Джон. - Я плавал с хорошими моряками, честное слово, сэр. Знаю почти все о бригантинах, шхунах, бригах и...

- Цыц! - гаркнул Фини, скептически пронзая его острым взглядом своих умных серых глаз. - Вижу, вижу, смыслишь кое в чем. Только понимаешь ли, сынок, торговля "черным деревом" - грязная работа. На берегах Западной Африки то и дело лихорадки, коварные нападения черномозгов, а на переходе через Атлантику сплошные нечистоты, вонь и рвота. Сразу учуешь, что море - не место для детишек со слабыми нервами.

- Я не боюсь грязи и лихорадки, сэр! - отчеканил Джон.

- Ну, хорошо, - молвил Фини, - но вот, представь себе, хм, ну, скажем, что рабы взбунтовались и свора дикарей ревет и изнывает от желания распороть тебе брюхо живьем, а?

При одной мысли об этом волосы у Сильвера встали дыбом, но преодолев страх, он выпалил, сжав кулаки:

- А чего тут думать: разбить им головы и выкинуть за борт, сэр!

- Ха, - ответил Фини, - не тебе бы доверил я эту работу. Но все же я тебя возьму. Как раз сейчас мне не хватает людей: моряку, видите ли, не по сердцу торговля живым товаром. Хотя и денежное это дело, но многие пугаются крови и желтой лихорадки. Валия в кубрик, парень. Одно из двух - или ты у меня быстро станешь заправским моряком, или пойдешь на корм акулам.

Итак, "Ястреб" отплыл в дальний путь с Джоном Сильвером на борту. Раньше Джону приходилось кататься на лодках в Бристольском заливе, но впервые он вышел в открытое море, и это путешествие, по его словам, научило его большему, чем все книги, которые он прочел вместе с матерью. Первым делом он преодолел морскую болезнь, хотя в Бискайском заливе было так худо, что горло бы себе перерезал, если бы смог удержать в руках нож.

Сильвер довольно скоро выучил основные правила морской службы, в чем ему немало помог линек, которым бдительный боцман пользовался умело и к стати. Страх перед лазаньем по снастям во время качки постепенно исчез. Первые дни на судне он ощущал, как пронизательные серые глаза Фини отмечали его неуклюжесть и ошибки и со всем уязвленным самолюбием юности представлял себе насмешки, с которыми говорил о нем капитан, но довольно скоро уверенность в своих силах возобладала и он перестал обращать внимание на насмешки, аккуратно подмечая при том редкую, но всегда заслуженную похвалу.

Фини хорошо смыслил в навигации, но не умел поддерживать дисциплину на борту. Днем он то и дело прикладывался к бутылке, так что к ночи еле держался на ногах и тогда судно оставалось на попечении старшего помощника Грирсона. Этот неразговорчивый йоркширец, ранее служивший в королевском флоте, требовал соблюдения дисциплины, был верен долгу и набожен. Товарищи Сильвера плевали ему вслед, страшно ругали его в кубрике, но спокойствие и самообладание, никогда не изменявшие Грирсону, заслужили уважение Джона.

В общем, у Сильвера не сложилось высокого мнения о своих собратьях-моряках. Они отнюдь не стремились выложиться при выполнении работы; главными их развлечениями были игра в кости, склоки да ссоры, и Джону до смерти надоела изощренная ругань при выдаче пищи и грога. Как новичка в экипаже, Джона поначалу третировали и всячески над ним издевались, но быстрые его успехи и явная физическая сила заставили отстать от него самых задиристых матросов.

Когда "Ястреб" бросил якорь на рейде Анамбу, порта, где торговали рабами со всего западного берега Африки, Сильвер с бака долго разглядывал новый для него мир тропических лесов, удивительных зверей и чернокожих дикарей. Поначалу роскошные краски и обильная растительность, обступившая стены форта и хижины обитателей Анамбу и, казалось, угрожавшая погresti их под собой, показались ему просто невыносимыми. Такими же выглядели для него и яркие одежды туземцев, вертевшихся в своих лодчонках вокруг "Ястреба" и предлагавших экипажу плоды и разные невиданные лакомства.

Но вскоре взору Сильвера предстали новые чудеса. Десмонд Фини протрезвел впервые за все путешествие и всерьез принялся за работу. С борта судовой шлюпки, нагруженной образцами привезенного товара, он сошел на причал Анамбу в сопровождении шести матросов. Среди них был и Сильвер, которого Фини позвал со словами: "А ты, волчонок, иди тоже, еще пригодись. На этом берегу сообразительный парень и умелый лжец стОит батареи пятифутовых орудий".

Вскоре Сильвер во все глаза смотрел, как Фини здоровался с работником. Монго Джеком Эндрюсом - огромным, рыхлым и беспредельно любезным человеком с мягкими и белыми руками. От долгих лет жизни в Анамбу работник сильно опустился, принял местные обычаи и вкусы и одевался в ярко-пестрые пропотевшие африканские одежды с плохо замытыми следами грязи.

- Дорогой мой капитан, - пропел Монго Джек, - наконец-то мы снова встретились, но черт побери, тяжелые теперь для всех времена. Я прошел много рек, отлавливая чернокожих парней и красавиц, и с огромными усилиями доставил их сюда, но какие расходы, дорогой сэр, какие расходы!

С этими словами Монго Джек опустился в тростниковое кресло, заметив посевшее под его тяжестью, и отер пот со лба. Фини тоже сел и приказал показать товар. Насколько помнил Сильвер, он состоял главным образом из бочонков коньяка и рома, хлопчатобумажных тканей из Манчестера, нескольких пар пистолетов, модных шляп с кружевами и железных прутьев.

Монго Джек, зевая, оглядел образцы.

- Обычный товар, капитан, - пожаловался он. - Честное слово, чернокожие вожди уже купаются во французском коньяке, и у каждого есть по восемь треуголок. Но, - продолжил он, оглядывая блестящие рукоятки пистолетов, - все-таки мы сможем кое-что сделать, дорогой сэр, поглядим еще.

На этом и покончили. Монго Джек повел Фини в одну из внутренних комнат, где принялся щедро потчевать его вином, ворча и жалуясь на нелегкую жизнь. Снаружи африканки, двигаясь змеевидной вереницей, поднесли Сильверу и его товарищам закуски.

Еще мальчишкой в Бристолье Джон Сильвер был знаком с девушками, но эти были, как существа из иного мира! Негритянки, мулатки и кварталонки, стройные или полные, бесстыдные или застенчивые, быстро сновали вокруг него, и женственность их смущала юношескую невинность Джона. Вино и жара, нескромные прикосновения и смех разгорячили Сильвера и его товарищей, и те стали танцевать с женщинами, перебегавшими от одного моряка к другому, болтая что-то весело, но непонятно.

- Джим, мне легче побрататься с французом, чем сказать пару слов на этом дьявольском языке, не вывихнув себе челюсть, - сказал он мне. - Но, боже мой, каким я был танцором в молодости, когда стоял на обеих ногах!

И так он танцевал, обнимая за стройную талию темнокожую молодую мулатку с полными губами и необыкновенно розовыми щеками. И кто знает, до чего бы все это дошло, но вдруг возник, заполнив своей тушей весь дверной проем, разъяренный Монго Джек и разрядил свои пистолеты под ноги танцующим.

Моряки моментально протрезвели. Женщины с визгом разбежались сломя голову, завидя своего господина, повелителя и супруга в праведном гневе.

- Бог мой, да всех, гляжу, эти танцы просто взбесили, - сказал Монго Джек. - Ишь, почуяли юбки, как собаки беглецов. Ладно, в танцах ничего плохого нету, парни, но попрошу не трогать моих жен. А лучше всего ступайте спать, - прибавил он с угрозой в голосе, - завтра с утра африканское солнце выпарит из вас веселье.

Сильвер и его товарищи скоро поняли значение этих слов, потому что с рассветом отправились в путешествие вверх по Рио Орто за рабами. Вел их сам Фини, а командование "Ястребом" было поручено мрачному Грирсону. Монго Джек дал им переводчика и проводил восторженными благопожеланиями.

Река вилась между густо заросшими берегами, то и дело оглашавшимися криками невидимых Сильверу зверей и блистающих разноцветным оперением бесчисленных птиц. Обнаженные моряки, обливаясь потом, гребли большими веслами. Наконец добрались до цели - фактории Оба, где и собирались торговать.

После коротких переговоров с могучим негром, разукрашенным вычурной татуировкой и разноцветными красками, переговоров, сопровождаемых недорогими подарками, путешественники получили дозволение на аудиенцию у Его Величества, короля этих мест, владевшего жизнью и собственностью нескольких тысяч чернокожих подданных, ютившихся в десятке деревушек вокруг Оба. Эта аудиенция, собственно, и была целью путешествия, поскольку монополией на торговлю "черным деревом" в Оба владело само Его светлейшее, хотя и чернокожее величество.

Окруженный женами, стражей и рабами, король жил в большой просторной хижине. За ним стоял палач, опоясанный мечом, готовый в любой момент исполнять приказы своего государя. Даже в то время, когда Фини через переводчика обменивался пышными и многословными приветствиями с королем, моряки со смешанным чувством наблюдали, как двух полуголых африканцев извлекли из толпы и тут же обезглавили. Горячая кровь несчастных забрызгала пурпурную мантию короля, но тот обратил на это не больше внимания, чем на несколько капель дождя. И скоро Сильвер понял почему.

- Ну, там и дела творились, Джим, этот старый дьявол не ценил человеческую жизнь ни в фардинг, - говорил он. - Этот черномазый промышлял торговлей людьми, но не нам его за это упрекать. Покупай мы мясо, он устроил бы у себя во дворце бойню, вот и все.

Темницы короля Оба действительно битком были набиты рабами, частью захваченными его жестокими наемниками во время набегов, частично же купленными у местных торговцев. Вскоре Фини направил своих людей отбирать рабов подороже.

- Слушайте, парни, - сказал он, - мы здесь не для того, чтобы подбирать среди этих дикарей всякий мусор. Берите только первоклассный товар и ничего другого. Всех старше, скажем, тридцати пяти лет, всех, у кого не хватает зубов или пальцев на руках и ногах, или глаза, или, скажем, уха, сразу же бракуйте.

Так Сильвер, еще недавно дрожащий за собственную жизнь, получил неограниченную власть над этими несчастными невежественными существами. Он с трудом таил в себе чувство отвращения, глядя, как его товарищи сновали между рабами, толкали их, били, пинали и ругали. Затем отобранный товар заклеили личным клеймом Фини, чтобы король Обо или Монго Джек не смогли какой-нибудь хитростью подменить хороших рабов плохими перед загрузкой на борт "Ястреба".

Клеймение было привычным делом для приятелей Сильвера, обращавшихся с раскаленным железом с таким спокойствием, будто клеймили скот. Жевали табак, перекидывались грязными шутками, как всегда, ныли и жаловались на тяжелую работу. Время от времени, плотоядно ухмыляясь, замирали перед красивой рабыней, прежде чем прижать раскаленный металл к темнокожему телу.

Молодой Джон старался отвести взор от этого гнусного зрелища и заставлял себя не слышать плача и стонов рабов. Вдруг сквозь дым и смутные тени перед глазами он увидел насмешливую улыбку Фини и услышал его голос:

- Эй, парень, бери мое клеймо, у меня еще много дел поважнее. - И тут же он ощутил в своей руке железо, а два товарища толкнули к нему юношу почти его возраста. На миг он замер в нерешительности, пустыми глазами глядя на лоснящуюся от пота черную руку, которую держали перед ним.

- Давай, дурашка, - добавил Фини успокоительно. - Это не больше укуса пчелы. Конечно, горелое мясо воняет неприятно, но ты представь себе, что это жареный окорок.

Услышав слова Фини, Сильвер скривился от отвращения.

- Не могу! - буркнул он.

- Испугался, паренек? - засмеялся рыжебородый моряк.

Вокруг послышались издевательские голоса:

- Как приедем в Бристоль, купим тебе юбку!

- Смотрите, какая у нас тут, оказывается, красotka завелась!

- Эй, Бетси, поди сюда, дай на тебя полюбоваться!

Гордость Сильвера была уязвлена. Рука его рванулась вперед, железо зашипело, юноша вскрикнул по-заячьи, и дело свершилось.

- Bravo, парень, тебе бы окорока разделявать, будешь еще мужчиной! - заявил Джордж Томпсон, старый моряк, все время плавания дружелюбно державший себя с Сильвером.

- Давай, давай, Окорок! - подхватил рыжебородый моряк.

Остальные расхохотались.

- Окорок! - заорал один из них. - Такого имечка до сих пор не бывало, не так ли, джентльмены? С крещением вас, сэр Окорок!

Почти теряя от омерзения сознание, Сильвер увидел перед собой еще одну черную руку. Он накалил железо, потом еще и еще раз. Крики его жертв смешались с общим гамом, и вскоре Джон перестал обращать внимание на них. "Лучше уж так, - сказал он себе, - чем гнить в тюрьме".

Когда клеймение закончилось, волей или неволей, но Джон Сильвер уже потерял часть юношеской своей невинности. Твердая кора безразличия к человеческим страданиям начала покрывать его израненное честолюбие. Так он сделал первые шаги по пути, приведшему его к жестокости и

убийствам. Кроме того, он приобрел прозвище, потому что товарищи стали повторять слова, с которыми Фини ехидно подал ему раскаленное клеймо, и до конца жизни Джон Сильвер оставался "Окорок".

5. К БАРБАДОСУ

Через три дня после того, как Фини и моряки, ушедшие с ним выбирать рабов, вернулись в знойный порт Анамбу, "Ястреб" отплыл в Вест-Индию. Несмотря на краткую стоянку, молодой Сильвер узнал очень много о жизни Гвинейского берега и о работорговцах, получавших там большие доходы.

Перед отплытием Монго Джек и Фини договорились о цене за почти две сотни рабов, доставленных с верховьев реки и запертых в хижинах фактории. Оба знали ее достаточно хорошо, но несмотря на это, торговались так упорно, как будто бы от этого зависели их жизни. Богохульная ругань Фини мешалась с пискливыми протестами Джека, не желавшего сбавить цену. Все же сравнительно быстро согласились - триста испанских дублонов и двадцать тысяч отличных гавайских сигар.

Экипаж "Ястреба" стал готовить рабов к путешествию через Атлантический океан. Едва усвоив технику клеймения, Сильвер стал учиться на цирюльника и брить рабам головы перед погрузкой на судно.

Вначале он обратился к Джорджу Томпсону.

- С какой стати мы их бреем? - спросил он. - Мне кажется, жестоко оставлять их без волос на этом палящем солнце. Им же выжжет мозги. Нет, мне это не нравится!

- Послушай, молодой мой Окорок, - отвечал Томпсон, - может быть, ты и стал первосортным мастером по клеймению, но как я погляжу, твои мозги на этой жаре просто испарились. Волосы тебе понравились! А не хочешь иметь вшей, болезни и бог знает что еще на борту "Ястреба"? Капитан Фини знает свое дело. Когда отплывем, увидишь достаточно болячек и грязи, попомни мои слова.

Сильвер, замолчав, принялся за работу. Нагрузили рабов в лодки и так пришли на "Ястреб". Одни трепетали и стонали от ужаса, взбираясь на борт корабля, другие удивленно таращили глаза на "большую деревянную лодку" белых, куда их привезли. Мужчин поместили в один трюм, женщин в другой, мальчиков и девочек - в третий. Набитые в трюмы, как сельди в бочку, обезумевшие от страха перед неизвестностью, начали эти несчастные свое путешествие в Новый Свет.

Сильвер уверял, что по сравнению с другими капитанами, которых он знал, Десмонд Фини проявлял много заботы о рабах. Он желал им доброго здоровья - в случае повышенной смертности убытки были бы велики - и потому ухаживал за ними так, что, погляди на это другие, жестокие капитаны, смертность тоже повысилась бы, на сей раз среди самих капитанов, если это правда, что от смеха умирают. Экипаж кормил затворников дважды в день маисовой кашей с солью, перцем и кокосовым маслом. Трижды в неделю им приносили вареные бобы, которые, утверждал Сильвер, воспринимались узниками с такой неподдельной радостью, "как будто бы им подавали жареного фаршированного гуся".

Хотя старые моряки вроде Джорджа Томпсона и ворчали, что им задают дополнительную работу, и вздыхали по прежним беззаботным дням, в хорошую погоду Фини всегда устраивал после полудня прогулку рабов по палубе. В сущности, в начале плавания Сильвер смотрел на все это широко раскрытыми глазами и ничто не вызывало его отвращения.

- Может быть, ты думаешь, Джим, - сказал он, хитро на меня поглядывая, - что было жестоким заставлять этих дикарей спать на голых досках, но ведь на Гвинейском берегу перины тоже не водятся, ты уж мне поверь, сынок.

В одном отношении Фини был небрежен - в вопросе о дисциплине экипажа. Чтобы команда выполняла работу, капитан делал вид, что не замечает, как моряки напиваются дешевым черным ромом. Более того, он позволял им свободно выбирать себе негритянок. Далеко не все матросы тешили так свою похоть, но те, кто делал это, вытворяли с несчастными беззащитными рабынями такое, что Сильвер содрогался от жалости и омерзения.

Хотя красота многих негритянок и вводила Сильвера в искушение, ему был отвратителен царивший на судне разврат и те жестокости, что часто сопровождали его. Наконец Джон собрался с духом и осмелился поделиться тревогой с первым помощником.

- Не по душе мне все это, сэр! - заявил он равнодушному Грирсону. - Не дело, что этих черных девушек силком оторвали от дома и запихали в трюм, как скот, да еще измываются над ними, как могут. Не по-христиански это, ведь, в конце концов, они женщины, сэр!

- Я не капитан, - раздраженно ответил Грирсон. - Здесь командует капитан Фини.

- Точно так, сэр, - возразил Джон, - но приказ есть приказ. Капитан Фини говорил еще на суше, в Гвинее: "Обращайтесь с ними хорошо. Строго, но хорошо" - вот так он сказал. А у нас совсем другое дело, вы согласны, сэр?

- Когда подрастешь, - отрезал Грирсон, - может быть, научишься держать язык за зубами и не лезть не в свои дела. Сдается мне, что ты или бунтовщик, или начинающий молодой адвокат, а то и попик. А ну-ка, ваше преподобие, живо за работу, иначе испробуешь линька! Я, парень, с тебя глаз не спущу!

Сильвер замолчал, в который раз уже осознав, что мир гораздо более жесток, чем он считал в своей неопытности.

Но в скором времени молодому Сильверу пришлось столкнуться с другими отвратительными вещами, поскольку за двадцать четыре дня пути от Гвинейского берега трюмы, где томились рабы, превратились в смердящий ад. К счастью для судна, обошлось без оспы, зато началась дизентерия. Сильвер объяснял эпидемию спертым воздухом в трюмах, люки в которые были вечно закрыты из-за плохой погоды. По моему же мнению, рассказанное им свидетельствовало о наличии какой-то вредной примеси в еде, что и вызвало вспышку болезни. Но в чем бы ни состояла причина, последствия оказались ужасными. Трюмы, где содержали негров, и ранее не были особенно чистыми, поскольку по нужде рабам приходилось ходить в один-единственный тесный галюн. Кроме того, судно кишело крысами, по ночам запросто расхаживающими по телам спящих рабов. Но после начала эпидемии негры буквально залили помещение извергнутой пищей, кровавой рвотой и испражнениями.

Фини и строгому Грирсону требовалось принудить моряков опуститься в трюмы и попробовать навести хоть какой-то порядок в этом аду. Желудок Сильвера так сжался от гнусного смрада и вида нечистот, что и его вырвало. Но боцман и квартирмейстер, равно как и капитан с первым помощником, были неумолимы в решимости заставить весь экипаж справиться с заразой. Сильвер и другие моряки, спотыкаясь среди множества содроганных и стонущих тел, выносили на палубу тех, кто, как им казалось, больше нуждается в свежем воздухе. Сортируя "товар", они, конечно, не могли определить, кому из рабов больше нужна помощь, но все же вынесенным на палубу полегчало от свежего воздуха и полного покоя. Правда, некоторые из них, а также около тридцати из оставшихся в трюме рабов, погибли в мучительной агонии, и тела погибших даже без молитвы были выброшены за борт. Акулы, до той поры следовавшие за судном в ожидании добычи, набросились на них и устроили пиршество в покрасневшей от крови воде.

После почти трех месяцев плавания "Ястреб" достиг Барбадоса и вошел в залив Карлайл, откуда открывался вид на Бриджтаун. За время плавания количество рабов убавилось почти на четверть. Не считая умерших от эпидемии, были случаи, когда рабы отказывались принимать пищу и погибли от истощения. Одна женщина умерла во время родов, и еще двое, доведенные насильниками до умоисступления, бросились в море.

С уцелевших рабов сняли оковы и принялись кормить их так, чтобы они быстро оправились. Капитан Фини, в ком снова пробудилась жажда деятельности, скороговоркой сыпал направо и налево приказания, чтобы придать неграм здоровый и холеный вид. Сильвер признавался, что эти меры казались ему столь же смешными, сколь излишними.

- Все судно превратилось одновременно в цирюльню и рынок свиней, Джим, - рассказывал он мне. - Надо было натереть их всех маслом, чтобы лоснились, как новые сапоги, да чесать щетками их курчавые волосы. Честное слово, Джим, Фини только зубы им не чистил да носов не утирал.

Оказалось, однако, что "Ястреб" вполне может распродать толпу полуживых рабов в самом плачевном виде, так как работоторговцы и владельцы плантаций не обращали на это особого внимания; более того, многие рабовладельцы находили выгодным в кратчайшие сроки вытаскивать из негров все силы так, чтобы те умирали от истощения, а затем покупать новых, нежели держать их до старости. Поэтому они спешили послать агентов встречать каждое новое судно, груженное рабами, еще до того, как оно подходило к причалу.

Сильвер помогал вести помытых и начищенных негров по пыльным улицам Бриджтауна на рынок и не скрывал удивления, глаза на толпу, сопровождавшую их. Надсмотрщики и агенты в широкополых шляпах спешили ощупать негров, щипали и кололи их на пути к рынку. Рабы, сопровождавшие своих белых господ, покрикивали на новоприбывших, то ли насмехаясь над ними, то ли обнадеживая.

Джордж Томпсон посмеивался над удивлением Сильвера.

- Это что, Окорок, - говорил он. - Однажды, слышал я, больше сотни черномазых побросались в море прежде, чем их купили. А знаешь почему? Потому что какой-то, так его и разэтак, раб-шутник забрался на борт и натрепал этим остолопам, что белые колдуны им выколуют глаза, а после этого сварят и съедят. Нет, но убытки-то каковы были! Нам такие штуки без надобности, и мы уж их не допустим!

И действительно, ничего такого не произошло. Выручив несколько фунтов за десяток больных и умирающих рабов, Фини без труда получил хорошую цену за остальных. Агенты так спешили получить товар, что несколько раз дело чуть не доходило до драки.

После распродажи морякам выплатили половину жалованья, и те рассеялись по кабакам и публичным домам Бриджтауна. Вначале Сильвер пировал с товарищами, но через два дня протрезвел и пошел осматривать окрестности. Ясные сине-зеленые воды Карибского моря, белые коралловые рифы, экзотические тропические рыбы и пышная растительность произвели на молодого Сильвера гораздо более сильное впечатление, чем берега Западной Африки. Детство в Бристолье и даже страшный процесс и тюрьма остались далеко в прошлом. Он открыл для себя новый мир, мир, полный опасностей и жестокости, но таивший в себе нечто привлекательное и неуловимое, имя чему - надежда.

6. БУНТ НА КОРАБЛЕ

Когда рабы уже были проданы, а матросы пропили все деньги и стали поодиночке возвращаться из бриджтаунских кабаков, Десмонд Фини загрузил судно сахаром и отплыл в Бристоль. Обратный путь представлял собой третью сторону позорного треугольника торговли между Англией, Западной Африкой и Вест-Индией. Вернувшись в Бристоль, Сильвер не осмелился сойти на берег и появиться в родном городе; он даже не пытался встретиться с родителями и только в последний день перед новым отплытием на Гвинейский берег написал короткое и ласковое письмо в обувную мастерскую на Корабельной улице, в котором известил, что после бегства из тюрьмы жив, здоров, взялся за ум и просит не забывать его в молитвах, обращенных к Спасителю.

В Гвинею вновь сошел Сильвер на берег за живым товаром и снова слушал хныканье и жалобы Монго Джека. Поход в верховья Рио Орто почти ничем не отличался от того, что было в первый раз, с тем, однако, различием, что на сей раз король Обо устроил им кровожадное представление - умилостивил разгневанного бога дождя человеческими жертвами. Колдун со страшной маской на лице и львиными лапами, надетыми на руки, вывел к толпе десять девочек, с ног до головы размазанных белой глиной. После этого, по знаку короля, головы несчастных слетели наземь и трепещущие тела были разрублены на куски. Я не сомневаюсь, что против собственной воли, еще совсем юным, наблюдая обычаи дикарей Западной Африки и грубость и жестокость моряков работоторгового судна, Сильвер очерствел настолько, что получил способность не задумываясь отнять у человека жизнь. Разве сам я не был свидетелем того, как он предательски убил честного моряка Тома на острове Кидда, так же спокойно, как раздавил бы насекомое? И все же я готов поклясться, когда он вспоминал об ужасах жертвоприношения, которое ему пришлось наблюдать так давно, в его синих глазах мелькнуло нечто, похожее на тоску и жалость. Впрочем, это выражение сразу же исчезло и вновь передо мной возник бесцеремонный Окорок с его грубыми присказками, уверявший, что слабакам одна дорога - к дьяволу!

Эта нотка человечности, прозвучавшая среди ругани и грубых его слов, заинтересовала меня, хотя и не удивила. В конце концов, не я ли видел своими глазами, как на борту "Эспаньолы" Джон Сильвер умело скрывал коварные свои планы под деланным добродушием и приятельским отношением? Одним словом, Джон Сильвер был настолько разнолик, что смертному трудно понять его нрав, изменчивый, как окраска хамелеона.

Причалив в Бриджтауне во второй раз и снова сопровождаемая шестеро рабов на торг, Джон Сильвер еще не знал, что всего несколько месяцев отделяет его от события, которое позволит ему оценить качества погонщиков с иной стороны. Возвращение в Англию не заслуживало упоминания в этом рассказе, если бы накануне отхода на борту "Ястреба" не появилась миссис Фини. Джеральдина Фини была дочерью барбадосского плантатора и, пока ее муж занимался торговыми делами, проводила зиму со своим семейством в одном уважаемом доме на острове. Но наконец она решила приобрести дом в respectable части Бристолья и начать спокойную жизнь.

Сильвер и другие матросы скоро поняли, что их капитан был под каблуком у своей супруги. Когда миссис Фини гневалась, все судно "дрожало" от носа до кормы. Нередко капитан прерывал свои приказы словами:

- Пока все, джентльмены... - и уходил в каюту, откуда доносился сварливый голос его жены. Был случай, когда разгневанная миссис Фини сдернула со стола льняную скатерть и вместе со всей посудой выбросила в море!

Совсем другая жизнь началась для экипажа, когда на место Фини владельцы судна назначили Грирсона и "Ястреб" отплыл в Западную Африку с новым капитаном. Теперь на борту воцарился порядок. Грирсон подтянул дисциплину и заставил всех работать на совесть. Сильверу это даже нравилось, хотя многие моряки и жаловались, что капитан перегружает их работой, и злобно поглядывали ему вслед.

Прежде чем "Ястреб" вышел из Анамбу, нагруженный новой партией рабов, Грирсон нанял еще одного матроса - бледного юношу, говорившего на кентском диалекте и державшего себя с другими моряками холодно и презрительно. Оказалось, он был всего на несколько месяцев старше восемнадцатилетнего Сильвера, который настолько вытанулся, что товарищи стали называть его не только Окорок, но и Долговязым Джоном.

Сильвера заинтересовал новичок, понравилась его угрюмая самоуверенность и изобретательность, выражавшаяся в частых жестоких шутках и розыгрышах, хотя многие из них направлялись против Грирсона, а некоторые задевали самого Сильвера. Мало-помалу Габриэль Пью (так звали нового моряка) заслужил уважение молодого Джона, а вскоре к его тихому напевному голосу стали прислушиваться и другие моряки.

Знакомство Сильвера с Гейбом Пью могло завершиться ничем, потому что последний решил сбегать с судна в Бристол, махнув на прощание влажной рукой, если бы на "Ястребе" посреди Атлантики не приключилось несчастье. Рея с бизань-мачты, разболтавшаяся во время шторма, рухнула вниз, задев Грирсона, стоявшего на юте. Его внесли в капитанскую каюту и положили на койку. Кожа на лбу и затылке его была сорвана в нескольких местах, как после рукопашной схватки с хищником, а глаза на некоторое время скрылись за обширной опухолью израненного лица.

Находясь без сознания в течение трех дней, Грирсон почти не переставал кричать и стонать. Среди тех, кто ухаживал за ним и перевязывал раненую голову, был и Сильвер, искренне сочувствовавший страдальцу. Когда же бредовое состояние наконец прекратилось, капитан, еле державшийся на ногах, вновь принял командование судном. С этого дня на "Ястребе" воцарился сущий ад - удар вызвал какие-то странные перемены в мозгу капитана: бывший ранее взыскательным, он стал теперь маниакальным педантом - строгий подвижник дисциплины превратился в бесноватого тирана.

Грирсон теперь, казалось, не смыкал никогда глаз, то и дело залезая в самые укромные уголки судна и донимая весь экипаж нелепыми приказами и выговорами. Никому не удалось избежать этого. Капитан заставлял моряков стоять по две вахты подряд, срывал их с коек в любое время дня и ночи, требуя постоянно драить палубы, оттирать их добела, а потом снова хвататься за ведра и швабры.

Однажды, когда Сильвер занимался приборкой судна, фигура капитана заслонила от него солнце.

- Так, мистер Сильвер, - с издевкой прохрипел Грирсон. - Это размазывание дерьма по палубе у вас в Бристол, сэр, называют работой? Здесь этот номер не пройдет! И не смей перечить мне, адвокатишка самозванный, сэр дерьмовый! - Совершенно осатанев, Грирсон опрокинул ведро с водой.

И хотя Сильвер еще раз отдраил палубу, бесноватый капитан, придравшись к пустяку, урезал ему винную порцию. Да какой же моряк стерпит такое?

Так продолжалось четыре дня, после чего Грирсон созвал команду на палубу и обратился к матросам:

- Ну, джентльмены, - начал он, - не воображайте, будто я настолько глуп, что не вижу, как вы шепчетесь. Я все вижу, да, джентльмены, все! Вижу, как шепчетесь и плюетесь мне вслед. У меня везде уши, и ваши намерения я прекрасно знаю. Но бунтари дорого платят за свои глупости, да! Вас еще вздернут за это, уж будьте уверены.

Ошарашенные и обозленные, матросы глухо и угрожающе зашумели, а Грирсон, повернувшись, пошел назад, положив правую ладонь на рукоятку пистолета. По бокам его стали первый и второй помощники, боцман и квартирмейстер тоже подошли к капитану. Речь Грирсона, никому не приходившая по душе, придала отношениям внутри команды неожиданный оборот, и на палубе отчетливо запахло бунтом.

Охрипший истеричный голос капитана продолжил:

- Джентльмены, воду среди вас мутят две ядовитые гадины. Эти негодяи поклялись меня убить, а вас отправить на корм рыбам. Один - Габриэль Пью, подлый убийца, бежавший от расплаты! Другой Джон Сильвер, союзник Пью. Его открытое лицо - это маска, под которой таится самая гнусная измена, верьте моему слову, джентльмены, это чистая правда. Но уж я-то вижу их насквозь днем и ночью, и низким их замыслам никогда не сбываться, клянусь честью. А теперь на работы! Все за работу!

Удивленные и возмущенные, моряки разошлись. Через несколько минут все свободные от вахты собрались в кубрике, выставив дозорных, наблюдавших, не появится ли Грирсон.

Пью начал первым, и слова его были полны желчи.

- Ну, - начал Пью издевательски, - как вам сегодня понравились удивительные речи капитана Грирсона, правильнее было бы назвать, капитана Зверюги. И это еще только начало. Я и не таких отправлял в ад, а этого гада удушью прямо в койке раньше, чем он успеет надеть на меня кандалы. Попомните мои слова!

- Да убей ты его ради бога, прикончи! - воскликнул кто-то. - Издевается над нами почем зря и работы навалил сверх всякой меры. Да если его выбросить за борт, пожалуй, все акулы вокруг передохнут!

Предложение все встретили возгласами одобрения, и тут же могло начаться выступление против Грирсона, не вмешайся Джон Сильвер.

- Братцы! - крикнул Сильвер, встав во весь свой гигантский рост в тесном кубрике и придерживая сильной рукой люк. - Джентльмены! Подождите минутку и послушайте! Все вы храбрецы, видно и за милую. А лучшего вождя, чем Гайб Пью, вам, без сомнения, не сыскать. Но подумайте, ведь не так просто убить настоящего капитана, плавающего под королевским флагом. Есть закон, есть и порядок, вот о чем нам надо подумать!

Он замолчал на миг, потрясенный собственным красноречием.

- Дьявол тебя побери, Сильвер, - огрызнулся Пью, - слизняк ты несчастный! Вот так и задрыгаешь ногами на виселице из-за этого труса.

- Погоди, Гейб, - спокойно ответил Сильвер, погасив в себе вспышку гнева. - Все знают, я от опасности не прячусь и ножом владею не хуже всякого, уж будь уверен. Но на этом судне Грирсон - не единственный офицер. Или всех их надо перебить, а тогда один Бог знает, как мы справимся с управлением, или остается одно. Если вы согласны со мною, друзья, давайте попробуем склонить всех офицеров на нашу сторону. Тогда все будет выглядеть чисто и законно.

Пока Сильвер говорил, бледное лицо Пью кривилось в презрительной усмешке, однако все остальные согласились, одни из страха перед виселицей, другие же, уразумев дельность предложения. Сходка уполномочила старого моряка Джорджа Томпсона и Сильвера убедить первого и второго помощников, боцмана и квартирмейстера помочь свержению Грирсона.

Второй помощник был молод и напуган; его не пришлось долго уговаривать - согласие получили почти сразу. Боцман долго притворялся непонимающим, но и его наконец уломали. Квартирмейстер, высокий плотный человек, без лишних слов щедро отпускавший затрешины и удары линьком, не ответил ни да, ни нет. Хуже всего было, что и первый помощник поступил по такому же принципу.

Сильвер просто из кожи вон лез, чтобы поколебать его твердость, используя все свое красноречие - дар, только что им открытый и в скором времени ставший главным его оружием. Дженкинс, первый помощник, был важен, придирчив и больше всего на свете боялся нарушить устав.

- Не могу, Сильвер, - протестовал Дженкинс, - тридцать лет я плаваю и ни разу не участвовал ни в каких беспорядках.

- Верно сказано, сэр, - отвечал Джон, - мы, моряки, - люди маленькие, но видим многое, потому-то и обращаемся к вам, сэр, как к офицеру, который знает, что такое порядок, любит его и умеет поддерживать. А что вам, сэр, в подобных делах не приходилось участвовать, то скажите по совести, ведь все эти тридцать лет не было у вас такого капитана, как этот Грирсон. Он сам преступает устав на каждом шагу и долг честных подданных короля Георга, да хранит его Господь, - немедленно отстранить от власти этого человека.

- А знаешь, чем мы рискуем? - задумался Дженкинс. - Мне надо думать о своем добром имени и о будущей карьере. Нет, ни в коем случае не согласен!

- Извините, сэр, - неумолимо наседали на него Сильвер, - о каком добром имени может идти речь, если на судне начнется резня? Ребята кипят, достаточно малейшего повода, чтобы палуба превратилась в кровавый ад. А будь ваше согласие... Боже мой, да наши парни спят и видят вас капитаном. Вы только не противьтесь, сэр. С Грирсоном мы разберемся сами и прежде, чем стемнеет, вы будете стоять на мостике и командовать судном. Можете на нас положиться, сэр!

- Но только никакого кровопролития, ребята, - сдался Дженкинс.

- Единственное, что прольется, - это вино из бокалов владельцев "Ястреба", когда они поздравят столь смелого и решительного капитана, - безудержно льстил Сильвер. - Я первый крикну "Ура!" капитану Дженкинсу, потому что не знаю джентльмена более рассудительного и твердого.

Сильвер вышел с согласием помощника, стирая пот со лба, и меньше чем через час Грирсон и квартирмейстер лежали избитые и закованные в каюте на корме. Дженкинс принял командование, надулся от важности и принялся изрекать приказ за приказом. Но с каждым днем становилось яснее, что подлинная власть на судне принадлежала Долговязому Джону, с его широкими плечами и живым умом, и Габриэлю Пью, до поры таившим зловещие замыслы.

7. ВОССТАНИЕ РАБОВ

Пока "Ястреб" прокладывал путь к Карибскому морю сквозь гигантские волны Атлантики, свежее испеченный капитан Дженкинс боролся сам с собою. Рассказывает он павлином по капитанскому мостику, в то время как израненный и сошедший с ума Грирсон лежит внизу, рядом с мрачным и озабоченным квартирмейстером Маркемом, оплакивающим в тесной каюте свою горькую участь.

Как ему, Дженкинсу, оправдаться в смещении законного капитана перед владельцами "Ястреба"? Те могли бы усомниться, что помешательство Грирсона и его дальнейшее поведение послужили вескими основаниями для случившегося и воспринять события как жестокое и подлое нападение кровожадных узурпаторов. Конечно, матросы и офицеры в самом деле могут подтвердить всю историю, и это послужило бы его оправданию. Но точно так же они способны все провалить. А если команда, желая спасти свои шкуры, сговорится на следствии переложить всю ответственность за смещение Грирсона на него? Как тогда защититься? Эти мучительные раздумья не переставая преследовали Дженкинса, превратив его жизнь в ад: по ночам ему снились кошмары, нередко завершавшиеся сценой, от которой он просыпался, обливаясь холодным потом, - ему снилось, как палач надевает на его шею хорошо намыленную петлю, а какой-то невзрачный чиновник каркающим голосом оглашает смертный приговор. Поистине адские мучения! Портвейн казался Дженкинсу кислым, солонина застревала в пересохшем горле, и даже чудесный нюхательный табак вызывал отвращение.

В отчаянии Дженкинс изо всех сил стремился поддержать у команды хорошее настроение, сделать всех преданными своими сторонниками. Он удвоил выдачу рома, сквозь пальцы смотрел на бесчисленные нарушения порядка, бездумно обещал всем повышенные доли от выручки, постоянно улыбался и по-дружески каждому кивал.

- Все улыбается, дурак, - говорил издевательски Пью в кубрике. - Как бы он заулыбался, повиснув на рее вниз головой. То-то будет смеху при этой картине.

- Все свое время. У тебя, Гейб, на это будет предостаточно времени, когда мы закончим работу в заливе Карлайл, - сказал уверенно Сильвер. Лицо Пью скривилось в презрительную гримасу.

- Может быть, ты и силен, Джон Сильвер, - отвечал он, - но труслив и глуп, как старая баба. Уж это точно!

- Не тебе бы болтать о чьей-то глупости - откуда взяться уму у мальчишки, у которого еще молоко на губах не обсохло, - спокойно молвил Сильвер.

- Зато у тебя ума палата, как погляжу, - не остался в долгу Пью, - башка твоя забита молитвами твоей драгоценной маменьки да возвышенными принципами папеньки, так что способен ты на решительные действия не больше, чем эти связанные черномазые в трюме. Да дай тебе в руки тесак, ты ведь молиться начнешь прежде, чем в дело пустить, дьявол тебя поberi!

Сильвер глубоко вздохнул, чтобы сохранить спокойствие. Затем устремил взор на моряков, собравшихся поглазеть на стычку Пью и Сильвера, - это их забавляло. Джон быстро изучил искусство спора и уже умел справиться с буйными взрывами негодяев, подобных Пью.

- Приятели, - добродушно начал он, хлопнув ладонью по колену, - с чего бы это наш петушок раскукарекался? Может быть, кто-то согласен с ним и желает скинуть капитана Дженкинса? Что ж, в добрый час, вольному воля. Но, - и голос его прозвучал серьезно и искренне, как у шарлатана, показывающего фокусы толпе простодушных фермеров и батраков, - неужели вам не понять того, что ясно как белый день. Ведь именно сейчас этот самый Дженкинс нужен нам, как глоток воды умирающему от жажды. Кто, кроме него, приведет нас на Барбадос? Кто лучше его оправдает нас перед судовладельцами, хотя бы для того, чтобы спасти собственную шкуру? Он ко всему еще и наш заложник, а значит, сама безопасность для наших шкур. Если для вас все это просто благочестивые присказки, байки, то валяйте, плюйте на собственную клятву, только боюсь, что для этого нужен больший храбрец, чем я, а может быть, и Пью, потому что плевать-то тут нужно на Библию.

Он с облегчением понял по выражению лиц слушателей, что доводы его их убедили; даже сам Пью колебался. Взволнованный и потный, Сильвер набрал воздуха в грудь, чтобы подкрепить доводы благочестивыми мыслями и цитатами из Писания, как вдруг от кормы послышался пистолетный выстрел. Моряки мгновенно вскочили на ноги. С палубы доносился страшный гам - боевые кличи, ругань, лягз тесаков. Кто-то выкрикивал приказы, доносились глухие звуки ударов по человеческим телам, стоны и вопли.

Сильвер метнулся на звуки боя, за ним ринулись Пью и другие. Вмиг стало все ясно - рабы вырвались из клеток у себя в трюме, успев, вероятно, свалить сторожа при решетках прежде, чем он успел поднять тревогу, и выбрались на палубу. Часовому у переднего люка повезло, или он оказался более бдительным, чем его незадачливый товарищ, он все еще продолжал удерживать здесь часть толпы, вращая вокруг себя топор кока и угрожая им напиральной и вопящей толпе.

Мгновенно Сильвер оценил положение. Дженкинс, боцман, рулевые и еще пять-шесть человек защищались на юте. Крюйт-камера была открыта, и группа успешно отбивалась от полусотни напиравших с дикими воплями негров. Другая группа моряков, вооруженных пиками и ножами, оборонялась от меньшей толпы негров где-то у середины правого борта.

Рабы грозно и торжествующе кричали; но были плохо вооружены: оружием им служили ободья от разбитых бочек из-под воды и разные, найденные в трюме доски. В схватке были и курьезные моменты: так, кок по распоряжку в случае бунта должен был лить сверху на рабов кипяток из котлов, но со времени обеда прошло несколько часов, и насмерть перепуганный мастер похлебки и рагу поливал головы противника остатками остывшего супа и метал корабельные сухари.

Схватив длинный обрывок троса и крикнув Пью и другим морякам, чтобы следовали за ним, Сильвер ворвался в толпу рабов и моряков, дравшихся у правого борта. С быстротой молнии, схватив тросом шею сразу двух рабов, он свернул трос петлей и с силой затащил. Когда жертвы начали задыхаться, широкоплечий Сильвер швырнул их к планширу и одним движением выбросил за борт. Не успели вопящие негры упасть в воду, как Джон схватил двух других, стукнул их что было силы головами друг о друга и отправил вслед за первыми.

- Легче, Сильвер! - крикнул, задыхаясь, Пью, ударив в тот же миг по голове рукояткой лебедки одного плечистого негра. - Выкинул сто монет в море. Лули по головам, как я, дешевле обойдется. - И с этими словами повалил еще одну жертву сильным ударом в правый висок. Сопротивление в центре судна иссякло, рабы пали духом, и без особых церемоний уцелевших загнали в трюм.

Но пока Сильвер и Пью очищали палубу от чернокожих, схватка на юте приняла опасный оборот. Четверо рабов, более смелых или проворных, чем их товарищи, взобрались наверх и напали на Дженкинса и тех, кто был с ним.

Сильвер видел, как полиловело лицо Дженкинса, когда пара черных рук сцепилась ему в горло. Еще один моряк зашатался, получив удар доской по голове.

Во время этой ожесточенной схватки один человек на юте не потерял самообладания. Это был старый моряк Джордж Томпсон. Благоразумно отступив назад, он принялся доставать оружие.

- Вот тебе и Окорок, - заорал Томпсон, завидя, как Сильвер и Пью во главе десятка моряков кинулись к юте. - Заставь этих висельников поплясать! - И несколькими быстрыми движениями старый моряк бросил пять пистолетов и пару тесаков к ногам друзей.

Пью быстро схватил пистолет и загоготал от радости.

- Ну, дьявол их раздери, если порох не подмок, мы еще поглядим, какого цвета мозги у этих черномазых.

- Эй, Гейб, - остановил его Сильвер, - только что ты сам сокрушался об убытках. Целься по ногам, говорю тебе, дохлый негр не стоит ни фартинга, а за хромого хоть что-нибудь да заплатят.

И с этими словами выстрелил из пары пистолетов по босым ногам сражающихся рабов. Послышались выстрелы и с другой стороны. Оказавшись под перекрестным огнем, негры смешались.

После вступления в бой Сильвера и его товарищей исход схватки на юте стал ясен. Не прошло и получаса, как рабов загнали обратно, и пылающие местью матросы настигали их в самых укромных уголках трюма, где с жестоким удовольствием избивали и плескали крутым кипятком в лица тем, кто защищался наиболее упорно.

Палуба вся была усеяна телами раненых и убитых негров и моряков. Хотя схватка длилась не более пятна-дцати минут, за это время погибло одиннадцать негров, пятеро из них - от руки Сильвера. Кроме того, еще десять получили рубленые раны, удары ломом и ножами, а семь-восемь рабов, раненых в ноги, стонали от боли.

Дженкинса перенесли в каюту почти без сознания, с разбитым носом и израненным опухшим лицом. Еще двое матросов, оглушенных ударами по головам, валялись без чувств. Четверым пришлось перевязать руки и плечи. Гаррисон, второй помощник, сутулый молодой человек, слабодушный и нерешительный, лежал в лазарете с пораненным бедром, дрожа от страха при звуках шагов. Отвоевав "Ястреб", развеселившиеся победители вновь заковали перепуганных чернокожих, которые еще раз испытали на себе силу и жестокостью белых "колдунов".

- Да здравствует Окорок! - закричал Том Браун, темноглазый моряк из Суффолка, годившийся Сильверу в отцы. - Этот парень дело знает. Это он побил черномазых и показал им, где раки зимуют!

- Ура, Окорок! - слышались и другие голоса. - Чего бы только ни случилось, кабы Окорок, Пью и другие не подспели вовремя.

- Точно! Я своими глазами видел, как он вышвырнул четырех черномазых на корм акулам!

- Джона Сильвера в капитаны! - крикнул Том Брук. На этот возглас кое-кто засмеялся, но были и крики одобрения. Стоя посреди палубы, Сильвер почувствовал, как у него закружилась голова от радости и гордости. Капитан, а? Уж он-то управился бы с этой работой получше слизняка Дженкинса, душу готов заложить! Неужто они и в самом деле хотят видеть его капитаном? Неужто и вправду так ему доверяют, несмотря на молодость?

Сильвер оглядел простодушно-насмешливые лица. Глупцы! Как стадо баранов, побегут за любой приманкой. А он-то! Принял шутки за чистую правду. Интересно, представляет ли кто из них хотя бы десятую долю трудностей, ждущих впереди? Надо все же разъяснить истинное положение дел.

- Так, - резко начал он, - сейчас, когда Дженкинс немногим отличается от трупа, а Гаррисон не может подняться с койки, кто определит курс судна? Ты, Том Брук? Может быть, ты, Джордж Томпсон? Слушайте, да так нас занесет на какой-нибудь остров, где дикари так и ищут, кого бы сожрать. То-то, ребята! Беда ваша в том, что не видите дальше собственного носа.

- Слушай, Окорок, - почесывая затылок, молвил Томпсон, - а подумай-ка о капитане Грирсоне, там, внизу. Он ведь делал все эти дела лучше иных, даже когда спятил.

Сильвер повернулся и пошел в нижнюю палубу. Что это? Люк каюты Грирсона был выломан. Перескочив порог, Джон вбежал в помещение. Маркем, квартирмейстер, лежал в углу, и с его проломанной головы еще капала кровь. Убитый негр валялся поперек его тела. С койки свесился вниз головой изуродованный труп Грирсона. Глаза несчастного были выколоты, зияющие рваные раны заполнены медленно сочившейся кровью. По ужасной ране, раскроившей все горло, медленно и лениво ползали мухи.

- Да, отплавался капитан Зверюга. Теперь бы его для верности отправить на дно.

Услышав шаги за спиной, Сильвер быстро обернулся. В проеме люка стоял Пью, и еле заметная довольная усмешка играла на его лице.

- Это ты, Гейб? Значит, это твоих рук дело, кровопийца!

- Увы, не моих, Окорок, хотя по совести сказать, у меня не пропало желание перерезать ему горло.

- Но это убийство! Так мы все задрываем ногами в петле! - Пью приблизился к Сильверу. Изо рта его дурно пахло. "Воняет, как падаль", - подумал Сильвер и отвернулся.

- Ты что, ослеп? - с тихой насмешкой спросил Пью. - Дохлый черномазый поперек трупа Маркема. Причина ясна, как белый день! Нагрянули сюда в поисках оружия, а когда взломали люк, ничего не нашли. Много ли дикарям надо, чтобы озвереть, - вот и порубили наших драгоценных покойничков.

В глазах Сильвера блеснули молнии, но он спокойно ответил:

- Так оно и было, Гейб, не сомневаюсь, вот только кто еще может это подтвердить? Я уже чувствую петлю на своей шее, парень! И разрази меня Бог, так оно и случится, если на Барбадосе мы все как один не изложим эту историю одними и теми же словами.

- Да хватит трусить, Джон! Такой человек, как ты, и всего боится.

- Да нет, приятель, просто я вижу чуть дальше собственного носа, да и тебе советую пошевелить мозгами, благо Бог тебя умом не обделил. Ладно, Гейб, мальчик мой, ты уж разберись тут с Гриссоном и Маркемом, только чтобы все было в порядке. А я пойду и доложу об этой несчастной истории капитану Дженкинсу, если он вообще может что-либо понять.

Сильвер вышел из забрызганной кровью каюты, а Пью, обернувшись к мертвецам, со злобной усмешкой пнул Гриссона в лицо.

8. УРАГАН

Убитых негров просто вышвырнули за борт, сопровождая похороны отборной руганью из-за убийств. Тела же Гриссона и Маркема, якобы убитых взбунтовавшимися рабами, хоронили со всеми почестями: их зашили в парусину и, приспустив флаг, торжественно погребли в водной пучине. По настоянию Джорджа Томпсона Джон Сильвер, единственный во всей команде грамотный матрос, нараспев прочел из молитвенника:

- Из земли вышел в землю и вернешься...

Бог дал, Бог и взял...

Не успели оба тела погрузиться в воду, как вдруг волны стали подбрасывать и опускать корму "Ястреба", будто мертвецы принялись отплясывать какой-то странный танец смерти. Пью смачно сплюнул в воду:

- Из земли вышел в землю и вернешься... Как бы не так. Будьте вы прокляты, чтоб у вас глаза полопались! - заорал он, перегнувшись через борт. - Пусть акулы, что вас сожрут, передохнут в колицах! Ступайте к дьяволу!

После свершения обряда похорон уцелевшим морякам предстояло решить весьма трудный вопрос. Ясно было, что Дженкинс слишком сильно изувечен и не может управлять судном. Второй помощник Гаррисон, пострадавший меньше других офицеров, совершенно потерял голову после страшного бунта рабов и убийства Гриссона и Маркема. Кому же теперь командовать "Ястребом"? Кто сможет довести бриг до Барбадоса, не загубив судно с экипажем и товаром? Ослабевший от ран Гаррисон категорически отказался принять командование, хотя моряки с издевками и насмешками стали угрожать ему, едва не тыча кулаками в лицо. Наконец, после долгих споров, проголосовали и решили выбрать троих человек для определения курса и положения судна. Гаррисон неохотно дал согласие проводить в полдень замеры секстаном и прокладывать курс "Ястреба". Для помощи ему выбрали двоих. Первый, Джанни Ривьера, кривоногий генуэзец, ходивший по торговым делам в порты обеих Индий, немного разбирался в навигации. Естественно, вторым выбрали Джона Сильвера, человека сообразительного, чье поведение во время бунта рабов вдохнуло смелость в товарищей.

Некоторое время все было в порядке: шли дни, и "Ястреб" медленно, но верно приближался к Карибскому морю.

Но вот наступил день, примерно в семи сутках ходу до Барбадоса, когда необычная жара и духота навалились на судно, а качка резко усилилась.

Не медля ни минуты, Ривьера-генуэзец, стоявший около рулевого, взобрался по вантам на бизань-мачту и принялся лихорадочно озираться. С запада быстро надвигались черные тучи; задул, резко усиливаясь, ветер. Жара и духота стали невыносимыми. Генуэзец быстро спустился на палубу и бросился к сгорбленному Гаррисону, который только что вышел на палубу, с болезненной гримасой поддерживая трезголку на голове.

- Ураган! - крикнул Ривьера Гаррисону, еще не разобравшемуся в происходящем. - Ураган, мистер Арисен, корабль быстро надо перевернуть... Не успел он договорить, как внезапный шквал в ключья разорвал топсель. Обрывки паруса, сорвавшись, взметнулись вверх и исчезли. На судно обрушились, вселяя ужас в души, гигантские волны. Оставшийся без командования экипаж "Ястреба" беспорядочно метался по палубе и вантам в тщетных попытках убраться надувшиеся паруса, раздираемые ветром. Удалось спустить только нижние паруса, но топсели и брамсели, грот- и бизань-мачты были потеряны.

В глазах неопытного Сильвера громадные волны, переклестывавшие через палубу "Ястреба", казались страшными предвестниками неизбежного конца. Хотя валы и приближались к борту сравнительно медленно и спокойно, взору потрясенного Джона они представлялись возвышающимися выше шпиля Бристольского собора и хищно набрасывавшимися на беспомощное судно.

Ему казалось просто невыносимым, чтобы "Ястреб" смог вскарабкаться на огромные, как горные склоны, волны. И все же судно успевало добираться до вершины каждой из них, застывая на миг на самом гребне, и скользило в бездну, а затем вновь представало перед нависшей над ним новой столь же гигантской волной. По палубе гуляла вода, временами накрывая моряков с головой, и те хватались за что попало, чтобы не быть унесенными в море. Запертые в трюме в беспросветном мраке негры издавали вопли ужаса, когда болтающееся на волнах судно ложилось то на один борт, то на другой.

С невероятным трудом Сильвер добрался до юта, где увидел, как Ривьера, привязавшись к рулевому колесу, пытался удержать судно носом к волне. За ним, согнувшись, стояли Гаррисон и еще трое моряков; промокшие до костей, они с отчаянием глядели на ураган; косица потерявшего трезголку Гаррисона вытянулась, как фитиль, растрепалась, превратившись в несколько смешных вымпелов. Воспользовавшись мигом затишья между двумя волнами, Сильвер успел отрезать кусок троса и привязался к релингу по правому борту. Теперь он чувствовал себя увереннее, хотя несколько раз ощутил, как волна, захлестывая судно, отрывала его ноги от палубы. Все же он сознавал, что останется в безопасности до тех пор, пока держится на плаву "Ястреб", хотя судя по разбитому такелажу, по скрежету и треску рангоута, конец должен был наступить скоро. Судно, по-видимому, уже

приняло в трюмы сотни галлонов воды, что также приближало его гибель, так как "Ястреб" стал неуклюжим и трудноуправляемым, что было гибельным при дьявольском ураганном ветре и нависающих волнах.

Сильвер решил, что погиб. Конец, которым он привязался к релингу, врезался в тело и натер грудь, а соленая вода, беспрестанно обливающая палубу от носа до кормы, причиняла стертым местам нестерпимую боль. Джон с болью вспомнил прошлое и проклял свою незадачливую судьбу; проклял мрачного своего отца, так и не привившего ему любовь к сапожному мастерству и честной жизни; проклял поспешность, с которой он стал контрабандистом; проклял несчастный свой арест после убийства двух таможенников; проклял невезение, загнавшее его под команду сумасшедшего Грирсона и никчемного надутого болвана Дженкинса; проклял дьявольское невезение, забросившее "Ястреб" точно в центр урагана.

Когда Сильвер наконец приготовился к неизбежной смерти, ветер начал резко стихать и стало прохладнее. Хотя разыгравшийся океан и продолжал еще бушевать, насылая на судно волны-гиганты, немногие уцелевшие паруса "Ястреба" и чудом сохранившийся руль позволяли маневрировать, держа нос против волны, чтобы избежать опасности перевернуться вверх килем.

Ночь пала на бушующие воды, а судьба "Ястреба" оставалась еще неясной. Только к рассвету измученные, валяющиеся с ног от усталости моряки увидели, что есть надежда на спасение.

Солнце стояло уже высоко в небе, когда команда принялась приводить судно в порядок. Надлежало восстановить поврежденный такелаж, залатать порванные паруса, заменить переломанные реи. Кроме того, надо было подумать и о пострадавших. Хотя рабов во время шторма швыряло из одного конца трюма в другой, большинство отделалось только сильным испугом. Только некоторые стонали и вопили от боли в переломанных конечностях, от ушибов и ран.

Экипаж пострадал сильнее. Два моряка, привязавшись к передней мачте, там и нашли свой конец - напор волн был похож на сильные удары, которыми их головы и разбились о мачты. Еще некоторых унесло за борт. Среди них был и второй помощник Гаррисон, не успевший или не захотевший привязаться. Раненый Дженкинс предохранился от травм, забравшись в дальний угол капитанской каюты, где и пребывал, пока шторм не прекратился.

Пока "Ястреб" еле-еле полз к Барбадосу, Дженкинс начал приходить в себя, и мысли его постоянно вертелись вокруг того, как ответить за серию бурных событий, доведших судно до столь плачевного состояния. Надо было объяснить обстоятельства смещения и убийства Грирсона и Маркема. Надлежало дать объяснения по поводу бунта негров и утраты ценных рабов при его подавлении. Ураган принес еще убытки, не говоря о том, что буря погубила семерых моряков. Да, предстояло объяснить много событий, причем людям опытным и знающим, людям, которые не простят ни малейшей лжи, если сумеют поймать на ней Дженкинса. Тогда ему конец. А ведь невооруженным взглядом видно, что его командование бригам представляло собой яркий пример того, как надо управлять, чтобы провалить все дело и достичь финансового краха. Страдая от боли в переломанной челюсти и от израненного самолюбия, Дженкинс поклялся в душе, что каким-либо дерзким ходом сумеет обелить себя и избежать ответственности. Когда "Ястреб" дополз наконец до залива Карлайл, Дженкинс придумал блестящий, по его мнению, ход и принялся раскидывать сети.

9. ТРИБУНАЛ (АДМИРАЛТЕЙСКИЙ СУД)

- Итак, милорд, - заключил Дженкинс, и голос его от усилий казаться убедительным обратился в смешной фальцет, - я оказался бессилен предотвратить страшные события, которые только что описал суду. Заявляю, что был схвачен, связан и предан всеми, кроме небольшой части экипажа, оставшейся верной долгу, и стал невольным свидетелем измены и насилия, глубоко возмущающих всякую христианскую душу!

Вице-адмирал сэр Ричард Скарсбрук, председатель адмиралтейского суда Барбадоса, Наветренных и Подветренных островов перевел взгляд с потного Дженкинса на десятерых моряков на скамье подсудимых перед ним.

- Обвиняемые, - молвил он вежливо, но с ноткой укора в голосе, - можете ли вы что-либо ответить на эти обвинения, выдвинутые против вас первым помощником мистером Дженкинсом. Прошу говорить по одному и отвечать только одно: признаете себя виновными или нет. Секретарь суда, огласите имена обвиняемых.

По бокам краснолицего тучного Скарсбрука стояли другие члены суда. По правую руку замерли с торжественным выражением на лицах сэр Генри Уиллис, секретарь колонии Барбадос и мистер Генри Додсон, торговец из Бриджтауна, слева вытянулись капитан флота Его Величества Феллоуз и мистер Майкл Барнсли, представитель бристольского акционерного общества, владельца "Ястреба".

Вспотевший от удушливой жары, особенно нестерпимой в облицованном дубовыми панелями зале суда, облаченный в черную мантию до пят, секретарь суда поднялся на ноги. Торжественно откашлявшись, он развернул свиток с печатью адмиралтейства.

- Габриэль Пью?

- Не признаю себя виновным, - ответил тот и пробормотал вполголоса: - Чтоб вас черти взяли!

- Джованни Ривьера?

- Нет.

- Запишите: "Не признал себя виновным", - пояснил председатель суда невозмутимо.

- Джон Сильвер?

- Не признаю себя виновным, милорд.

- Джордж Томпсон?

Старик окинул взглядом багрового Скарсбрука. Пять недель в Бриджтаунской тюрьме превратили обветренное его лицо в бледную маску, но глаза на ней пылали отвращением и негодованием, отвращением к Дженкинсу, только что, положив руку на Библию, клявшемуся говорить правду, только правду и ничего, кроме правды, а после этого, не моргнув глазом, обвинившему его, Томпсона, и других матросов в убийстве, бунте, попытке предаться морскому разбою и негодованием по поводу подлой ловушки, в которую все они так простоудушно угодили.

- Джордж Томпсон, - повторил секретарь.

- Отвечайте суду, - промолвил Скарсбрук все еще учтиво, но уже с ноткой раздражения в голосе.

Томпсон перегнулся над загородкой, отделяющей подсудимых от зрителей и суда, и смачно плюнул. Плевок попал на мантию секретаря, и последний резко отскочил.

- Обвиняемый, - среди возмущенных криков и возгласов протеста голос председателя был еле слышен, - вы должны отвечать на вопросы суда. В противном случае суд примет меры, чтобы заставить вас говорить.

- Ничего не буду отвечать, сэр, - сказал Томпсон хриплым голосом. - Здесь сегодня никто еще не сказал ни слова правды. Я скорее умру, чем паду так низко. Я честный человек, сэр, не то, что некоторые другие, которых я мог бы назвать.

В зале заседаний послышался шепот и возгласы удивления; председатель меж тем совещался с другими судьями. Наконец Скарсбрук подошел к себе дежурного констебля, сказал ему что-то и тот, вытянувшись, вышел из зала, шумно топоча сапогами. Через десять минут он вернулся со скромным на вид человеком в кожаном, длинном до колен фартуке.

Председатель вновь обратился к Томпсону:

- Обвиняемый, вы должны ответить, признаете себя виновным или нет. Если вы откажетесь отвечать на вопросы суда, палач переломит вам пальцы.

Томпсон, бледный как смерть, молча стоял перед скамьей подсудимых. Палач и констебль, схватив его, подтащили к судейскому столу, после чего, к ужасу остальных подсудимых, крепко связали пальцы пеньковой веревкой и стали ее закручивать, пока кости не начали по одной трещать и ломаться. Томпсон истошно кричал от боли во все время этой варварской пытки, но говорить отказался. Наконец председатель распорядился прекратить пытку и увести измученного, но непообежденного старика. Тот же вопрос был задан остальным морякам, никто из них не признал себя виновным. Затем суд прервал заседание до следующего утра.

Сильвер был потрясен до глубины души: его ужаснули пытки, которым подвергли Томпсона; возмутил цинизм, с которым Дженкинс обвинил его и всех товарищей; оскорбило открыто пристрастное поведение суда, не давшего им сказать ни слова в свою защиту. Суд, опора справедливости и закона, выносящий свои вердикты именем короля и на благо Англии, этот суд со своей явной несправедливостью и жестокостью оказался просто комедией, благодаря которой авторитетные и состоятельные люди, хозяева этой жизни, уничтожали любого, кто, по их мнению, мог представлять для них хоть какую-то опасность.

На следующий день заседание суда еще раз подтвердило эти мысли Сильвера. Скарсбрук спокойно заявил, что Томпсон умер ночью под пыткой. Связанного старика бросили в грязную камеру и принялись наваливать на него камни и брусья железа, но он продолжал упорствовать в молчании. Палачи добавляли тяжести на грудь и живот, не давали ему воды, и наконец перед рассветом Томпсон умер.

Услышав это, Дженкинс смущенно облизал полные губы, но продолжал так же усердно играть роль пострадавшего, вновь повторял свои ложные обвинения против подсудимых, назвав в качестве свидетелей тех моряков, которых предварительно посвятил в свои замыслы, вздыхал и сокрушался, исполненный благородным возмущением по поводу своих воображаемых страданий.

Заслушав подробную речь Дженкинса, судьи внимательно его расспросили, а затем предложили обвиняемым отвечать.

Скарсбрук, отметивший ум Сильвера, склонялся одно время к тому, чтобы поверить его энергичным и мотивированным опровержениям, но другие обвиняемые - жалкое сборище, неспособное связать двух слов, - оказались настолько растерянными, так путались в своих ответах, что произвели на судей самое дурное впечатление.

Не составляло труда предвидеть приговор. Дженкинс, джентльмен из хорошей семьи, утверждения которого подкреплялись свидетельскими показаниями, явно выигрывал в глазах суда по сравнению с нищим безграмотным сбродом, противостоящим ему. Кроме того, судьи, как представители короны, флота Его Величества, колониальных и торговых интересов имели все основания желать самым суровым образом раздавить мельчайшие поползновения к бунту и морскому разбою.

- Обвиняемые, - торжественным голосом начал Скарсбрук, - суд неопровержимо установил, что вы составили подлый заговор с целью убийства офицеров ваших и начальников. Во исполнение сего адского плана вы по гнусному наущению предательски убили капитана Гирсона, мистера Гаррисона, мистера Маркема и некоторых других. Кроме того, вы обвиняетесь в том, что, открыто нарушив законы страны, сговорились захватить торговое судно, именуемое "Ястреб", и использовать оное для пиратских действий и грабежей кораблей и имущества подданных Его Величества и иных торговых народов. Именем короля Георга, да хранит его Господь, суд признает всех вас виновными, и все вы осуждены и будете отведены из зала суда в тюрьму, откуда вас сюда привели. Оттуда вас отведут на место казни, где вы и будете повешены за шею до тех пор, пока не умрете. После казни ваши тела снимут с виселиц и закуют в кандалы. Боже, храни Англию!

Вслушав приговор, Пью зарычал, а Ривьера и все остальные растерянно уставились на председателя суда. Но Сильвер, хотя и был самым младшим из всех, держался смело, как лев.

- Милорд, - сказал он, - после того, что было сказано в суде вами, мистером Дженкинсом и другими, я должен добавить вот что: во-первых, черный это день для Англии и самого короля Георга, храни его Господь, когда невинных людей вроде нас, единственно исполнивших свой долг, ставят перед важными господами вроде вас и обвиняют на основании показаний бессовестных лжецов. Если это называется правосудием, то горе Англии! Провалились бы к дьяволу с таким правосудием, скажу я вам. Уж если это и есть закон и порядок, то да здравствует пиратский флаг! Чтoб негры восстали и перерезали вам жирные глотки, а ваших жен изнасиловали на ваших же постелях! Гореть вам вечно в адском пламени, ибо души всех, неправедно вами засуженных, вопиют к престолу Господню об отмщении!!

Теперь еще пару слов, милорд, повесить меня вы не имеете права, так как я могу читать и писать. Права свои я знаю и требую, чтобы меня судили церковным судом, как и положено по английским законам и обычаям. Так что выкручивайтесь, как умеете, и ступайте ко всем чертям!

На миг наступило полное молчание, затем зал взорвался криками и угрозами. Охваченный паническим страхом Сильвер лихорадочно напрягал память. Что, если он не прав? Еще упрячут в сумасшедший дом, тоже выход из положения. Нет, прав! Душу готов прозакладывать, что прав! Отец так часто говорил об этой привилегии - праве на церковный суд для тех, кто, как священники, мог читать и писать. Да, эти счастливицы могли требовать другого суда. Когда-то, давным-давно, церковный суд существовал повсюду и выносил более мягкие приговоры - заменял казнь поркой или клеймением. Суда этого уже нет, но старинное право еще действует. Да, он уверен в этом. Что же они придумают? Наверняка заставят прочесть отрывок из Библии - делов-то!

А если потребуют пятьдесят первый псалом? Это уже спасет его от петли. Шум в зале постепенно утих.

- Дайте подсудимому Библию, - сказал внешне невозмутимый Скарсбрук.

- А теперь, приятель, - продолжал председатель суда, - читай нам из Исаяи, главу одиннадцатую.

Сильвер зашелестел страницами, отыскивая нужное место, откашлялся и нараспев начал:

"- И произойдет отрасль от корня Иессеева, и ветвь произрастет от корня его;

- И почитет на Нем Дух Господень, дух премудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и благочестия;

- И страхом Господним исполнится и будет судить не по взгляду очей Своих, и не по слуху ушей Своих решать дела".

Сильвер продолжал читать все увереннее, пока председатель не прервал его и резким тоном не приказал замолчать.

- Итак, обвиняемый, - сказал Скарсбрук, - вы претендуете на древнее право церковного суда, не так ли? Ладно, это право все еще признается здесь, на Барбадосе. А может еще кто из вас, негодяев, читать, а?

Остальные подсудимые зашевелились и зашумели, но никто из них не смог бы осилить ни слова.

- Отлично, - заключил председатель. - Вы, Джон Сильвер, не будете повешены. Суд отменяет вам приговор, но у нас, к сожалению, нет церковного суда, перед которым вы хотели бы предстать. Мы никак не могли предусмотреть появление на Барбадосе столь высокой особы. Закон требует, однако, чтобы хоть какое-то наказание было на вас наложено за низкие ваши деяния и замыслы, а потому суд приговаривает отвести вас из зала заседаний в подходящее место, где вы будете проданы в рабство на всю жизнь. Возможно, медленную смерть вы предпочитаете скорой, что-ж, дело вкуса. А сейчас суд закрывает заседание.

Трепещущего после отчаянной попытки спасти себе жизнь Сильвера отделили от других и отвели в душную камеру, где ему предстояло дожидаться унижения быть отведенным на рынок рабов и проданным там с молотка.

10. ПРОДАН В РАБСТВО

Рынок рабов в Бриджтауне, рассказывал Джон Сильвер, представлял собой обширную, огороженную высоким частоколом площадь с хижинами, где дожидались своей участи партии живого товара - рабов. Располагался рынок возле порта и был окружен массивными каменными домами. Когда приунывший Джон Сильвер с веревкой вокруг шеи присел, опираясь о низкую деревянную площадку, его зоркие глаза заметили, что большинство строений имели застекленные окна. Некоторые из недавно построенных домов были о трех-четырёх этажах, как и те, что так хорошо помнил Джон по Бристолу.

Старые здания были, однако, низкими, поскольку люди считали благоразумным строить именно так после сильного урагана, разрушившего полгорода во время царствования Карла II.

По главной улице Бриджтауна, устланной гравием и коралловой крошкой, неторопливо двигались прохожие: бродячие торговцы разнообразными товарами - от свежих плодов и рыбы до жареного и копченого мяса, домашняя прислуга, спешащая по каким-либо делам, моряки в увольнении, ремесленники. Время от времени на своем чистокровном коне проезжал плантатор, а иногда громыхала по камням коляска, влекомая парой пони, с чернокожим кучером на козлах. В коляске восседали богатые дамы в пышных платьях, привезенных из Англии или контрабандой доставленных из Франции через Североамериканские колонии.

В день, когда Сильвера вывели на продажу, рынок явно не выглядел оживленным. В последнее время бухта Карлайл не оживлялась силуэтами судов, ведущих торговлю с Африкой, и поэтому в продаже было не более десятка рабов, к тому же успевших обучиться на Барбадосе какой-либо профессии - поваров, носильщиков, садовников и им подобных. Несмотря на затишье в торговле, вскоре большая толпа собралась вокруг молодого Джона Сильвера, поскольку предстоящая продажа в рабство белого человека вызвала немалый интерес у простолюдинов Бриджтауна.

Хотя со времени тех событий прошло более полувека, во время рассказа на лице Сильвера проявились следы страшного унижения, которое он пережил в эти часы.

- Да, Джим, - сказал он, и его обычно холодный взгляд наполнился бешеной ненавистью при воспоминаниях о тех прошедших несправедливостях, - легко человеку примириться с судьбой и принять наказание, если оно справедливо и, так сказать, законно. Но вердикт этой старой рухляди с Барбадоса - это же насмешка над правосудием, Джим! Представь, будто это тебя упрятали в загон для черномазых, а там важные господа, плантаторы пускают тебе табачный дым в лицо, дочери их смеются, глядя на тебя, и даже черные рабы насмеются над тобой и глазеют, как в балагане. Боже мой, Джим, легче было, когда хирург пилил мне ногу - тогда я просто вцепился зубами в руку, чтобы не орать от боли. А тогда я чуть не разревелся, как маленький ребенок, потому что пал так низко, а все из-за вранья этой гнусной крысы Дженкинса. Я понял тогда цену всем этим чванливым капитанам, жирным торговцам, джентльменам из Компании и судейским. Они меня засудили по ИХ закону, но, Боже праведный, именно тогда я поклялся добраться до них, как только представится возможность, даже если придется нарушить все эти проклятые законы. Я решил отплатить сполна за все мои унижения и дырявого фартинга не дал бы за их головы! Как сейчас помню, именно так я думал в то время, решив прожить жизнь вне закона, хотя тогда еще и не представлял, как мне предстоит попасть в "береговое братство".

После этого взрыва страстей Сильвер продолжал описывать унижительные часы, проведенные им на рынке рабов в Бриджтауне.

Похоже было, что плантаторы Барбадоса, кружившие вокруг Сильвера, не склонялись к тому, чтобы приобрести этого рослого малого с дурной репутацией бунтаря и головореза. Возможно, их отпугивала также и высокая цена, установленная властями: сто фунтов было чрезмерно большой суммой - ведь всего за двадцать тогда продавали покорного негра.

Итак, приунывший Сильвер сидел, прислонясь к площадке, а свободные люди и ранее проданные рабы приценивались к нему, всячески насмехаясь. Наконец, подняв голову, он заметил относительно высокого черноволосого человека в иноземной одежде, пристально за ним наблюдающего. Некоторое время спустя незнакомец повернулся и подошел к распорядителю торгов, дремавшему под навесом, опустив на глаза широкополую шляпу.

- А, мистер Дюбуа, добрый день, сэръ! - сказал он, поспешно вскочив на ноги. - Чем могу быть полезен?

- Этот белый, там, - ответил Дюбуа. Он свободно говорил по-английски, хотя и с некоторым акцентом, происхождение которого Сильвер поначалу не мог определить. - Что он умеет делать?

- Да это же находка для вас, мистер Дюбуа! - воскликнул распорядитель. - Этот человек, по имени Джон Сильвер, ум у него как бритва, мог бы им рубить сахарный тростник. Может читать Библию получше преподобного Джона Уэсли и говорить...

- Да, да, хорошо, - нетерпеливо прервал Дюбуа перечисление добродетелей, обернулся и подошел к Сильверу.

- Встань, - сказал ему Дюбуа.

Сильвер поднялся и расправил плечи.

- Да, - говорил Дюбуа задумчиво, как бы самому себе, - рослый малый. Около шести футов и соразмерно крепок и широкоплеч. - Дюбуа продолжал комментировать Джона, затем внимательно взглянул ему в лицо:

- Хорошо, глаза чистые. Открой рот и пошире. Oui, excellent, vous avez les dents tres fortes, je crois [Да, прекрасно, мне кажется, у вас здоровые зубы (фр.)]. Хорошо, закрой рот.

- Послушай, - сказал Дюбуа распределителю, - я смотрю, кроме меня никто не собирается его покупать, не так ли? А кроме того, перед нами опасный преступник, правда? Так что плачу за него пятьдесят фунтов и ни пени больше, а тебе сверх того комиссионные. Согласен?

- Так не пойдет, мистер Дюбуа, - запротестовал распределитель. - Суд оценил его вдвое дороже, и вы хорошо знаете, он столько и будет стоить, а может, и побольше, когда малость подучится. Я возьму за него восемьдесят, и ни пенсом меньше.

Во время этой беседы Джон Сильвер стоял с опущенной головой, вспотев от стыда, - его продавали, как вола на рынке. Наконец он услышал, как Дюбуа решительным голосом заявил:

- Последняя цена! Даю шестьдесят фунтов серебром. Согласен? - Дюбуа отсчитал деньги, затем связал Сильверу руки толстой веревкой и подвел его к коню на другом конце рынка. Там он накинул Джону на шею петлю, привязанную к луке седла. Сделав все это, Дюбуа обернулся к своему новому рабу.

- Слушай, - сказал он, - теперь ты мой раб. Будешь хорошо работать и вести себя - поладим. Хозяин я добрый, содержу рабов неплохо, строю им удобные хижинки. Если станешь работать как надо, сделаю тебя старшим над неграми и будешь им показывать, что делать, понял? А теперь пошли.

С этими словами он сел на коня, несильно потянул уздечку и тронулся, едва разминувшись с доверху нагруженной бочонками патоки повозкой, которую с натугой тянули четыре вола. Естественно, Сильвер, привязанный веревкой к седлу, последовал за своим новым господином, и, хотя Дюбуа ехал шагом, Джон едва поспевал за ним, то и дело спотыкаясь о крупные камни. Вскоре он наловчился высоко поднимать на бегу ноги и перескакивать камни, не ушибаясь о них. Солнце пекло, и рубашка его насквозь промокла от пота.

Следуя в столь жалком виде через весь Бриджтаун, Сильвер не прекращал обдумывать возможности, стоящие перед ним. Его ожидал бесконечный изнурительный труд на влажных плантациях сахарного тростника или в ужасающей жаре при котлах, где варится патока. Постоянная угроза быть наказанным своим господином за любую подлинную или мнимую провинность будет висеть над ним ежечасно. Джон слышал ужасные истории о том, как рабов поролы до смерти, отрезали им ноги, уши и носы, выкалывали глаза. От таких историй волосы дыбом вставали, а избежать этих мучений он мог только, если уловит подходящий момент для побега, потому что был уверен, что в конце концов сбежит или обретет свободу законным путем, в британских колониях Вест-Индии и на континенте ему приходилось видеть немало чернокожих вольноотпущенников.

Следуя за Дюбуа, уверенно правившим конем, Сильвер некоторое время ласкал себя надеждой, что можно попробовать сбежать, как только дорога, по которой они шли, уйдет за пределы Бриджтауна в поле. Вскоре он, однако, отказался от этой идеи. Во-первых, надежды на побег почти не было - руки связаны, а на шею накинута петля. Кроме того, пойманных беглецов здесь карали смертной казнью через сожжение на медленном огне, жертвы приковывались близ костра и не сгорали сразу, а медленно поджаривались. У Джона Сильвера не было ни малейшего намерения подражать ранним христианам, претерпевшим такие смертные муки и за то причисленным папистами к лику святых.

Дорога, которой они следовали, направлялась на север вдоль западного берега острова. Прошли семь миль вдоль границ плантаций сахарного тростника, уже почти созревшего для жатвы. На досках, косо приколотенных к столбам, значились коряво написанные имена владельцев плантаций, и Сильвер принялся повторять их про себя, рифмуя с ругательствами и "благими" пожеланиями, перечислив таким образом многих толстосумов Барбадоса.

- Брокни, Брокни, поскорей издохни!

- Говард, Говард, пусть скрючит тебя голод!

- Из Брауна немало мы натопим сала!

- Мак-Лорена с тоски порубаем на куски!

Наконец Дюбуа свернул на обочину, привязал коня к молодой пальме и сел на траву. Он отвязал от седла брезентовый мешок и вынул из него кусок солонины, ломоть хлеба и свежие фрукты. Достал оттуда также кожаный мех и стал пить из него шумно и долго, прежде чем приняться за еду.

Утомленный Сильвер прислонился к коню, который пасся на сладкой мокрой траве.

- Эй! - сказал Дюбуа. - Бери мех и пей. Вот тебе хлеб и мясо. Когда поешь, можешь немного отдохнуть. Сейчас освобожу тебе руки, так что садись, если хочешь.

С этими словами он разрезал карманным ножом веревку, впившуюся в кисти Сильвера и стершую их до крови. Потом небрежно бросил кожаный мех и хлеб Джону, свалившемуся в это время на землю. Сильвер был еще привязан к седлу коня, который не переставал жевать траву и время от времени переходил с места на место, перетаскивая за собой Сильвера. Несмотря на это, еда показалась Сильверу достойной пиршества олимпийских богов.

Отдохнув с полчаса, Дюбуа встал и снова оседлал коня. Солнце уже клонилось к западу, и до сумерек оставалось несколько часов, когда они снова тронулись в путь. Хотя теперь, с развязанными руками Сильверу было легче бежать, из-за неровностей дороги ноги его опухли и заболели в лодыжках.

Через некоторое время Дюбуа свернул с большой дороги, миновал табличку с надписью "Владения Филиппа Дюбуа" и двинулся вдоль плантации сахарного тростника, простиравшейся более чем на полмили. Уже смеркалось, но, напрягая зрение, Сильвер успел рассмотреть в четырехстах ярдах группу маленьких хижин, за которыми виднелся большой двухэтажный дом; окна нижнего этажа были ярко освещены.

Дюбуа остановился у одной из хижин близ дома, пинком отворил дверь и втолкнул Сильвера внутрь, не снимая петли с его шеи.

- Будешь спать здесь, - сказал Дюбуа. - Дверь я не запираю, но если вздумаешь убежать, мои ищейки перегрызут тебе горло. Работать начнешь с утра. - С этими словами он закрыл дверь и пошел отводить коня.

Сильвер сел на земляной пол хижины, прислонясь к деревянному столбу, подпиравшему низкий потолок. Во мраке он смутно различал нерезкие очертания стола и двух табуреток; подстилка и одеяло лежали у другой стены. Маленькая хижина насквозь пропиталась запахами мочи и пота.

Совсем отчаявшись, Джон бросился на подстилку и накрылся грязным одеялом, так и не сняв с шеи петли. И засыпая в страшной усталости, сквозь сон смутно услышал радостный девичий возглас и голос Дюбуа, звавший: "Аннет, Аннет!"

11. НА ПЛАНТАЦИИ

На рассвете Дюбуа отворил дверь хижины Сильвера. За ним следовал пожилой худощавый негр с седыми курчавыми волосами.

- Вставай! - резко крикнул Дюбуа. - Этот человек, - он показал на старого негра, - его зовут Жан-Пьер, он надзиратель здесь на плантации. Сейчас он тебе все покажет, объяснит, как работаем и когда отдыхаем. Понял?

Сильвер вскочил на ноги и взглянул на Жан-Пьера, осматривавшего его лукавыми сощуренными глазами. Негр был одет в синюю бумажную рубашку и запачканные фланелевые панталоны. Правая его рука крепко сжимала кнут.

- Да, сэр, - быстро ответил Сильвер. - Все понятно.

- Отлично, - молвил Дюбуа. - Так, а теперь время проверки, ясно? - Он повернулся и вышел из хижины.

Сильвер последовал за Дюбуа и Жан-Пьером. Первые лучи тропического солнца начали пронизывать густой холодный туман над именем. Обильная влажность затрудняла дыхание, и Сильвер закашлял. Тем временем рабы группами стали собираться позади Дюбуа и Жан-Пьера. Приблизившись к полю сахарного тростника, Жан-Пьер остановился и подождал Сильвера. Когда тот подошел, негр обратился к нему сквозь зубы:

- Как тебя звать, приятель? Знаю, что Сильвер, но как твое имя?

- Джон, - ответил Сильвер как можно более вежливо - он почувствовал, что если вызовет ненависть надзирателя, то обретет в его лице страшного и непримиримого врага.

- Джон, - повторил нараспев Жан-Пьер, - а твое имя точь-в-точь как мое, только у меня французское, потому что когда-то моим хозяином был отец мусью Дюбуа, когда они жили давным-давно на Мартинике. Все равно, можешь звать меня Джонни, большой ошибки тут не будет.

- Ладно, Жан-Пьер, - сказал Сильвер, - ничего не имею против. Однако как грязный француз Дюбуа попал на английский остров Барбадос?

- В свое время узнаешь, Джонни, - ответил Жан-Пьер. - Почему бы и не рассказать. Но, mon Dieu [Боже мой (фр.)], это долгая история, а сюда идет сам мусью Дюбуа. Так что до другого раза.

Дюбуа появился перед ними еще до того, как Жан-Пьер замолчал.

- Слушай, - сказал он Сильверу, - если хочешь уберечь свою шкуру, научись работать не хуже негров. Потом я, может быть, назначу тебя помогать Жан-Пьеру следить за порядком. Но и Жан-Пьер в обиде не будет. Когда-нибудь ему самому захочется дремать целый день, сидя перед хижинкой, или приглядывать за своими поросятами. Тогда, может быть, ты займешь его место. Но как бы там ни случилось, служи мне хорошо, чтобы не было нареканий, и делай, что тебе скажут. Жан-Пьер, проследи за ним.

С этими словами он повернулся и пошел с плантации к дому.

Утреннее солнце уже развеяло туман и согрело влажные одежды рабов. Они оживленно разошлись по краям поля и, разбившись на группы, стали резать сахарный тростник. Жан-Пьер подал Сильверу большой кривой нож и ободряюще сказал:

- Хорошо работай, Джонни, и во всем бери с меня пример. Я скажу мусью Дюбуа, что ты хороший человек и будешь мне помощником. - Сильвер, тяжело вздохнув, принял за работу: в конце концов, другого выбора у него не было.

И так более двух месяцев жизнь его текла по однообразному распорядку: подъем до зари, непрестанный труд и глубокий сон уставшего от непосильного труда человека.

Все же он быстро свыкся со своей незавидной судьбой. Работая, соразмерял свои силы с тщательностью аптекаря, отвешивающего лекарства, и уже вскоре находил время и силы обрабатывать небольшой огород возле своей хижины, любовно выращивая овощи, которыми, как и другие рабы, дополнял скудную и однообразную пищу. При помощи Жан-Пьера раздобыл вполне приличный матрац, набитый соломой, чистое одеяло и сносную кухонную посуду. Физический труд сделал мощную фигуру Сильвера еще внушительнее, а его мускулы развились настолько, что он легко перетаскивал тюки, которые с трудом могли поднять двое рабов.

Вначале чернокожие не упускали случая позлорадствовать над белым человеком, которого несчастная судьба сравняла с ними. Но после того, как Сильвер задал хорошую трепку сразу двоим из досаждавших ему негров, насмешки и издевательства прекратились.

От Жан-Пьера он постепенно узнал почти всю историю Дюбуа. Оказалось, что его отца вынудили бежать с Мартиники преследования французских властей, которым нестерпимыми казались его вольнодумные взгляды и вечный интерес к еретическим учениям - старого Дюбуа подозревали в приверженности к гугенотской ереси и даже считали, что он занимается магией. Поэтому старик продал имущество, покинул Мартинику и поселился на Барбадосе, где его богатство и гонения за веру, которые он претерпел от католиков, заставили всех смотреть сквозь пальцы на французское его происхождение. После смерти отца Филипп Дюбуа унаследовал плантацию и стал верноподанным английского короля. Он не был никогда женат, но, по словам Жан-Пьера, жил с одной из рабынь, этакой черной Венерой из Бенина. В результате этой связи на свет появилась дочь, а мать умерла вскоре после родов от какой-то загадочной лихорадки. Девушка, которой ко времени описываемых событий минуло шестнадцать лет, была признана отцом законной дочерью и получила неплохое домашнее воспитание и образование.

Аннет Дюбуа была прелестным пылким созданием. Ее смуглая кожа блестела, коричневые глаза сияли, а пышные иссиня-черные волосы покрывали плечи. Когда она в своих длинных платьях появлялась на плантации, она казалась Джону прекрасным странным видением, каким-то

заманчивым и недостижимым миражом. Сильвер заметил, что, когда их взгляды встречались, Аннет поспешно отводила глаза в сторону или принималась наблюдать, как идет работа по соседству. Дюбуа любил ее до безумия, и дочь отвечала ему страстной привязанностью то ласковой, то торжественной, то шутивно-кокетливой.

Во всяком случае, Сильвер с горечью сознавал, что для такого красивого существа он просто не существует. Кто он такой? Простой раб на полевых работах, одетый в грубую бумажную одежду.

Спустя девять недель после появления Сильвера на плантации, Дюбуа зашел к нему в хижину, когда Джон ужинал в компании с Жан-Пьером. Сильвер и старый негр быстро вскочили на ноги. Дюбуа взглянул на него испытующе, но голос его не был враждебным.

- Ну, Джонни, - сказал он, - работаешь ты хорошо. Теперь, надеюсь, понял, как надо управлять рабами, хорошо изучил все их хитрости, все выдумки. Назначу тебя старшим надзирателем, а Жан-Пьер тебе поможет. - При этих словах Жан-Пьер недовольно нахмурился, как показалось Сильверу. - Естественно, ты останешься моим рабом, но будешь получать хорошую еду и приличную одежду. Будешь стараться - выйдут тебе еще награды, это уж я обещаю. Понял?

- Понял и покорно вас благодарю, сэр, - ответил Сильвер. - Мы с Жан-Пьером превратим вашу плантацию в лучшую на всем Барбадосе, уж будьте уверены, сэр.

- Отлично, - промолвил Дюбуа, но все же не забывай, что ты осужденный преступник. Малейшая провинность - и я тебя повешу, а судьи в Бриджтауне только поблагодарят меня за это. - И, повернувшись, он пошел к двери. - Ах да, - сказал он, внезапно остановившись. - Вчера вечером мой сосед Ричард Стоунхем рассказал о судьбе других преступников, твоих дружков. Все они познакомились с виселицей. Повесили их, кажется, несколько недель назад, и солнце с тех пор крепко высушило все тела, за исключением одного. Этот негодяй сумел убежать из тюрьмы, убив двух стражников. За ним устроили погоню, спускали по следу собак, но, увы, кажется он скрылся. Как его звали?.. Дрю, кажется, или Нью, что-то в этом духе.

- Пью, - прервал его Сильвер, едва справившись с волнением. - Его зовут Гейб Пью, сэр. - И заметив, что чрезмерное возбуждение насторожило хозяина, продолжил с деланным безразличием: - Трудно найти более низкого мерзавца и головореза. Только бы его поскорее поймали, а пока он остается на свободе, Бог да хранит подданных короля.

- Аминь, - резко ответил Дюбуа, внимательно наблюдая за выражением лица Сильвера. Потом вышел, прошел мимо двух свиней Жан-Пьера, которые рылись под деревом, и его поглотил фиолетовый мрак.

В роли надзирателя на плантации Сильвер почувствовал себя, как рыба в воде. Облаченный в старое платье Дюбуа, с почерневшим от солнца лицом, в нахлобученной на голову соломенной шляпе, обутый в крепкие кожаные сапоги, с тяжелой плетью, заткнутой за пояс, он был внушительным представителем хозяйской власти - солиден, но зорек и проворен.

Он обрел положение, которое подошло белому человеку, вынужденному жить среди чернокожих. Его самолюбие было удовлетворено, и он стремился поддерживать на плантации образцовый порядок. Сам испытывавший ужасы рабства, он не мог не сочувствовать тем, кому судьба не оставила никакой надежды, кому предстояло жить и умереть в неволе. Может быть, поэтому Джон скоро понял, что бесполезно заставлять рабов до изнеможения работать, истязать их, лишая еды, гораздо большего результата можно добиться справедливостью, разумной требовательностью, а иногда и просто шуткой. Рабы, в свою очередь, не злоупотребляли добрым отношением Сильвера, не пытались использовать его хорошее настроение или личную благосклонность для получения побрякушек. Да и Джон умел, когда надо, проявить суровость, а его огромный рост и необыкновенная сила внушали уважение и не позволяли проявлять своеволие. Так безошибочный расчет, упорство, железная воля и красноречие позволили Сильверу добиться больших успехов.

Дюбуа благословлял счастливую свою судьбу за то, что догадался купить Сильвера. Рассчитывая на острый ум и сообразительность своего нового управляющего, он даже обсуждал с ним ряд вопросов, касающихся ведения хозяйства.

Жан-Пьер, со своей стороны, явно был недоволен возвышением Сильвера, и, хотя не произнес ни слова по этому поводу, Джон чувствовал, что, утратив свое положение, старый негр был бы очень доволен и постарался бы сделать все для этого.

Такая возможность представилась Жан-Пьеру примерно через два года после продажи Сильвера в рабство. Тут надо отметить, что Джон отчасти сам был виноват в своих злоключениях. Не больно-то охотно говорил он со мной об этом, но стало ясно, что Сильвер страстно полюбил Аннет Дюбуа и нашел у нее взаимность, хотя для меня так и осталось тайной, кто из них сделал первый шаг. У Джона была любовница, негритянка по имени Шарлотта, связь эта тяготила его, но Шарлотта была горничной Аннет; видимо, это обстоятельство способствовало сближению Сильвера с дочерью плантатора. Как бы там ни было, однажды ночью состоялось свидание, на котором влюбленные дали клятву хранить верность друг другу до самой смерти, хотя эта связь и была вопиющим нарушением законов и обычаев.

Разумеется, не могло быть и речи о том, чтобы обнаружить свою любовь перед другими. Тайные их свидания, как бы умело они ни скрывались, рано или поздно должны были открыться, и Сильвер, несмотря на любовь к Аннет, ежеминутно опасался предательства или собственной оплошности.

Дурные предчувствия нашего героя оправдались внезапно в одно холодное сырое утро перед восходом солнца. Не успел Джон проснуться, как четверо дюжих негров, выполнявших обычно самую тяжелую работу на плантации, набросились на него и стали связывать. Сопrotивляясь сразу четверым, Сильвер увидал мрачного и полного злорадства Жан-Пьера, руководившего арестом.

Через несколько минут Сильвера отволокли в карцер на плантации - низкую каменную постройку, куда запирали провинившихся рабов. Со связанными за спиной руками Джон предстал перед Дюбуа, чьи глаза гневно блеснули, а лицо побледнело и скривилось от гнева и злобы.

- Ты, - крикнул Дюбуа, - ты соблазнил мою дочь! Осквернил мой дом, опозорил мое имя! Не пытайся отрицать, негодяй. Жан-Пьер видел все, все ваши тайные встречи! Я все знаю!

- Боже мой, господин Дюбуа, - закричал Сильвер, отчаянно подыскивая подходящие слова. - Вы заблуждаетесь: ваша дочь столь же невинна, какой была, когда родилась! Чтoб я ее соблазнил! Господи! Да разве такая важная особа может взглянуть на меня, жалкого раба, иначе, чем на вещь? Да вы мне льстите, сэр, ей-богу!

Продолжить он не успел, так как Дюбуа, подскочив от ярости, ударил его плетью по лицу. Кожа на щеке лопнула, и жгучая боль пронзила Джона, по лицу которого потекла горячая жидкость.

- Ты смеешь так со мною говорить! - взревел Дюбуа. - Вор, преступник и лжец! - и с большим усилием овладев собой, продолжал спокойным, но полным злобы голосом: - Ты пытался похитить мою дочь, единственное любимое мною существо. Этого ты не добился, но своей грязной попыткой ты осквернил ее чистоту, чему у меня есть свидетели. И теперь, раскрыв твои планы, я тебе отомщу. - Дюбуа отошел к окну, забранному крепкой решеткой, и поглядел наружу, где уже светало. - Вот там, - сказал он почти устало, - стоит мой дом. В комнате на верхнем этаже моя дочь,

несомненно, еще плачет от ударов плетью по спине и пониже. Дверь заперта, и ее стережет снаружи верный старый раб из домашней прислуги. Аннет еще долго будет видеть мир только из окошка своей комнаты, а ты, - Дюбуа приблизился, глядя Сильверу в глаза, - ты больше ничего не увидишь. Хочешь знать почему? Потому что я тебя убью. Тут суд не нужен. Как я тебя убью, спрашиваешь? Повесить тебя - умрешь слишком легко и быстро, а сжигать на медленном огне можно, на мой взгляд, только негров. Но может быть, тебе довелось слышать, во Франции привязывают человека к колесу и палач перебивает ему ломом конечности, а жертва тем временем вопит и наконец умирает от боли. Нелегкая смерть ждет тебя, так что думай о ней те несколько часов, что тебе остаются.

- Жан-Пьер, - резко сказал он, повернувшись к выходу, - стереги его, отвечаешь головой. Если что-то будет не так, вместо палача станешь жертвой.

С этими словами Дюбуа вышел из карцера, Жан-Пьер поклонился ему вслед и сел, а Сильвер, потерявший от страха разум и дар речи, наклонился вперед, и его вырвало на пол.

12. НАПАДЕНИЕ ПИРАТОВ

Издвательский голос Жан-Пьера нарушил молчание и вывел Сильвера из тупого безразличия.

- До чего же красивая картинка, как ты сидишь в собственной блевотине. Высоко целишь, белая свинья. Решил заполучить Аннет и стать господином? Выше головы не прыгнешь. Тебе конец, малыш, понятно? И это я тебе его устроил. Я тебя видел первый раз с мисс Аннет в складе, потом еще много раз. И Шарлотта тоже руку сюда приложила - она вдвое больше, чем я, ненавидит и тебя, и твою шлюшку.

Старик сплюнул на пол.

Сильвер почувствовал, как его окатило горячей волной бешенства. Куда только девались тяжкие безнадежные мысли.

- Жан-Пьер, - сказал он мрачно, - как только со мной это произойдет, тебе перережут глотку от уха до уха и забьют эту дыру твоими же кишками, так что лучше для тебя помочь мне.

- Ну-ну, ничего со мной не случится, мальчик мой, - отозвался Жан-Пьер. - Завтра утром в это время ты будешь уже подыхать на колесе, а мисс Аннет наверху слушать твои вопли.

Сильвер опустил голову. Что предпринять, чтобы избежать этой ужасной смерти? Молить Дюбуа о пощаде? Немыслимо. Хозяин переполнен одним навязчивым желанием отомстить за свое воображаемое оскорбление, а влияние на него Аннет исчезло, по крайней мере сейчас. Из карцера не убежишь - Жан-Пьер не спускает с него жесткого взгляда, да и снаружи для охраны приставлена пара дюжих негров. При этом Сильвер знал, что каменное строение карцера сделано на совесть: тяжелая дверь окована массивными железными полосами, а решетка на окне сделана из прутьев толщиной в человеческую руку.

Возможно ли хотя бы освободиться от пут и после того справиться с Жан-Пьером? Он осторожно попробовал натянуть веревку, которая спутывала его руки, затем напрягся изо всех сил: веревка затрещала, но не поддавалась. Сильвер понял, что этим путем ничего не добьется. Вот и пришел конец земной его жизни. Многие опасности пережил он на борту "Ястреба"; сумел спасти голову в самых неблагоприятных условиях, когда в судебной палате в Бриджтауне вспомнил вдруг древнее полузабытое право церковного суда; избавился от положения обыкновенного раба на плантации Дюбуа и получил значительную власть.

Теперь ничего уже не имело значения. Он был обречен, обречен на мучительную смерть, подобную смерти первых христиан на аренах римских цирков или смерти убийцы французского короля, как, бишь, его звали?

Внезапно стало очень холодно, и Джон почувствовал сильную усталость. К чему бороться со сном? Он прилег на грязный, усталый соломенный пол и глубоко заснул.

Наверное, он спал около двенадцати часов, а может быть, и больше, потому что, когда раскрыл глаза, уже смеркалось. Снаружи творилось что-то непонятное: слышались приглушенные голоса и крики, очевидно и прервавшие его мертвецкий сон.

Жан-Пьер, держась за прутья решетки в оконном проеме, отчаянно пытался высмотреть, что за суматоха там творится. Затем, коротко и тревожно вскрикнув, открыл дверь и выбежал наружу, приказав обоим стражам следовать за ним. Откуда-то издали доносились наводящие ужас звуки трубы.

Труба играла тревогу! Но почему? Сильвер быстро перебрал в уме все возможности. Бунт рабов, подстрекаемых, быть может, неграми-заклинателями - те тайком занимались строжайше запрещенной черной магией - да, такие восстания не были редкостью и заставляли плантаторов и надсмотрщиков, а в сущности, всех белых на острове применять бесчеловечные репрессии, дабы вселить в сердца уцелевших панический ужас перед силой и свирепостью белого господина.

А может быть, многолетняя ссора между семьями Дюбуа и Рийдов, владельцев соседней плантации, вылилась в насильственные действия? О чем, собственно, был спор? Сильвер, напрягая память, вспомнил, что Дюбуа и Рийд претендовали на владение маленькой бухточкой Спайкс, где оба имени выходят к морю, что очень важно для погрузки бочонков сахара и патоки на каботажные шхуны.

Что же происходит? Слышится пистолетный выстрел. Бешено лают волкодавы Дюбуа. Раздаются истошный женский визг и отборная ругань. Вот еще выстрелы, а за ними - продолжительный грубый, жестокий и злобный хохот, от которого волосы на голове встают дыбом.

Сильвер завозился на полу. Хотя руки его были крепко связаны за спиной, но, поднявшись на колени и опершись правым плечом о стену, он сумел подняться на ноги. Осторожно ступая, подошел к двери, в спешке оставленной Жан-Пьером открытой, и внимательно огляделся. Во мраке невозможно было разобрать, что происходит, тем более что на плантации царили паника и беспорядок. Небольшие группы рабов металась туда-сюда, спотыкаясь о валявшиеся тела убитых негров. То тут, то там проблескивал свет - какие-то люди бегали с факелами, а поодаль ярким пламенем горели хижины рабов.

Сильвер толкнул приоткрытую дверь карцера и вышел наружу. Не успел он сделать двух шагов, как чьи-то огромные руки схватили его за шею и рывком притиснули к двери. В лицо ему глядели налитые кровью глаза. Нападавший был ростом с Сильвера.

- Погоди, Джоб, - раздался невдалеке грубый голос, - сначала посмотрим, что за рыба нам попалась.

К Сильверу подошел другой человек. Этот был ростом пониже, в ладной треуголке, надетой набекрень, в куртке и панталонах из добротной ткани флотского покроя. Хотя в руке его был короткий тяжелый тесак, выглядел он почти прилично. Пока он разглядывал Сильвера, тот ощутил смешанный запах рома и пота. Первый незнакомец, державший Сильвера за горло, разжал руки и быстро заговорил с подошедшим.

- Не знаю точно, мистер Бонс, - сказал он, - рыба это или птица, но как видите, это белый человек, и к тому же связанный.

- И очень благодарный судьбе, что она послала мне джентльменов вроде вас, - подхватил Сильвер, спешивший воспользоваться положением. - Этот гнусный француз, гореть ему в адовом пламени, связал меня и собирался наутро переломить мне все кости на колесе. Развяжите меня, джентльмены, и я провожу и покажу вам, где он держит свое золото и серебро, честное слово.

Человек, которого звали Бонсом, почесал кончиком сабли под глазом.

- Ладно, приятель, - сказал он, как подметил Сильвер, с североамериканским акцентом. - Ты нас отведешь к золоту, а мы о тебе позаботимся. Только если совершь, я насажу тебя на саблю, как на вертел! Перережь ему веревки, Джоб, - сказал он резко. - Ну-ка, покажи, где спрятано сокровище, о котором ты толковал, да поживее!

Растирая руки, Сильвер повел их к дому Дюбуа. Он шел торопливо, то бегом, то шагом и видел, что имение захвачено моряками, если судить по их одежде. Пираты? Да, именно так. Нападение пиратов! Несомненно, морские разбойники высадились перед закатом в бухте Спайкс и, дождавшись темноты, атаковали. Сейчас они грабили, жгли и беспощадно убивали всех, кто пытался сопротивляться. Сильверу приходилось слышать, как банды пиратов нападали на плантации по берегам Барбадоса, да и других островов, добывая себе провиант и ценности. Сейчас эта судьба постигла имение Дюбуа.

Подошли к дому. Высокие двери, распахнутые настежь, слегка покачивались на петлях. Казалось, все обитатели ада собрались здесь - раздавались испуганные вопли, страшная ругань и треск сокрушаемой мебели.

Когда троица приблизилась к дверям, из дома выскочил плечистый головорез, с красным платком, обвязанным вокруг головы. Он тащил за собой двух истошно вопящих негритянок - одной из них была Шарлотта, служанка Аннет. Сильвер замешкался, глядя на них.

- А ну, пошел, дурак! - рывкнул на него Бонс, и Сильвер почувствовал укол саблей. Они вошли, звонко стуча каблуками по каменным плитам вестибюля. В комнате справа горел свет. Бонс грубо втолкнул Джона внутрь. Ослепленный ярким светом, Сильвер часто заморгал. Перед ним на стуле с высокой спинкой сидел Дюбуа; руки его были связаны за спиной. Над ним нависли три человека, крича и размахивая ножами. Немного в стороне на расшитом золотом и шелками диване спокойно восседал четвертый.

Едва разглядев, что здесь происходит, Сильвер услышал, как один из троицы зарычал на Дюбуа:

- Если будешь носом крутить и не скажешь, куда спрятал деньги, мы поджарим тебя на медленном огне! Посмотрим, французишка, как станешь чваниться, когда понюхаешь собственное мясо, - и поднес нож к самому лицу Дюбуа.

Человек на диване зашевелился.

- Погодите, мистер Флинт, - сказал он, мягко и правильно, как истый джентльмен, выговаривая слова. - Вы хорошо знаете, что я не выношу насилия над пленниками. Ну, один-два удара по лицу, дорогой мой сэр, это еще не беда. Но жечь на медленном огне - фи! Я англичанин и христианин, сэр, и не допущу этого.

Флинт повернул лицо, испещренное пятнами и щербинами, к человеку на диване, и Сильвер сразу понял, что черты его обезображены ожогом - вероятно, от пороха.

- Слушай, капитан, - укоризненно промолвил Флинт, - так мы никогда не выжмем из него ни фартинга, разрази меня гром. Оставь мне это дело, а я уж знаю, как поприжать эту свинью. Ох, и потеха же будет, когда мы его малость поджарим. - Он рассмеялся, откинув голову назад. Прозвучал тот же леденящий душу хохот, который Сильвер слышал совсем недавно, в самом начале нападения.

В этот момент Бонс шагнул вперед, подталкивая перед собой Сильвера. Тот быстро обернулся к человеку, спорившему с Флинтом.

- Вот, капитан Ингленд, - сказал Бонс, - я привел к вам, если не ошибаюсь, ключи от сундуков этого джентльмена. Мы с Джобом Андерсоном нашли его связанным, как быка перед бойней. Он очень зол на своего хозяина и готов показать, где тот прячет свою казну.

- Точно так, капитан Ингленд, точно так, сэр, - с готовностью заявил Сильвер, - я знаю, где он прячет ценности. Мне не надо доли от них, но умоляю вас, сэр, возьмите меня с собой. Если я здесь останусь, то жизнь моя не будет стоить ни фартинга.

С изысканным жестом капитан Ингленд повернулся к Джону Сильверу, небрежно одернув кружева на рукаве.

- Об этом поговорим, когда будет время, приятель, - ответил он. - Сначала покажи золото.

- Так точно, сэр, - сказал Сильвер, повернулся и повел всех по лестнице в задние комнаты, где, как было ему известно, Дюбуа прятал ценности. Капитан Ингленд, Бонс, Андерсон вместе с двумя другими пиратами пошли следом, но Флинт, поколебавшись, остался.

Они взломали потайной стеной шкаф, где Дюбуа держал деньги и драгоценности, и стали перекладывать их в наволочки, взятые из спальни. Сильвер благодарил судьбу за то, что, пока он был старшим надзирателем, он проник во многие секреты хозяйства плантации.

В этот момент он вспомнил об Аннет. Отец запер ее в одной из комнат в задней части дома, и, вне всякого сомнения, она сходила с ума от страха и неизвестности. Никто не обратил внимания, как Сильвер выскользнул на лестничную площадку и пошел искать комнату, где была заперта Аннет.

Увидев открытые двери, он вошел в комнату и на мгновение замер: прижавшись к стене, истерически рыдала Аннет, отчаянно отбиваясь от какого-то человека, срывающего с нее одежду.

Когда Сильвер подскочил к ним, человек, вздрогнув, обернулся.

Это был Жан-Пьер! Лицо старого негра исказилось от ужаса, когда глаза его встретились с неумолимым и беспощадным взглядом Сильвера. Джон схватил врага и высоко поднял над головой, как будто тот был легкой фарфоровой куклы. Сильно размахнувшись, он выбросил негра в окно. Жан-Пьер упал в кусты и закричал от боли. Тут же кровожадные волкодавы Дюбуа бросились на него и растерзали в клочья.

Сильвер поднял Аннет на руки; она была легкой и теплой. Внезапно он понял, как страстно он любит ее и как много теперь от него зависит. Спускаясь с Аннет вниз по лестнице, он слышал тихие ее всхлипывания, и каждое буквально разрывало ему сердце. Спустившись вниз, Сильвер увидел, что пираты собираются возвращаться на судно. Перед собою они гнали группу рабов, сгибавшихся под тяжестью добычи. Джон бездумно последовал за ними, а Аннет, прижав голову к его груди, затихла. Прежде чем ступить на тропинку, спускавшуюся к заливу Спайкс, Сильвер обернулся и взглянул в сторону усадьбы. Языки пламени охватили дом, и из одного окна верхнего этажа, освещенная пожаром, свешивалась в петле жалкая фигура. Дюбуа! Сильвер постарался закрыть Аннет глаза, но она еще до этого лишилась чувств.

Мимо проследовал человек, которого называли Бонсом: в кармане его позвякивали монеты, а короткая сабля была в ножнах. Он заметил, куда глядит Сильвер, и безразлично сказал:

- Это, верно, дело рук Флинта, - терпеть не может ни французов, ни знатных господ, - и с этими словами исчез, посвистывая, во мраке.

Сильвер на миг застыл. Сейчас, когда Дюбуа погиб, Аннет унаследует имение. Они поженятся, и Джон обретет безопасность и свободу. Как ее супруг, он станет человеком с авторитетом, богатством и положением в обществе.

Аннет что-то пролепетала и пошевелилась у него на руках. Словно услышав ответ на свои предположения, он понял, как все будет в действительности. Богатство и положение! Да его в первую очередь обвинят в убийстве Дюбуа и тут же повесят без малейших колебаний. Нет, лучше вдвоем с Аннет отправиться попытать счастья с пиратами. В худшем случае у него хоть будет возможность отомстить всем этим важным господам за то, что они с ним сделали, а в лучшем - станет пиратским предводителем с карманами, переполненными дублонами. А почему бы и нет? Разве парни с "Ястреба" не хотели видеть его капитаном? Сильвер решил. Не выпуская из рук впающую в беспамятство Аннет, он заковылял к заливу.

13. КАПИТАН ИНГЛЕНД

Единственное, что оставалось делать Сильверу, державшему Аннет на руках, было следовать за пиратами, которые тянулись вниз к заливу Спайкс. Не представляло особого труда определить, где они, поскольку шумные их разговоры, пение и крики раздавались так громко и беспечно, как на ярмарке в Уидскеме. Тропинка, однако, была узка и местами настолько крута, что, когда время от времени Сильвер терял из виду человека, шедшего впереди с факелом в руке, каждый его шаг требовал, несмотря на ловкость и силу, большого внимания и осторожности.

Добравшись наконец до пляжа маленького залива, он увидел оставшихся на берегу пиратов. Они ожидали, когда их отвезут с добычей на судно, бросившее якоря в море с наветренной стороны. Судовые шлюпки рейс за рейсом сновали по тихой воде под усыпанным яркими звездами черным небом.

Сильвер обратился к пирату, которого звали Бонсом. Он стоял на берегу и внимательно наблюдал за судном. Флинт, находившийся рядом, слегка поглаживал свои тонкие черные усы.

- Надеюсь, вы сдержите слово, сэр, - сказал Сильвер Бонсу. - Ведь вы обещали, что позаботитесь обо мне. Возьмите нас на борт, сэр! Бонс обернулся, пытаясь разглядеть говорившего, но не успел он ответить, как Флинт заявил издевательским тоном:

- Вот связанный бычок и сбежал с бойни. Не зватьсь мне Флинтом, если я позволю кому взять багажа хоть чуть более дозволенного. Слушай, приятель, - обратился он злобно к Сильверу, - капитан Ингленд, как настоящий джентльмен удачи, не берет женщин на борт, потому что от них одни неприятности и славные парни проламывают из-за них друг другу головы. Так что оставь ее на берегу, а для тебя, может, и подыщем местечко, хотя, по моему разумению, лучше всего тебе болтаться в петле здесь, на берегу!

- Эй, Флинт, - сказал Бонс, - а я и не знал, что капитан Ингленд сдал тебе командование. До сих пор я знал тебя, как квартирмейстера, так что если вдруг что изменилось, буду тебе признателен, коли просветишь меня на этот счет.

Смуглое лицо Флинта мгновенно потемнело от гнева, а Бонс продолжал весело, как бы ничего не замечая:

- Но как мне кажется, ты пока не капитан, а я все еще старший помощник, и решать буду я, если ты, конечно, не против.

Он повернулся к Сильверу:

- Вы подниметесь на борт со мной, приятель, а капитан Ингленд решит, как с вами быть. Возьмите с собой и девушку, хотя мистер Флинт и прав, сказавши, что между джентльменами удачи вроде нас не место женщинам. Впрочем, на старушке "Кассандре" можно найти десяток красивых негрятенок, так что, полагаю, не имеет большого значения, окажется на борту одной смуглянкой больше или нет.

Так, менее чем через полчаса Джон Сильвер вступил на борт "Кассандры" в то время, как пираты вокруг него укладывали добычу в трюмы и готовили судно к отходу.

Сильвер стоял посреди палубы, держа за руку Аннет - она пришла в сознание еще в лодке и ловко забралась на борт, - когда Бонс хлопнул его по плечу и предложил идти за ним. Он привел Сильвера и Аннет в капитанскую каюту на корме "Кассандры", где за потрескавшимся столом красного дерева сидел капитан Ингленд, то и дело бравший солидные порции нюхательного табака, и мрачно изучал карту. Внезапно Сильвер почувствовал себя беспомощным и встревоженным. Аннет стояла возле него, затаив дыхание.

Увидя Аннет, капитан Ингленд галантно встал, предложил ей сесть и засуетился, а Бонс пододвинул ей стул, который, будь он новым, пришелся бы к месту в любом губернаторском дворце Вест-Индии. Вкратце Бонс объяснил положение.

- Да, конечно, - сказал капитан Ингленд вежливо, - славному моему экипажу всегда нужны новые товарищи, мистер Сильвер. Особенно такие, как вы. Но обычно на "Кассандре" не бывает дам, хотя, как мне кажется, в трюмах наши горячие головы прячут несколько молодых негрятенок и развлекаются с ними время от времени. Думается мне, офицерам не понравится, если я нарушу правила ради вас. - Он замолчал на миг, взяв еще понюшку табаку из серебряной своей табакерки и продолжил:

- Мистер Сильвер, полагаю, вы действительно желали бы вступить в береговое братство, не так ли? Если вам мешают моральные соображения, нет ничего проще, чем оставить вас, как беглого раба на необитаемом острове или отдать при первой возможности королевским судьям.

Сильвер начал горячо уверять капитана, что искренне и сильно желает поступить к нему на службу, но Ингленд прервал его:

- Разумеется, естественно, вы ведь сами пришли на борт "Кассандры". Но с этой девушкой будет трудно, - Ингленд снова замолчал в раздумье.

- Ну да, конечно. Мы вас сейчас обвенчаем, и можете оставить ее на Нью-Провиденс, где живут жены и дети джентльменов, вроде нас. И это улажено. Отлично! Мистер Бонс, не откажите в любезности позвать Иезекииля Уинтропа и скажите, чтоб шел немедленно, как только соберется.

Бонс вышел из каюты. Сильвер безмолвствовал, но Аннет подняла голову и улыбнулась ему. Улыбка согласия, смешанная со слезами раскаяния, как показалось Джону. Но это не имело значения. Все равно надо было что-то решать. Капитан Ингленд снова повернулся к ним:

- Наш проповедник Уинтроп - настоящий служитель Господа, приятель, но малость запятнал свои ризы. Присоединился к нам Уинтроп в Массачусетсе - его паства очень плохо отнеслась к слабостям своего духовного отца, имевшего неосторожность прелюбодействовать с сестрой собственной жены. Печально, конечно, но теперь и наши ребята не лишены слова Господня - поскольку он может рассказывать Святое писание с утра до вечера, только попроси.

В этот момент Бонс появился с беглым священником. Глаза преподобного Иезекииля Уинтропа были красными от беспробудного пьянства. Одет он был в темный кафтан, грязные оранжевые панталоны и поношенные сапоги. Из-за пояса торчал кремниевый пистолет. Завидя Аннет, он непристойно ухмыльнулся и подмигнул ей.

- Эй, Уинтроп, сказал Ингленд, - венчай эту парочку влюбленных, да поживее.

- Слава Богу, капитан Ингленд! - изрек Уинтроп высоким голосом. - Я всегда готов к сему делу. Но Господь в премудрости своей заставил меня забыть мой верный молитвенник.

Он похлопал себя по карманам и воздел очи горе в притворном отчаянии, как будто искал молитвенник среди балок потолка каюты.

- Слушай, Уинтроп, - сказал бесцеремонно Ингленд, - у нас нет времени слушать твои проповеди, особенно теперь, когда пора сниматься с якоря. Не все ли равно, по какой книге прочтешь? Думается, это тоже делу не помеха!

Отворив дверцу ближайшего шкафа, он вынул оттуда небольшую книгу и кинул ее Уинтропу.

- А, - сказал Уинтроп, разглядывая внимательно книгу, - Беньян. - Я всегда говорил, что ничем не тронуть христианскую душу так, как "Путешествием паломника". - Он полистал страницы и наконец объявил: - Да, вот это больше всего подойдет тем, кто готовится к долговому совместному пути в браке. Встаньте, чада мои!

После этого вздохнул, благочестиво всхлипнул и принялся читать нараспев, не переставая бросать взгляды на бюст Аннет.

- Чьи эти прекрасные горы? И чьи стада эти, что тут пасутся?

Пастырь: - Иммануиловы эти горы. С них виден град Его, и Его эти стада, за них жизнь свою отдал.

Христианин: - Отсюда ли достигну небесного града?

Пастырь: - Да, верен сей путь.

Христианин: - И долго ли следовать сим путем?

Пастырь: - Очень долго, особенно тем, кто истинно жаждет пойти туда.

Держа Аннет под руку, Сильвер удивленно слушал, как пьяный Уинтроп неожиданно сильным и красивым голосом читал о странствиях паломника к прекрасным горам. А в это время с носа судна зазвучала песня моряков, выбиравших при помощи кабестана якорные цепи. Песня дикая, прерываемая хохотом и пьяной руганью:

Пятнадцать человек на сундук мертвеца.

Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Пей, и дьявол тебя доведет до конца.

Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Каюта наполнилась страшной какофонией - напевный голос Уинтропа мешался с разудалой песней экипажа. Аннет задрожала, а Бонс мрачно усмехнулся.

Внезапно капитан Ингленд стукнул кулаком по столу.

- Достаточно, Уинтроп! - рявкнул он. - Это венчание, а не посвящение в сан. Кончай, у нас много работы! - и обратился к Сильверу и Аннет вполне вежливо: - Объявляю вас мужем и женой. Не совсем по церковным канонам, но вполне достаточно для пиратов Нью-Провиденса, куда мы плывем. - Ингленд поднялся. - Брачную ночь проведете в лазарете, - сказал он Сильверу. - И на вашем месте я бы держал жену под запором, пока не достигнем Багамских островов. Среди наших моряков немало таких, кто охоч разевать рот на чужое добро, в том числе и наш святой приятель пастор. Уинтроп, - крикнул Ингленд умильно улыбающемуся проповеднику, - пошел вон! Мистер Бонс, пойдете со мной.

Капитан вышел из каюты, спеша подставить паруса бризу и дать судну курс.

Так Сильвер попал в "береговое братство", как пираты Карибского моря часто называли свое содружество, и при этом добыл себе жену. Я особенно удивился, когда вдруг понял в одном месте его рассказа, что "старуха негритянка", "хозяйка", о которой он время от времени вспоминал на "Эспаньоле", была не кто иная, как Аннет Дюбуа. Но с другой стороны, после этих событий прошло столько лет.

Конечно, ревнители расовой чистоты поморщатся при чтении моего рассказа, поскольку в жилах Аннет текла наполовину негритянская кровь, но Сильвер не моргнув бы и глазом, знай он, что кровь ее смешана со ртутью или расплавленным оловом, поскольку любил ее искренне и более, чем любое другое человеческое существо. В сущности, драматическое бегство из имени Дюбуа и наскорю заключенный на борту "Кассандры" брак связали их так тесно, что союз этот оказался сильнее всех дальнейших испытаний и невзгод.

Пока "Кассандра" шла на северо-запад, подгоняемая попутным ветром, Сильвер изо всех сил старался добиться хорошего к себе отношения капитана Ингланда и его людей. Это не составило особого труда: Джон умел расположить к себе людей и был первоклассным моряком, и капитан, казалось, благоволил ему. Кроме того, Сильвер умел быстро ориентироваться; довольно скоро понял, что положение капитана Ингланда зависело прежде всего от его умения приводить людей к богатой добыче. Не смей он учуять добычу, экипаж вправе был низложить его и избрать капитаном другого. А при малейшем подозрении в измене пираты могли вручить ему черную метку, после чего бедняге оставалось бы только читать молитвы и уповать на милость Господню.

Билли Бонс был первым помощником капитана Ингланда, точнее его штурманом. Прежде чем стать пиратом, Билли бежал из дома в Коннектикуте и плавал под началом одного капитана, промышлявшего контрабандой между Новой Англией и испанскими владениями в Карибском море. Он выучился навигации и чтению карты, но счастье ему изменило: британские власти задержали судно к северу от Ямайки и Бонса приговорили к двадцати годам каторжных работ в Джорджии. Шесть лет спустя он сумел подкупить стражу и бежал, добрался до Нью-Провиденс, где познакомился с Ингландом. Они быстро сошлись, быть может из-за сходства судеб - Ингланд ранее был помощником на небольшом сторожевом корабле с Ямайки и, когда пираты захватили судно, предпочел полную опасностей жизнь морского разбойника путешествию на доске [вид казни на море - приговоренный со связанными руками идет по доске с борта в море и тонет].

Следующим в иерархии был Джетроу Флинт, квартирмейстер, отвечающий за дисциплину экипажа и раздел добычи. Флинт был сыном одного диссидента [диссидент в Англии XVI-XVIII веков - противник официальной религии] из Уэльса, бежавшего на Рид-Айленд, чтобы свободно жить и исповедовать веру без препятствий со стороны англиканской церкви. Затем старый Флинт перебрался на остров Сент-Китс в Карибском море, где и погиб при одном из частых нападений французских корсаров, однако его сыну Джетроу удалось спастись и он попал в компанию пиратов на Наветренных островах. Флинт был жестоким, холодным, беспощадным человеком, любившим пытать пленников просто ради удовольствия. Этого капитан Ингланд не выносил, поэтому между ними часто возникали разногласия. Флинт был воспитан отцом в глубоком убеждении, что женщина суть сосуд греха, и Сильвер клялся, будто за все время, которое он его знал, ни разу не видел, чтобы Флинт глядел на женщин с вождением, кроме тех моментов, когда его одолевало бес. Но более всего Флинт ненавидел французских убийц отца, и испанцев - идальговцев, как многие их называли, которых не отделял от иезуитских козней и преследований за веру.

В иерархии "берегового братства" за квартирмейстером следовали старший канонир, боцман, рулевые и плотник, равно как и оружейные мастера. Из экипажа Ингланда служили потом у Флинта, а после этого плавали на "Эспаньоле" плотник, медлительный, спокойный моряк по имени Том Морган, и боцман Джоб Андерсон. Все они от капитана до оружейных мастеров именовались "лордами" и имели право на большую долю добычи, чем обычные моряки. Внешне "лорды" мало чем отличались от других, но были более опытными моряками. Надо отметить, что если главари какого-либо пиратского корабля проявляли нерешительность или же им изменяла удача, экипаж вправе был низложить "лордов" и избрать на их места других моряков.

Сильвер вскоре понял, что порядок на "Кассандре" зависит от непрекращающихся успехов в налетах, подкрепленных сильной рукой и острым языком. Во время своих вахт на всем протяжении пути к Нью-Провиденс Сильвер, входивший в вантовую команду и работавший на фок-мачте, молнией летал вверх-вниз по снастям, поднимая и спуская паруса, поправляя такелаж. Своим новым товарищам он пришелся по душе, а капитан Ингланд и Бонс часто хвалили его за усердие и хорошую работу.

Для Аннет плавание было смесью радости с горем. Она была счастлива, оставаясь наедине с Джоном, но известие о гибели отца перенесла тяжело, как женщина со страстной натурой. Хотя Сильвер благодарно утаил от нее подробности убийства Дюбуа, Аннет догадалась, чьих рук это дело, и глубоко возненавидела Флинта. Он же глядел на жену Сильвера как на альбатроса - предвестника несчастья на судне, по поверьям моряков, и от этого оба они взаимно ненавидели друг друга. Эта вражда перенеслась и на отношения между Флинтом и Сильвером, что последний неоднократно испытывал в дальнейшем.

Как бы там ни было, Джон Сильвер с облегчением наблюдал, как на горизонте возникает остров Нью-Провиденс - одинокий зеленый холм посреди сияющего моря. В город наезжали, как было известно всей Вест-Индии, самые отъявленные головорезы Карибского моря, но он, Джон Сильвер, все же шел в это осиное гнездо с гордо поднятой головой, как свободный человек.

14. НА МАЛАБАРСКИЙ БЕРЕГ

Капитан Ингланд говорил просто и ясно, чтобы каждый из сидевших перед ним в обширном зале трактира возле порта Нью-Провиденс шести десятков моряков мог понять его мысли, но Сильвер все же напрягал слух, чтобы не пропустить ни слова.

- Братья, - говорил капитан Ингланд, - я думаю на известное время увести "Кассандру" из Карибского моря. В последнее время испанцы выслали нам вдобавку боевые корабли, а Картахена, Каракас и Гавана прямо-таки ошметинились орудиями. Не то чтобы я боялся этих идальговцев, тем более французских или голландцев, черт бы их побрал, или даже кораблей короля Георга, разрази его гром, но думаю, что это не означает для нас непременно стремиться поплясать на рее.

На миг Сильвер отвлекся и оглядел пиратов, внимательно слушавших Ингланда. Вилли Бонс задумчиво кивал, как бы во всем соглашаясь с капитаном; рядом с ним сидел Андерсон. Том Морган вперило бессмысленный взгляд в свои сапоги, а слева от него обезображенное лицо Флинта выражало недовольство и презрение. Остальные представляли собой невообразимую смесь: сгрудившись и перемешавшись, сидели здесь англичане, шотландцы, валлийцы, несколько ирландцев, мулатов и квартирменов, один дезертир-испанец, пара дюжих голландцев, похожих на близнецов, высокий бледнолицый финн, разжалованный португальский капитан, дюжина французских корсаров, группа янки и скандальный баптист из Каролины. Большинство из собравшихся на сходку внимательно следили за словами капитана Ингланда.

- Последний поход к заливу Пария близ Тринидада без малого не обернулся катастрофой. Испанцы поставили в засаду где-то возле Порт-оф-Спейна два фрегата, и нам пришлось бежать, пока они не зажали нас в клещи. Если бы нам не повезло на Гренаде и Барбадосе, мы вернулись бы сюда с пустыми руками!

"Странно, - подумал Сильвер, - с детства я воспитан в ненависти к Испании и папистам, а вот поди ж ты - не направь эти идальговцы два фрегата в залив Пария - конец бы мне настал! Боже, храни Его католическое величество короля Испании и обеих Индий, но только ради этого случая!"

- Итак, братья, - продолжал Ингланд, - я предлагаю отправиться в Ост-Индию, к берегам Малабара. В Индии нас ждет богатая добыча; рассказывают, там все перегрызлись друг с другом - англичане, португальцы, французы и даже сам Великий Могол. В разгар войны им будет не до нас и мы будем сколько угодно жемчуга, золота и пряностей. Захотим - нападём на Бомбей. А если обожемся, то сможем передохнуть на Мадагаскаре, где вольготно живут и правят джентльмены вроде нас. Ребята, - добавил Ингланд, слегка понизив голос, - этот поход придется по вкусу не каждому. Кое-кому из вас покажется нелегким расстаться с Нью-Провиденс, может быть, на целых два года. Решайте сами. В этом походе нам предстоит или обрести огромные богатства, или сдохнуть с голода в какой-нибудь португальской тюрьме. Все может быть, ребята, но я уверен в успехе, ибо недаром зовут нас джентльменами удачи, разрази нас гром! Хочу знать, братья, что вы думаете на этот счет.

Первым раздался резкий и тонкий голос Флинта:

- Не отрицаю, что капитан Ингленд кое в чем прав, - сказал он, - но прав он, думается мне, не во всем. Уверен, что не пройдет много времени, как лондонское правительство набросится на испанцев и примется жестоко их карать за то, что эти идальговцы останавливают и обыскивают английских купцов на море. А вот тогда-то и наступит наше время на Карибском море - запишемся каперами и еще орать будем: "Да здравствует король Георг!" или как там еще! Одним словом, - его тонкие губы сурово сжались, - мне еще не надоело срубать испанские тыквы.

Билли Бонс заговорил сразу же после него.

- Все мы знаем, что такое Флинт, - сказал он грубо, - и пускай он сам охотится на испанцев. Я голосую за капитана Ингланда. Он прав, здесь становится опасно, горячо, а мне не улыбается быть поджаренным на медленном огне.

Многие из пиратов одобрительными возгласами встретили эти слова. Флинт, холодный и сдержанный, пожал плечами.

Предложение капитана Ингланда завладело воображением Сильвера. Малабарский берег с его баснословными богатствами, вольной жизнью и возможностью разбогатеть приманивал его, как далекая, загадочная и соблазнительная восточная сирена. Но надо было подумать и об Аннет, поскольку она оставалась в компании других пиратских жен в жалких лачугах Нью-Провиденса. Вопрос был в том, сможет ли она примириться с тем, что он покинет ее на два года, а может быть, и на больший срок. "К дьяволу, - подумал он, - она все простит, если я вернусь с мощной золотой!" Тогда они могли бы покинуть Нью-Провиденс и поселиться в другом месте, может быть даже в Англии, и зажить там богато.

Он поднялся.

- Друзья, - начал он, - я за капитана Ингланда и скажу вам почему. Потому что дурень, как кричит кто-то из угла? Нет! Дело в том, что все, им сказанное, совершенно разумно, вот почему! Тут земля начинает гореть у нас под ногами, идальговцы зашевелились, а лорды адмиралтейства по глупости или скаредности не делают того, что надо бы сделать. Верьте мне, так и будет, а войны, обещанной Флинтом, мы еще десять лет не увидим. Поэтому я за Малабарский берег и не зватьсь мне Сильвером, если не привезу обратно усы самого Великого Могола в золоченом чехле.

Одобрительные возгласы и смех были ему ответом, и, довольный собой, Сильвер сел. После его речи капитан Ингленд предложил голосовать, и около сорока рук поднялись в его поддержку. Стало ясно, что Флинт проиграл. В скором времени он принялся искать сторонников плана регулярных набегов на берега Флориды.

Двумя днями позже капитан Ингленд собрал на "Кассандре" тех, кто его поддержал, для подписания договора и выборов офицеров. Подписи под текстом договора ставили по кругу, чтобы невозможно было установить, кто в каком порядке подписался, если попадешь в беду, нельзя будет установить предводителя. Сильвер был один из немногих, кто мог подписаться правильно, - большинство пиратов приложили пальцы или с трудом нацарапали инициалы на захватанной грязными руками бумаге.

Когда с этим было покончено, капитан Ингленд обернулся к ним, предварительно ухватив из табакерки огромную поношку табаку и шумно чихнув.

- А теперь слушайте, - сказал он. - Отплываем через четыре дня, как только загрузим провиант и проверим состояние "Кассандры". Договор уже всеми подписан, но для тех, кто неважно читает, объявляю самое важное: в этом плавании женщин на борт не берем; запрещается игра в карты и кости на деньги, также дуэли и выпивка после полуночи; добычу делит квартирмейстер; все споры разрешаются капитаном и его помощниками.

Капитан Ингленд продолжал и перечислил почти пятьдесят пунктов, так что Сильверу показалось, что нет особого различия, служить ли под сенью британского флага или под пиратским знаменем. Здесь надо отметить, что черное полотнище с нарисованными на нем черепом и скрещенными костями, столь обычное во времена Моргана и д'Олонне, почти никогда не реяло над палубами кораблей Ингланда, Флинта и иных наших, к прискорбию моему и всего просвещенного XVIII века, современников. На "Кассандре", к примеру, имелись флаги важнейших морских держав, поднимавшиеся на флагшток сообразно обстоятельствам, - один день пираты представлялись судном, идущим под красно-золотым имперским флагом Испании; на следующий день поднимали трехполосное красно-бело-синее знамя Голландской республики.

Сильвер заметил, насколько деловым человеком оказался Ингленд, при подготовке к отходу судна, что усилило его уважение к капитану. Со своей стороны, Ингленд высоко оценил Сильвера, как умелого моряка, а особенно его искусную работу с такелажом и умение ладить с людьми. Именно поэтому капитан предложил его в боцманы "Кассандры"; назначение Сильвера, как и остальных "лордов" (да простит мне читатель, но в дальнейшем изложении я буду, слегка уклоняясь от истины, именовать их офицерами - уж больно неподходящее и режущее слух каждому добропорядочному англичанину придумали для своих вожаков эти разбойники), решалось голосованием экипажа. Сильвера избрали почти без возражений, что его удивило и порадовало. Билли Бонс продолжал оставаться первым помощником и штурманом. Квартирмейстером избрали полного пожилого португальского капитана; Ингленд предполагал, что он будет очень полезен, если решат пойти в Гол или в какую-либо из португальских факторий на западном берегу Индии. Джоб Андерсон стал главным оружейным мастером, а Том Морган - корабельным плотником. Одного из голландцев сделали старшим канониром, а рулевым поставили молодого тощего человека с прямыми черными волосами и настолько печальным и виноватым выражением лица, что все звали его просто Черным Псом.

Среди рядовых пиратов было несколько человек, которых Сильвер тайно приметил и держал под наблюдением, как возможных смутьянов: один из них - высокий желтоглазый Джордж Мерри (Весельчак), чье имя никак не соответствовало этому хмурому грубияну; другой - буйный и неуклюжий ирландец по имени О'Брайен, сосланный из Донегала на Барбадос в каторжные работы по приговору королевского суда за браконьерство.

Покончив с выборами офицеров "Кассандры", Сильвер быстро вернулся к Аннет. Устроились они в маленькой комнатке зади большого деревянного сарая, служившего складом для пиратов Нью-Провиденс.

На складе хозяйничала пятидесятилетняя толстуха Маргарет Бони. Муж ее ушел тринадцать лет назад в набег на северо-восточное побережье Бразилии и до сих пор не вернулся. Сейчас она жила здесь и спала между мешками с зерном и сушеными бобами. Связка ключей от склада всегда болталась на ее необъятной груди.

Сильвер отворил дверь своей комнаты. Прошел едва час после полудня, и внутри было так жарко и душно, что, казалось, воздух можно резать ножом. Маленькое продолговатое окно, забранное железной решеткой, было затянато материей, прибитой к грубой деревянной раме. Солнечный свет проникал сквозь ткань, но для Сильвера, вошедшего с улицы, ярко освещенной солнцем, в комнате стояла тьма кромешная.

- Аннет, - тихо позвал он. Возможно, она спала на соломенном тюфяке в углу, служившем им брачным ложем.

Да, Аннет была там. Когда глаза Джона стали привыкать к сумраку, он увидел ее лежащей на тюфяке лицом вниз; длинные черные волосы ее в беспорядке раскинулись по плечам и спустились до земляного пола, а синее хлопчатобумажное платье порвалось над икрами.

В несколько шагов Сильвер пересек комнату, опустился на колени и ласково погладил блестящие черные волосы. Редко встретишь такую женщину, это уж точно. Рука его спустилась на нежную смуглую шею.

- Аннет, - повторил он громче, - Аннет, я отправляюсь за богатством. Проснись, милая, и слушай хорошие новости.

К его удивлению, Аннет вскочила еще до того, как он закончил свои слова. Она не спала, а плакала, как это было видно по ее лицу.

- Знаю, что за новость ты мне принес, очень хорошо знаю, - сказала она сердито, - Маргарет Бони мне все рассказала. От нее никто ничего не скроет. Бросаешь меня! Уходишь в Ост-Индию или еще куда-то. Через четыре дня уходишь с капитаном Инглендом. Так или нет? И не смей мне врать.

- Все правда, милая, - сказал Сильвер. - Капитан Ингленд назначил меня боцманом на "Кассандру". Мы пойдем на Малабарский берег, где раздобудем целую кучу жемчугов и пряностей.

- Да на что мне жемчуга и пряности! Ты мне нужен, чтобы ты меня хранил и берег. Один Бог знает, что со мной будет, если ты пропадешь! Как я тут буду жить? Дурак этакий! - воскликнула она почти истерически. - Другие мужчины наверняка постараются меня заполучить, когда ты уйдешь. Откуда мне знать, вернешься ты, или нет? Муж Маргарет Бони уехал и до сих пор не вернулся. Я не хочу кончить, как Маргарет, в этой дыре!

Удивленный этим взрывом чувств, Сильвер возразил:

- Спокойно. Все не так, совсем не так. Скорее мы окончим свои дни в этой дыре, если я не уйду с капитаном Инглендом. Такая жизнь по тебе?

- Хотя такая жизнь, но с тобой, не без тебя! - прервала его Аннет. "Еще возьмет и расплачется", - подумал Сильвер, но не успел открыть рот, как она вскочила на ноги и закричала:

- Ты выкрал меня из дома! Ты помог убить отца! Если бы не ты, я была бы сейчас счастлива, хорошо одета и сыта! Ты делаешь одни подлости! Ненавижу тебя!

Сильвер взбесился от ярости, схватил ее за плечи и сильно затряс:

- Ведьма ты! Все испортила! Явилась тут исполненная злом, как дьявол при молитве! Мешаешь мне во всем!

Сильвера охватило безумное желание разбить ее голову о стену, как фарфоровую куклу, и растоптать ногами.

Пока он пытался овладеть собой, Аннет бросилась ему в объятия, обняла за шею, а голова ее едва доставала его груди. Она целовала его через влажную рубашку, одновременно рыдая.

- Как же мне жить, когда ты уйдешь? Что мне делать? Я к тебе привыкла и не могу без тебя жить!

Сильвер грубо оттолкнул ее.

- Придется вам тогда привыкнуть еще кой к чему, благородная мисс! На этом острове нет человека, который мог бы указывать Долговязому Джону Сильверу, что он может делать, а чего не должен! А что касается женщин, то для нас, джентльменов удачи, это не имеет особого значения, сама знаешь. Благодаря судьбу за то, что я полюбил тебя так, как полюбил! Кто о тебе заботится и печется? Я! И ты сейчас смеешь на меня кричать за то, что я хочу сделать так, чтобы ты гордилась мной, сделать тебя настоящей леди, которой не надо работать. Да ты точь-в-точь та девица из старой баллады, которая берет горсть золота задарма, а потом причитает, что одна из монет стертая.

Он остановился перевести дыхание и тут понял, что кричал так громко, как на палубе в шторм отдают приказы. Маленькая комната словно переполнилась звуками его голоса. Аннет смотрела на него испуганно с приоткрытым от изумления ртом. Плач ее прекратился, Сильвер шагнул к ней и заговорил холодно и спокойно:

- Думается мне, ты умна. Умна, а не только красива. Ну, а если ты только красива, то проваливай ко всем чертям, и делу конец. Но если ты мне настоящая жена, ты останешься здесь и будешь хранить наш дом, пока я не вернусь. А если не хочешь этого делать, тогда, ради бога, продавай свое тело хоть самому Флинту, хотя я не хочу и думать, что он с тобой сделает!

Услышав имя Флинта, Аннет передернулась, глаза ее расширились от ужаса. Она быстро вскочила, схватила маленький табурет и с силой бросила в лицо Сильверу.

Он уклонился в сторону, но все же получил сильный удар по правому уху.

Взбесившись от боли, Джон Сильвер бросился к Аннет. Она повернулась, охваченная ужасом, споткнулась и упала на земляной пол. Сильвер кинулся на нее, вцепился пальцами в длинные волосы и повернул ее лицом к себе. Внезапно он осознал, что Аннет просто совсем еще молоденькая женщина, насмерть перепуганная, униженная и жалкая.

Сильвер наклонился к ее лицу и принялся жадно целовать ее глаза и губы. Гнев его моментально растаял, сменившись желанием. Что за идиотская мысль покинуть ее хотя бы на день! Да как же можно жить, не лаская каждодневно ее гладкую, как атлас, кожу, пышные бедра, грудь, хрупкие плечи, даже смешные короткие пальчики на ногах. Какая другая женщина сможет ее заменить! И тут Аннет стала его целовать, впились ногтями в его плечи, одновременно плача и смеясь.

Джон поднял ее, нежно положил на соломенный тюфяк, завернул юбки на плечи: перед ним появилась смуглая трепещущая плоть ее живота и бедер. Раздвинув правой рукой колени, он приник к ней. Комната, минуту назад бывшая тесной нищей дырой, превратилась в роскошную опочивальню - само присутствие Аннет его опьяняло.

Потом, когда Аннет, усталая и счастливая, лежала, прижавшись к нему, он нежно и ласково объяснил, что предпринял, чтобы она была счастлива и в безопасности до его возвращения. Сказал, чтобы продолжала жить вместе с подругой, Маргарет Бони, и что в пиратском поселении Нью-Провиденс надо радоваться положению супруги боцмана капитана Ингленда.

Со своей стороны, Аннет крайне неохотно отбросила свои переживания и страхи. Сильвер применил все свое красноречие, чтобы вырвать у нее согласие на его отъезд.

Так или иначе, но в начале семейной жизни они договорились, что Джон волен плавать, куда позовет судьба. Но обязанности лежали не только на ней - Сильвер должен был при первой возможности возвращаться к Аннет, и, когда они были вместе между двумя походами, то жили чинно и rispetably, как городской советник с супругой.

В интересах достоверности этого рассказа, хочу отметить, что и Сильвер приобрел в Аннет верную опору и постоянное убежище, а также, как выяснилось потом, бережливую хозяйку, хорошо распорядившуюся имуществом и деньгами.

Так, после тяжелого объяснения с только что найденной супругой, началась пиратская карьера Сильвера. Через четыре дня после подписания договора он простился с утопающей в слезах Аннет и отплыл от Нью-Провиденс. Отходя от пристани, "Кассандра", сияющая ярко блестящей на солнце позолоченной носовой фигурой и надутыми парусами, на фоне которых ради торжественного случая грозно реял "Веселый Роджер", представляла собой красочное зрелище. Это был большой бриг, оснащенный дополнительными парусами, вооруженный двадцатью двумя орудиями. Капитан Ингленд особенно гордился быстротходностью своего судна и мореходными его качествами, но Билли Бонс сомневался в способности его маневрировать среди отмелей.

От Нью-Провиденс "Кассандра" отвалила с пятьюдесятью членами экипажа на борту, что было чересчур много для торгового судна, однако недостаточно для поддержания огня с двух бортов орудийной палубы, если имела несчастье подвергнуться нападению с двух сторон одновременно.

На борту "Кассандры" Сильвер испытал многое. После перехода через Атлантику бриг направился к реке Гамбия, на западном берегу Африки. Тут снова запаслись провиантом, как это делают обычно торговые суда Ост-Индской компании на пути в Бомбей.

Но между Гамбией и мысом Корса на Золотом Берегу капитан Ингленд атаковал все слабо вооруженные суда. Как и следовало ожидать, сопротивления он почти не встречал; когда "Кассандра" приближалась под чужим флагом, одного залпа хватало, чтобы захватить судно и снять с него все сколько-нибудь ценное.

За три месяца капитан Ингленд ограбил одиннадцать судов, идущих из Бреста, Роттердама, Лондона, Копенгагена, Лиссабона и Кадиса. При этих нападениях "Кассандра" заполучила два десятка новых моряков, поскольку экипажам захваченных судов предлагали перейти на сторону пиратов; оставшимся, ограбленным до последней нитки, позволяли следовать дальше на полностью очищенном от всего сколько-нибудь ценного судне.

Дерзко приблизившись к укреплению на мысе Корсо, "Кассандра" благоразумно отступила при виде орудий Королевской африканской компании и двинулась на юг. Она следовала курсом, проложенным Васко де Гамой два с половиной века назад и при сильной волне обогнула мыс Агульяс (Игольный), самую южную точку Африки.

В это время провизия подошла к концу и настроение экипажа было не лучшим, но Ингленд не дал отдохнуть на мысе Доброй Надежды, поскольку хозяйничавшая там Голландская Ост-Индская компания расправлялась с пиратами без долгих разговоров. Наконец сообща решили следовать на Мадагаскар Мозамбикским проливом.

Сильвер часто слышал о пиратских поселениях на Мадагаскаре, где капитаны жили, как короли, окруженные рабами и наложницами. Однако то, что он увидел, не вполне отвечало услышанному; к своему большому разочарованию, Сильвер обнаружил, что предводители пиратов жили отнюдь не в мраморных дворцах с фонтанами и павлинами. Все же они смогли соорудить весьма удобное и хорошо оборудованное убежище, откуда атаковали торговые суда в Индийском океане и даже пытались счастья в Красном море или Персидском заливе.

На Мадагаскаре экипаж "Кассандры" вытянул корабль на сушу и занялся кренгованием [кренгование - очистка днища, киля и бортов судна ниже ватерлинии от наростивших моллюсков и водорослей. Судно вытягивали на отмель, обсыхающую в прилив, или на берег и клали на борт, после чего чистили]. После этого нагрузили припасов, нарубили дров и запаслись водой. Наконец, оставив за кормой безопасную гавань, попойки и проституток, капитан Ингленд взял курс на север, обогнул Сейшельские острова и двинулся к Индии. Добравшись до Лаккадивских островов, пираты бросили якорь у оконечности красивого островка близ Малабарского берега в двухстах милях от Калькутты. Главари шайки собрались на совет, чтобы обсудить дальнейшие действия. Они единодушно решили направиться к прославленному своими пряностями Калькутту, чтобы посмотреть, какая добыча или какие опасности их там ждут.

15. "ВИЦЕ-КОРОЛЬ ИНДИИ"

Открытый с моря древний порт Калькутта, известный всему цивилизованному миру обилием и дешевизной пряностей, сиял на ярком солнце. "Кассандра" медленно приближалась к берегу, и экипаж начал различать прекрасные купола и минареты, а также внушительные очертания больших складов возле пирсов. Стаи птиц летали прямо над головами, птицы кричали, дрались, садились на мачты, и яркое их оперение привлекало взоры моряков.

А на рейде поднимали и спускали якоря многочисленные суда: бриги и галеры, баркасы, шхуны и местные одномачтовые скорлупки, постоянно сновавшие вдоль Малабарского берега.

Капитан Ингленд глядел в подзорную трубу, а Билли Бонс и Гомеш да Коста, квартирмейстер, стояли с ним. Сильвер забрался на ванты, чтобы передавать команды Инглэнда вантовым матросам и палубной команде. На орудийной палубе старший канонир Ван дер Вельде обстоятельно готовился со своими людьми к бою. Орудия изготовились к стрельбе, и тлеющие фитили в любой момент могли подпалить порох.

Ингленд резко сложил трубу и с довольным выражением лица похлопал Билли Бонса по плечу.

- Мистер Бонс, - сказал он, - буду весьма признателен, если вы взглянете на два румба вправо и расскажете джентльменам, что там выглядывает из-за этого небольшого голландского судна.

Бонс протер глаза и приник к подзорной трубе.

- Силы небесные! - сказал он наконец, и от возбуждения голос его прозвучал громче обычного. - Вот это, парни, удача так удача! Флотилия арабских судов покидает порт. Разрази меня гром, если это не паломники.

- Паломники! - отозвался хриплым голосом да Коста. - Значит, паломники идти Мекка. Я видеть они раньше, близко остров Дау. Идти Красное море, ходить поклоняться святой место, родина пророк Магомет. Много богатые.

- Богатые! - крикнул капитан Ингленд. - Да они битком набиты дарами для святых мест в Мекке! А сверх того им нужно немало денег платить за еду и ночлег в пути. Парни, - заорал он экипажу, - у нас удача! Еще несколько часов, и старушка "Кассандра" пойдет на дно под грузом золота и драгоценностей!

Когда новость разнеслась среди пиратов, с палубы донесся радостный гомон; скоро известие добралось и до артиллеристов.

- Эй, рулевой, - спокойно приказал капитан Ингленд квартерону у штурвала. - Доставь меня к этим арабским судам, и тогда сможешь втыкать булавки с бриллиантами в нос и цеплять золотые кольца в уши.

Пока "Кассандра" нагоняла суда с паломниками, Сильвер внимательно следил за ними в подзорную трубу. Действительно, флотилия представляла собой странную картину: несколько каравелл, один трехмачтовый бриг, одна шхуна и четыре дау. Маловероятно, чтобы они прошли столь долгий путь вместе, чтобы никто не отстал, - слишком разные скорости. Но что там такое видно, точно за кормой последней дау, едва поспевающей за другими судами. Наверное, капитан Ингленд заметил это. Может быть, он ошибся? Нет, просто суда с паломниками, должно быть, скрывали его до сих пор от взглядов, стоявших на юте.

Когда опасения Сильвера подтвердились, он крикнул:

- Капитан Ингленд, в кильватере флотилии вооруженная бригантина под британским флагом, тысяча чертей!

- Разумеется, - вспомнил он внезапно, - я сам часто слышал о договоре Ост-Индской компании с Великим Моголом: в обмен на известные торговые привилегии "Джон компани" обязана защищать мусульманских паломников на пути в Аравию. Охранять надо не только от индийских морских разбойников, но и от европейских пиратов, из которых наибольший ужас мореплавателям внушают прославленные пираты Англии.

Теперь капитан Ингленд дал Сильверу знак медленно спуститься к нему на ют. Другие главари уже собрались там: Ван дер Вельде вылез из люка вместе с Джобом Андерсоном, а Том Морган и Черный Пес шли с носа.

- Джентльмены, - сказал капитан Ингленд, - мистер Сильвер прав, нам предстоит работа не с обычным клиентом. Возможно, у этой бригантины больше орудий, чем у нас, и они безбоязненно ищут ссоры. - Он глубоко залез пальцами в табакерку. - Ну, что скажете, не повернуть ли нам назад?

- Да кому они страшны, сэр, - сказал Ван дер Вельде, - парни наизготовке. Да мы их по бортам размажем! - и с силой взмахнул своим кулаком размером с пушечное ядро.

- Мой приятель, эта пустая голландская тыква, прав, капитан, - весело сказал Сильвер. - Уверен, эти олухи из индийской компании дрыхнут под палубами, пьяные и обожравшиеся. Мы поднимем британский флаг, подойдем к ним на полвыстрела и изрешетим борт одним залпом. Проще, чем приготовить омлет. Верьте мне, сэр, так и будет.

И они решили атаковать. "Кассандра" подплывала к флотилии паломников с видом благонаправной девицы, вышедшей на воскресную прогулку. На флагштоке реял британский флаг, и неопытному взгляду корабль казался совсем безобидным. Но пираты Ингланда приготовились к бою: опорожнили розданные им чарки и держали оружие под рукой.

Через полтора часа "Кассандра" приблизилась к бригантине на расстояние достаточное, чтобы можно было переключиться.

- Эй, откуда идете? - крикнули оттуда.

Капитан Ингленд сложил ладони у рта рупором и заорал в ответ, не моргнув глазом:

- "Кассандра" из Мадраса с грузом шелка. Вышли из Бомбея и следуем домой в Лондон. А вы кто?

- Вооруженное судно индийской компании "Меркурий". Следуем в Сурат захватить еще богомольцев, а потом на Аденский залив, - ответили с бригантин.

- Попутного вам ветра для такого доброго дела, - крикнул Ингленд. - Бог, да хранит нас всех от пиратов!

Сильвер с восхищением смотрел на сближение двух судов. "Кассандра" шла уже вровень с "Меркурием", и он видел, как кто-то из экипажа приветственно махал им с вантов.

Внезапно Ингленд дважды сильно просвистел в дудку, и при этом сигнале орудия правого борта "Кассандры" дали нестройный залп. Нестройный или нет, но корабль от него затрясся, а люди под палубой, издав победный клич, принялись готовить орудия ко второму залпу. Пушечный дым обвил Сильвера и скрыл от него бригантину индийской компании. Чуть погода дым разределся.

- Боже мой, да мы им бизань свалили! - в восторге заорал Бонс. Бизань "Меркурия" смешно провисла над левым бортом, и квадратный топсель сидел глубоко в воде. Пока Сильвер пытался рассмотреть, что происходит, бригантина отвернула и показала "Кассандре" корму. Стало ясно, что она потеряла управление, - хотя бы на несколько часов, пока экипаж не срубит переломанную мачту и не освободится от изувеченного такелажа.

Еще два, нет - еще три выстрела донесли с орудийной палубы "Кассандры". Очевидно, Ван дер Вельде обнаружил, что корма "Меркурия" была еще в пределах попадания его орудий. Одно ядро упало в море за бригантиной. Куда ударило второе ядро, Сильвер заметить не успел. Но третье - то ли по счастливой случайности, то ли благодаря хорошему прицелу - ударило в борт близ кормы, правда, выше ватерлинии.

Сильвер бросил взгляд на капитана Ингланда, нюхавшего табак все время, пока длилась схватка. Оглушительно чихнув одновременно с победным кличем экипажа, он наконец прочистил себе нос.

- Молодцы, ребята! Дело сделано! - крикнул Ингленд. - Дьявол меня раздери, если мы им и корму не сокрушили. Они нам уже не опасны. А теперь пощиплем богомольцев. Они теперь в наших руках. Вперед!

"Кассандра" подняла все паруса и быстро настигла суда с паломниками. Одно за другим они сдались, кроткие, аки агнцы. Сильвер и Бонс спустились в большую шлюпку вместе с десятком моряков, чтобы спокойно забрать добычу. Паломники в ужасе отхлынули от пиратов, разбивавших сундуки и распарывавших тюки, чтобы проверить содержимое. После этого богомольцы были обобраны до нитки, причем малейшие попытки сопротивления немедленно подавлялись побоями и руганью.

Через несколько часов палуба "Кассандры" была усыпана добычей - серебряными монетами, драгоценными священными сосудами, шелком, коврами, пищей, водой, - словом, всем, что было сочтено полезным или понравилось кому-либо.

Сильвер доставил на борт и капитана трехмачтового судна, мусульманина, немного понимавшего по-английски. Вначале он отказался дать сведения о судах на побережье, но Бонс и Сильвер принудили его отвечать. Билли обнажил саблю и поклялся, что отрежет пленнику пальцы на ногах

по одному, если тот не даст полезных и точных сведений. Капитан Ингленд при этих словах отвернулся, преисполненный чувства отвращения. Джон Сильвер, наоборот, держался любезно и благодушно - потрепал дрожащего капитана по спине и предложил ему рома и копченой свинины, которые правоверный мусульманин с омерзением отверг. Наконец он сдался и с невероятным акцентом рассказал все, что знал. Между прочим, услышали от него и одно важное известие. Отвращение Ингленда к замашкам Билли Бонса вмиг улетучилось, и он радостно хлопнул себя по колену.

- Парни, - сказал он офицерам, - вот это всем удачам удача! За триста миль отсюда находится Гоа - португальская колония - очень оживленный порт. Этот араб рассказал про "Вице-короля Индии". Так вот, никакой это не португальский губернатор, а корабль под таким именем, который вскоре пойдет из Гоа на Софалу или Мозамбик, а затем вокруг мыса Доброй Надежды на Лиссабон. Как я понял, там нас ждет богатая пожива.

Квартирмейстер Гомеш да Коста в возбуждении прервал его, с трудом выговаривая плохо знакомые ему английские слова:

- Я знаком с этот корабль, - сказал он. - Зовется "Вице-король Индии", носит деньги и разное из Гоа на другой колония Португалия в Индия.

- Судно с казной! Боже мой, вот это да! - ахнул Сильвер. - Да он набит пиастрами и дублонами до клотика. Если догоним, то все мы полопаемся от золота.

Да Коста отозвался на ломаном английском:

- Нелегко, - сказал он. - Это большой галеон, два орудийный палуба. Может быть, шесть десятков орудия. Мы не разбить его. Он нас разбить точно.

- Эх, Гомеш, - резко сказал Бонс, - не такие мы дураки, чтобы идти на убой. Поднимем португальский флаг, подойдем поближе, ты им наплетешь, что надо, на вашем проклятом языке, заставишь взять себя на борт... А, хоть убей, не знаю, что еще придумать!

- Это детали, мистер Бонс, обычные детали, - промолвил капитан Ингленд. - Ничего сложного. Нет, джентльмены, мы измыслим дьявольскую хитрость, не сомневаюсь в этом. А между тем спросим людей, как они думают, и если они согласятся с нами, на всех парусах идем к Гоа. Согласны?

Главари немедленно согласились, точно так же и остальные моряки, когда предложением было им объявлено.

"Кассандра" отправилась на север по спокойному морю, а квартирмейстер принялся делить добычу. Сильверу тогда досталось несколько дорогих шелковых, расшитых золотом платков, небольшой мешочек пиастров и разные мелкие украшения. Еще он взял ярко-зеленого попугая в клетке, отнятого у какой-то несчастной женщины с дау. Человечность в характере Сильвера проявлялась в его отношении к попугаю: он кормил птицу кусочками сахара и вкусной едой, разговаривал с ней, как с человеком. Попугай произносил скрипучим голосом одно-два изречения из корана, но Сильвер вскоре добавил к его лексикону несколько крепких ругательств. Конечно же, это был тот самый попугай Капитан Флинт, ходивший с нами на "Эспаньоле", хотя имя это он получил позже. В то время Сильвер звал его просто Магометом.

Но пиастры, о которых птица кричала позже так часто, покоились еще на борту "Вице-короля Индии" где-то к северу от "Кассандры". Как наложить на них руку? Сильвер ломал голову над этой задачей, как, впрочем и остальные главари шайки. Наконец его осенило и, хорошенько обдумав детали, он посвятил в свои замыслы капитана Ингленда, да Косту, Бонса и других офицеров. Вначале Ингленд считал его план безнадёжной авантюрой, но Джон так убедительно защищал свои идеи, что, исключительно благодаря его красноречию, через день все согласилось с ним.

"Кассандра" приблизилась к порту Гоа. Как найти вождельного "Вице-короля Индии"? Может быть, он уже бороздил волны где-то далеко в Индийском океане. Бонс снова принялся размахивать саблей перед несчастным мусульманином-капитаном, которого держали на "Кассандре", как переводчика в случае нужды. Измученный человек, широко раскрывая испуганные глаза, говорил все, что знал. Из его слов получалось вполне возможным, что "Вице-король Индии" еще оставался в Гоа и "Кассандра" успевала застать его там.

Так и вышло, хотя пираты чуть было не опоздали. Когда "Кассандра" бросила якорь близ Гоа, не было ни малейшей возможности установить, пришли они вовремя или нет. На всякий случай приготовились: над палубой развевался португальский флаг - красный с зеленым, а на корме закрепили затейливо разукрашенную доску с гордым именем "Магеллан".

Два дня различные суда входили в порт и покидали его. "Вице-король Индии" появился на фоне шумного и оживленного города сразу после полудня на третий день пребывания "Кассандры" в засаде. Капитан Ингленд незаметно поднял якоря и приказал догонять противника.

Португальский галеон открыл люки орудийной палубы и, подняв все паруса, быстро пошел, рассекая носом слабые волны.

- Все пропало, он слишком далеко, - тихо сказал капитан Ингленд. - Нет смысла даже пытаться его преследовать.

- Оставьте эти причитания, капитан, - сказал Сильвер. - У нас ход получше, догоним его, перейдем к ним на борт вдвоем с Гомешем - вот он уже стоит разодетый, как пауч, - и никакого боя не будет.

Да Коста стоял в неуклюжей позе на юте. Одет он был в тяжелый пурпурный камзол, там и сям утыканный орденами, перепоясанный красной лентой через плечо, толстые его ноги были обтянуты белыми шелковыми панталонами и бумажными чулками, а огромные ступни были буквально вбиты в тесные черные туфли, мучившие его на манер испанских сапог, как он сам потом признавался. Длинная темная накидка укрывала этот изысканный костюм от взоров наблюдателей с португальского галеона. Сильвер, облаченный в зеленые панталоны и кремовый с золотым шитьем камзол с пышными кружевами по краю воротника, стоял рядом. Волосы его были зачесаны назад, как это принято среди благородных господ, и был он вооружен пистолетом и саблей.

Галеон приближался с каждой минутой; "Кассандра" направила ему наперерез. Наконец сблизилась до дистанции, на которой можно было свободно переговариваться. Сильвер подтолкнул да Коста, который крикнул по-португальски:

- Приветствую, куда путь держите?

- На Даман, - отвечали с борта галеона, - а потом на Диу и в наши фактории в Персидском заливе.

- Слава богу, - крикнул да Коста, - "Магеллан" идет в Макао, на китайский берег. У нас на борту губернатор Макао и его секретарь, им требуется побывать в Диу, и как можно скорее.

- Ничего об этом не знаем, - ответили с "Вице-короля". - Таких приказов у нас нет.

- Возможно, возможно. По слухам, каравелла с распоряжениями генерал-губернатора была потоплена голландцами под Малаккой.

- Ничего подобного мы не слышали. Вроде бы с Голландией мы не воюем.

- Хватит болтать! - взревел да Коста. - Губернатор расскажет все сам. Немедленно примите шлюпку!

- Хорошо, только не забудьте, что у нас на борту двести пятьдесят молодцов, все вооружены и начеку.

Шлюпку с "Кассандры" спустили на воду. Да Коста, скинув в каюте плащ и надев треуголку, всю изукрашенную золотым шитьем, с важным видом уселся на корме, а Сильвер расположился рядом. Шестеро специально отобранных мулатов и квартеронов принялись грести и шлюпка подошла к португальскому галеону.

Да Коста поднялся на борт, Сильвер забрался за ним, сопровождаемый одним из гребцов, бывшим бразильским рабом, свободно говорившим по-португальски.

Вступив на палубу, да Коста увидел судового офицера, за спиной которого выстроились двумя рядами солдаты в синих мундирах.

- Счастлив приветствовать ваше превосходительство на борту "Вице-короля Индии", - тон его был сердечен, но как показалось Сильверу, несколько сдержан.

- Где я могу показать свои полномочия вашему капитану? - почти небрежно спросил да Коста.

Их проводили в пышно разукрашенную каюту с позолоченным орнаментом, персидскими коврами и гобеленами по стенам и тяжелыми балками на потолке.

Стройный молодежавый человек, лет около сорока, стоял посередине. Он был в хорошо сшитом мундире и напудренном парике. Офицер, сопровождавший да Косту до каюты, застыл при входе.

- Мое почтение, ваше превосходительство, - сказал капитан. - Могу ли я ознакомиться с доказательствами того, что ваша миссия именно такова, как нам сказали?

- Конечно, капитан, - ответил да Коста. - Мой секретарь, Фернанду Диаш, имеет при себе все документы. - Он дал знак Сильверу приблизиться к столу, за который сел португальский капитан.

Сильвер наклонился, как бы желая расчистить на столе место для документов, и вдруг совсем неожиданно схватил капитана левой рукой за горло, приставив дуло пистолета к его виску. Сзади послышался приглушенный болезненный вскрик офицера, встретившего их на борту, - бразильский негр повалил его одним сильным ударом. Глаза капитана вылезли из орбит, когда огромная рука Джона вцепилась ему в горло; парик смешно съехал на правый глаз.

- Гомеш, - сказал Джон, - поясни этому индюку, что, если он не сделает, как ему велят, я разобью ему голову и размажу мозги по этому чудному гобелену.

Капитан издал слабый стон в знак согласия, когда да Коста перевел этот утонченный приказ.

- Ладно, - сказал Джон, - вот что надо сделать, сеньор капитан. Сначала позови первого помощника и веди ему загрузить сундуки с деньгами на нашу шлюпку. Если эта все не возьмет, с нашего корабля подойдут еще шлюпки. А пока мы будем брать то, что нам нужно, ты, сеньор, пойдешь с нами на "Кассандру" и, если что-нибудь будет не так, оскалишься в петле или, если будет на то божья воля, покормишь собою акул. Но если все пройдет как следует, кто знает, может быть мы выделим тебе долю при дележке золота. - Португальский капитан, слушая это, отчаянно всплескивал руками. - И если, - неумолимо продолжал Сильвер, - наша напудренная обезьяна ничего не соображает из-за того, что его держат за горло, поясни, что он должен говорить. Пусть объяснит офицерам, что другой корабль, наш корабль, из-за того, что поменьше и ход у него получше, получил приказ доставить деньги по назначению, а "Вице-король Индии" отправится к Ормузу в устье Персидского залива, чтобы расправиться с тамошними пиратами.

Когда капитану перевели эти слова, он слегка успокоился и был почти благодарен. Сильвер отпустил его и сел рядом, незаметно ткнув заряженный пистолет ему в бок.

Да Коста и бразилец вдвоем подняли потерявшего сознание офицера и положили его за пышную красную занавесь, а затем капитан приказал позвать первого помощника. Пока ждали его прихода, холодный пот лился по лбу внешне спокойного Сильвера, представлявшего себе, что стало бы в случае провала. Малейшая ошибка, и он с двумя своими товарищами попадают в руки португальского правосудия, которое, как всем известно, работает совсем не в белых перчатках.

Но сейчас опасения его не оправдались. Первый помощник, важный краснолицый пожилой португалец, выслушал своего капитана, время от времени поднимая брови от изумления, а потом пошел выполнять данный ему приказ.

Пираты едва поверили своим глазам, когда большая шлюпка "Кассандры" и две лодки поменьше направились прямым курсом от одного судна к другому, перевоза сундуки и небольшие ларцы, доверху набитые золотыми и серебряными монетами. Сильвер был достаточно сообразителен, чтобы оставить пятую часть денег на "Вице-короле Индии", в знак доброй воли, по его словам.

Когда большая шлюпка подошла к борту "Кассандры" в последний раз с да Костой, Сильвером и португальским капитаном на ней, капитан Ингленд торжествующе перегнулся через борт, а пираты возле него размахивали руками и кричали "Ура!".

Через несколько минут "Кассандра" тронулась и стала отдаляться от все еще ничего не подозревающей обманутой жертвы, согласно этикету приспустив и вновь подняв свой фальшивый флаг, что означало пожелание счастливого плавания.

Менее чем через час благодаря попутному ветру "Кассандра" была далеко, и расстояние между нею и "Вице-королем Индии" непрерывно увеличивалось.

Бонс оторвал взгляд от мешков с деньгами, сваленных на полу каюты капитана Ингланда, и грубо расхохотался.

- Здесь лежит золота и серебра на сто двадцать тысяч фунтов стерлингов, - сказал он. - А если прибавить добычу с судов богомольцев и с тех кораблей, что мы обобрали у западного берега Африки, то, похоже, имеем на борту сто сорок тысяч фунтов. Правильно выходит, Гомеш?

- Да, так. Так выходит и мой расчет, - ответил Гомеш, усмехаясь, что было редким для него, и во рту его блеснули золотые зубы.

Джон Сильвер быстро прикинул свою долю. Как один из главарей, он имел право на часть добычи, в полтора раза большую, чем у обыкновенного моряка. В целом это составляло примерно три тысячи фунтов. Он поразился величине своей доли. Это же невиданные деньжищи, их хватит, чтобы осесть где-нибудь, зажечь богато и даже купить себе место в парламенте, если будет на то желание.

- Джентльмены, - сказал капитан Ингленд своим изысканным тоном, к которому нередко прибегал, - нам досталась более-менее хорошая добыча. Но можно получить и побольше. Предлагаю отправиться на северо-запад и взыскать пошлину с судов, идущих через Аденский залив.

Сильвер тревожно зашевелился.

- Да не надо нам больше добычи, - сказал он. - Черт с ними, с деньгами, их у всех нас достаточно. Предлагаю не рисковать, а спокойно вернуться. По дороге, может быть, осмотрим одно-два судна. А если и нет, то матросские сундуки все равно доверху набиты золотом.

- Согласен с Джоном, - быстро сказал Бонс. - Вернемся в Карибское море и прогуляем эти деньги. Поставим новые орудия на старушку "Кассандру", а может быть, и немного отдохнем.

- Нет, - с силой сказал Ингленд, - ошибаетесь. Не видите дальше собственного носа! Мы, может быть, отыщем вдвое большую добычу, если будете слушать меня. Кстати, Ван дер Вельде думает так же.

- Хорошо, пускай ребята решат сами, капитан, - дипломатично сказал Сильвер. - Так положено по обычаям, если не ошибаюсь.

Собрание, следовавшее за этим разговором, было бурным, но все же достаточно серьезным, а представленные обеими сторонами доводы были вполне убедительны. В конце концов, только шестеро поддержали Ингланда, в их числе старший канонир Ван дер Вельде. Стало ясно, что власть уплыла из рук Ингланда, и не оставалось другого выхода, как сместить его немедленно. Сильвер и Бонс пошли передать низложенному капитану решение сходки. Бонс заговорил первым, и американский его акцент звучал сильнее обычного, возможно потому, что он сознавал важность своей миссии.

- Команда стоит за твоё смещение, капитан Ингленд. Новым капитаном выбрали меня. Так что, уж будь так добр, повинуйся решению сходки.

Ингленд равнодушно пожал плечами, но длинные его пальцы не переставали нервно барабанить по серебряной табакерке.

Сильвер заговорил следом:

- Не такие уж мы плохие люди, капитан, - сказал он. - И никто из нас не хочет крови. Скажем, это будет наша "Славная бескровная революция", как в восемьдесят восьмом, когда голландец Вильгельм свалил эту папскую свинью короля Якова.

- Ну, и что думаете делать? - спросил Ингленд устало.

- Пойдем на Мадагаскар, - ответил Бонс, - но перед этим высадим тебя с дружками на остров Маврикий. Если это тебя не устраивает, выбирай между протягиванием под килем и путешествием по доске.

- Мы оставим тебе провиант и оружие, - прервал его Сильвер. - И пусть возьмет меня дьявол, если парни откажутся дать тебе Святое писание, что в этих краях просто щедро. Там ты будешь в полной безопасности, чего не ждет никто из нас на долгом пути к Нью-Провиденсу.

- Выходит, мне предлагают выгодную сделку, - иронично ответил Ингленд.

- Пусть будет так.

- Джон забыл сказать еще кое-что, - промолвил Бонс, - мы запрем тебя, твоего канонира-голландца и нескольких гадов, что тебя поддержали, в твою каюту до самого Маврикия для вашей же собственной безопасности. Никому ведь не хочется лежать с перерезанным горлом, не так ли?

Так сместили капитана Ингланда, но без всякого насилия, к которому другие пираты часто прибегали в подобных случаях. Через две недели Ингланда с товарищами высадили на остров в семистах милях от Мадагаскара. Смещение Ингланда совершилось достаточно учтиво, и обе стороны вели себя сдержанно; только старший канонир Ван дер Вельде, голландец, бешено размахивал кулаком и так громко ругался, словно хотел оглушить самого господина и ангелов его.

"Французские суда, идущие в Индию, заходят на Маврикий, чтобы запастись пресной водой, - думал Сильвер, - и кто-нибудь из них возьмет капитана Ингланда". Поэтому он был удивлен, когда несколько лет спустя узнал, что оставленные на острове Ингленд и его товарищи сколотили из досок шлюпку и сумели достичь Мадагаскара. Здесь они жили подаванием своих собратьев пиратов, ничего не имевших против них.

Естественно, "Кассандра" добралась до Мадагаскара много быстрее капитана Ингланда. Тут экипаж загрузил новые припасы и некоторое время жил по-царски. Все пираты на острове от души завидовали им и делали все, чтобы освободить своих товарищей от отягощавших их золота и серебра.

Некоторые пираты умудрялись проиграть все состояние в один прием, другие осыпали деньгами вплоть до последнего фартинга женщин и трактирщиков, усердно подливавших богатым клиентам самое крепкое пойло, способное уложить слона, а по меньшей мере троих убили и ограбили.

На Мадагаскаре Сильвер получил хороший урок, потому что через месяц у него осталось тысяча двести фунтов. Невозможно представить себе, что человек с его рассудительностью мог вести себя, как заядлый игрок. Да, Сильвер готов был рисковать жизнью, но сначала внимательно оценивал возможность успеха; игра же в карты или в кости давала решительно меньше шансов на удачу. Все же, несмотря на это, он играл отчаянно, словно отдаваясь какой-то страсти, но как только дурман рассеялся, Джон бросил игру и надежно упрятал кошельки.

Наконец "Кассандра" покинула Мадагаскар, изрядно облегчившись от прежних богатств, но загрузившись припасами и ходовыми товарами, вроде кораллов и амбры. Кроме того, она до клотика была набита людьми, потому что пираты Мадагаскара обгоняли друг друга с просьбой принять их на корабль такой удачливой судьбы и таких доходов. Из среды новичков избрали нового старшего канонира по имени Израэль Хендс, который заменил оставшегося на острове голландца. Хендс был широкоплеч, с синими пятнами по подбородку и огромными ушами; был он тугодум, но терпелив и имел отличный глазомер, так что каждый его выстрел попадал в цель.

После того, как Бонс стал капитаном вместо Ингленда, да Коста занял место первого помощника, а Джону Сильверу достался пост квартирмейстера, хорошо подходивший к его многосторонней натуре.

Семью месяцами позднее "Кассандра" вернулась в Нью-Провиденс, встреченная диким восторгом. Сильвер и Аннет снова встретились, и, к его радости и удивлению, она подала ему двухлетнего сына.

Джон долго, ласково и внимательно смотрел на своего наследника.

- Никак не похож на меня, дорогая Аннет, - заключил он.

- Глупости, - сказала Аннет, - русский, как ты, Джонни, и своенравный тоже, как ты. Так или иначе, мне лучше знать, чей это сын.

Сильвер с удивлением заметил, что за время его отсутствия Аннет стала самостоятельной. Наверное, появление ребенка придало новый смысл ее жизни.

Постепенно привыкая к мысли, что теперь он отец и глава семьи, Сильвер понял всю разумность настоящих Аннет перебраться в более приличное место, чем Нью-Провиденс. Сейчас это не представляло особых трудностей, так как у него было более тысячи фунтов.

- Не сомневаюсь, - говорила Аннет, - что через месяц-другой ты опять исчезнешь. А как мне быть тут с сыном? Не оставаться же здесь навсегда? Здесь спокойно живут только дурные женщины, да и в любой момент поселение могут уничтожить.

Сильвер мог в один миг заставить человека похолодеть от ужаса и свалить быка ударом кулака, но доводы жены крепко засели у него в голове. Во всяком случае, не прошло много времени, как Джон решил, что пусть лучше Аннет заботится о хозяйстве и распоряжается его деньгами в спокойном месте, чем гниет и мучается в Нью-Провиденсе. Они отплыли на Ямайку на борту шхуны, занимавшейся более-менее законной торговлей между этими островами. Тут Джон устроил Аннет и маленького Джона в Монтегю-Бей, где купил маленький трактир под названием "Порто-Белло" и внес девятьсот фунтов в Королевский банк Ямайки.

В продолжение почти трех лет Джон жил в Монтегю-Бей; дымил трубкой и отдавал должное отменным блюдам, на которые оказалась такой мастерицей его жена. Здесь у него родился еще один сын, которого окрестили Филиппом - по имени покойного отца Аннет.

Но эта жизнь его не удовлетворяла. Принялся он водить компанию с моряками по разным кабакам города, слушал истории об утраченных и найденных сокровищах, о несчастных их владельцах, познакомившись с виселицей. Одним словом, не было ничего удивительного в том, что Сильвер вернулся к пиратству. Всего только шаг отделяет человека, имеющего душу пирата, от того, чтобы переменить мирную и добропорядочную жизнь на грабежи и злодеяния.

Однажды вечером, спокойно сидя в своем трактире и наслаждаясь непристойными разговорами пьяных моряков, Джон почувствовал, как медвежья лапа схватила его за плечо и насмешливый голос сказал из-за спины:

- Да ведь это же наш Долговязый Джон, правда растолстевший с тех пор, как ходил на старом "Ястребе".

Сильвер вскочил на ноги.

- Пью! - вскричал он. - Гейб Пью, боже мой, живой!

- Он самый, - ответил Пью, оглядев его острым взглядом, - и ничего со мной не стало с тех пор, как я смылся из тюрьмы в Бриджтауне, сам знаешь когда.

- Слышал, слышал, Гейб, как тебе удалось улизнуть из тюрьмы, - сказал Сильвер.

- Эх, - махнул рукой Пью, - для меня никогда не было проблемой пустить кровь какому-нибудь мерзавцу. Но это другой вопрос. Он подсел к Сильверу и дружелюбно сказал ему: - Я в порядке, Джон, а как ты? Слышал, ты снялся с якоря в Нью-Провиденс вскоре после того, как вдвоем с Билли Бонсом вернулись из Ост-Индии три-четыре года назад.

Сильвер сразу ответил, как будто спешил высказать какие-то мысли:

- И никогда в жизни не поступал умнее, ни до того, ни после. Не прошло и шести месяцев после нашего отъезда, как все это селение спорело, как соломенное чучело в день Гая Фокса [день Гая Фокса - 5 ноября, годовщина заговора во главе с Гаем Фоксом, целью которого было взорвать парламент; в память его раскрытия в Англии ежегодно 5 ноября проводятся шествия, на которых сжигают чучело Гая Фокса].

- Слышал я и об этом, Джон. Действительно, страшная история.

- Королевский флот сделал это, Гейб. Мне говорили, неожиданно появилась целая эскадра. Потопили старушку "Кассандру" - она стояла на якоре в заливе, и на борту никого не было. Потом сожгли все дома и строения на берегу. Кто из братьев не был убит или схвачен десантом, бежали и укрылись в джунглях. Был среди них и Билли Бонс, хотя, накажи меня бог, не знаю, что с ним сейчас.

- Слушай, Джон, выходит, я знаю побольше тебя. Расскажу тебе, может позеленеешь от зависти. Эскадра покинула Нью-Провиденс через три недели. Думали, навсегда разорили осиное гнездо. И что, ты думаешь, было потом? Появился под парусами, полными ветра, не кто иной, как наш приятель Флинт с трюмами, набитыми добычей. В это время Билли и другие уже истомились в лесу - все в лохмотьях и полумертвые от голода. И бегут к Флинту, как попрошайки к богатому благодетелю.

- Флинт мне не особенно близкий приятель, - сказал Сильвер.

- Да, верно, он жесток, - ответил Пью, - но ведь и мастера учуять добычу лучше Флинта не найдешь. Ну, как бы там ни было, а он сходит на берег, зовет Билли Бонса, Израэля Хендса, Андерсона и многих из тех, кто был на "Кассандре": "Парни, я возьму вас с собой, не горюйте." И не обманул. Я попал туда четыре месяца спустя, когда "Морж" бросил якорь в Сент-Китсе. Вот тогда-то и вернулись старые добрые времена, хотя с тех пор мне пару раз и казалось, что петля затягивается на моей шее.

- Это все присказки, Гейб, - холодно сказал Сильвер. - Про эти дела я кое-что слышал. Итак, я знаю, что Билли и другие у Флинта. Что же мне с этого?

- А вот то, Джон, - молвил Пью, - что корабль Флинта "Морж" стоит на якоре в заливе, а сам Флинт наверняка где-то тут, мертвецки пьяный. Нам очень нужен квартирмейстер, тот, что был у нас, недавно сказал что-то Флинту и был назавтра найден в трюме с распоротым брюхом. А еще нам нужна крепкая рука вроде твоей, потому что Флинт чересчур много пьет, а бедняга Билли покатылся по той же дорожке. Я на "Морже" боцман и поддержку тебя. Айда с нами, Джон, славные деньки нас ждут!

Секунду Сильвер колебался, взвешивая доводы за и против. Он понимал, что Флинт не любит его, и все же решил идти. Дома хладнокровно выдержал в течение часа бешеный гнев Аннет, потом достал пару пистолетов, положил туго набитый кошелек в наскоро собранный моряцкий сундучок. Вскоре после этого он, Пью и еще несколько моряков гребли в шлюпке, направляясь к "Моржу", который, незримый во мраке, стоял на якорах в заливе.

17. ВМЕСТЕ С ФЛИНТОМ

"Морж" действительно оказался превосходным кораблем. Сильвер увидел это сразу, едва ступив на борт. Когда рассвело, его мнение подтвердилось. Все лишние надстройки были срублены, и он мог обогнать любое судно в Карибском море, кроме самых быстроходных.

"Морж", прежде чем им завладел Флинт, был испанским фрегатом, патрулировавшим Флоридский пролив к северу от Гаваны. Пиратам он достался, когда половина экипажа валялась в лихорадке под палубами. Развесив остальные по реям, Флинт решил конфисковать корабль, для чего дезинфицировал его окуриванием и приказал протереть палубу спиртом. "Морж" нес на себе тридцать восемь орудий и сто шестьдесят душ экипажа.

Вскоре после того, как Сильвер поднялся на борт, туда втащили мертвецки пьяного Флинта. Лицо его ужасало - все в серо-синих пятнах. С ним был Билли Бонс, чье обгоревшее на солнце лицо лоснилось от пота. Он тоже был пьян до бесчувствия, но все же узнал Сильвера, приятельски стиснул ему руку, хотя сам едва держался на ногах, а затем, шатаясь отправился в каюту, чтобы лечь и протрезветь.

Назавтра к обеду Флинт отошел достаточно, чтобы суметь пьяным ревом потребовать от Дарби Макгроу, немного его слуги, принести еще рому. Бедняга не понял желания своего господина, за что получил увесистую затрещину. Шатаясь, как терновник на ветру, полуодетый Флинт выбрался из каюты, неодобрительно сощурил глаза при виде Сильвера и назвал его дураком, потому что тот записался в экипаж капитана Ингланда, когда "Кассандра" отплывала в Индию. Но Бонс и Пью защитили его, напомнив Флинту, как отлично проявил себя Сильвер в том плавании.

Так, хоть и неохотно, Флинт согласился принять Сильвера на корабль квартирмейстером. Несомненно, Джон облегчил капитану решение, положив ему на колени горсть пиастров в качестве пая в предприятии и в знак уважения, как он сам сказал. Согласие команды было получено без спора - Сильвера знали многие.

Люди Флинта действительно были страшными негодяями. Сам капитан мог убить кого угодно не моргнув глазом; богатую поживу он чуял в трезвом виде издалека. Билли Бонс с тех пор, как Флинт спас его в развалинах Нью-Провиденса, стал еще безжалостнее - на корабле он был первым помощником и навигатором и мог зарубить человека с такой же легкостью, как поздороваться с ним. Жестокость Пью расцвела при Флинте отвратительным кровавым цветком, Израэль Хендс, Джоб Андерсон, Черный Пес, Том Морган и другие сплотились в грозную шайку подлецов и убийц, готовых на все ради кровавых денег. Особняком стояли лишь некоторые - так, в экипаже был изысканный джентльмен, американский хирург, сбежавший из Гарварда и на первый взгляд деликатный, как дама. С легким сожалением Сильвер заметил среди моряков Джорджа Мерри и О'Брайена - таких же негодяев, как и остальные, но вносивших во всю шайку раздор своими вечными ссорами и дразнгами. Выделялся из всей компании также один робкий, неуверенный в себе и на вид добродушный бывший батрак из Девона по имени Бен Ганн.

Когда Джон Сильвер присоединился к экипажу "Моржа", ему было немногим более тридцати, но уверенный голос и внушительная осанка делали его гораздо солиднее. Ему нетрудно было командовать людьми, и хотя редко кто слышал, как он повышал голос, моряки со всех ног спешили исполнить приказы Долговязого Джона. И это продолжалось все время службы у Флинта. Может быть, тайна власти над грубыми и невоздержанными людьми заключалась в его скрытном характере. Никто никогда не знал, чего ждать от него, а потому все старались поддерживать хорошие отношения с Сильвером, в то время как периодичность буйных припадков садизма угрюмого Флинта легко можно было предвидеть, а хитрого и жестокого Пью постоянно надлежало опасаться. Джон Сильвер всегда оставался для всех загадкой, и даже сам Флинт держал его под пристальным своим надзором - быть может, сам боялся его в глубине своей черной души. Билли Бонс начал опасаться и завидовать ему во время плавания "Моржа", и, несомненно, этим объясняется его позднейшее решение похитить карту острова Кидда и скрыться от Сильвера.

Нельзя сказать, однако, чтобы эта мрачная атмосфера коварства и недоверия помешала пиратам в их кровавых делах. Джон Сильвер стал квартирмейстером "Моржа" в благоприятное время - начало войны за австрийское наследство, когда Англия воевала с Испанией и Францией повсюду, где переплетались их интересы; Карибское море, естественно, оказалось одним из этих мест, и ставка в игре была немалой - торговые суда, занятые частной торговлей или контрабандой, право доставлять рабов на плантации сахарного тростника, возможность награть вволю золота и серебра, гарантированно доходная добыча с береговых поселений.

Совершенно естественным было для Флинта воспользоваться возможностью совершать нападения, вредившие испанским интересам, как он говорил, "раздавить проклятых испанских папистов", имея при этом надежный тыл. Так, с присущей ему дерзостью, он открыто ввел "Морж" в порт Кингстон и потребовал каперскую грамоту.

Когда Флинта, за которым следовали Бонс и Сильвер, ввели в зал заседаний губернаторского дворца, наступило неловкое молчание. Губернатор, его превосходительство генерал сэр Ричард Кортней, был полный краснолицый человек и, казалось, в любой миг мог стать жертвой апоплексического удара. Он сидел за большим полированным столом и нетерпеливо барабанил пальцами по полированной его поверхности. С одной стороны от него сидел капитан первого ранга, по другую сторону усердный секретарь писал приказы ясным и четким почерком.

Губернатор заговорил первым, с усилием скрывая презрение:

- Это вас зовут мистер Флинтсток?

- Флинт, ваше превосходительство, - прошептал ему секретарь, - Флинт.

- Да, конечно, - раздраженно ответил губернатор. - И вы хотите получить каперскую грамоту, не так ли, мистер Флинтсток?

Флинт, на чьем смуглом лице появилось злобное выражение еще при входе в парк губернаторского дворца, сделал шаг вперед, брякнув саблей. Сильвер быстро откликнулся, чтобы предупредить ругательства, готовые вырваться из глотки Флинта.

- Так точно, сэр. Мы хотим служить под славным британским флагом, сэр, да так, чтобы страна гордилась нами.

- Между нами, - синие глаза губернатора вылезли из орбит, - страна больше будет гордиться, если вас троих предадут военному суду и в тот же час расстреляют. Но это к слову. Времена изменились, и из Лондона есть приказ действовать по обстоятельствам.

- Слушай, - сердито воскликнул Бонс, - мы не нищие и не за милостыней сюда пришли. У нас достаточно пороха и ядер, чтобы потопить все суда в гавани и, между прочим, выдернуть перо из чьей-то потешной шляпы.

- Мой приятель Билли хотел сказать, - хладнокровно вмешался Сильвер, на миг скосив взгляд в сторону треуголки губернатора, украшенной пышным белым пером, - в нашем лице, сэр, вы найдете отличных бойцов в помощь плану вашего превосходительства.

Губернатор внимательно и долго оглядывал Джона. Наконец спросил:

- Как вас зовут, сэр?

- Сильвер, Джон Сильвер, сэр.

- Сильвер, так? Само имя говорит, что вы краснобай [игра слов: silver - серебро, silver tojnqued - красноречивый, краснобай]. Что ж, мистер Сильвер, я скажу вам и вашим приятелям две вещи. Во-первых, предпочитаю иметь дело со стайей волков, чем с вами. Во-вторых, у меня, увы, нет выбора. Сейчас, когда испанцы и французы взяли нас за глотку, мне нужен любой корабль, который можно пустить в дело. Но слушайте внимательно: если вы и ваши разбойники допустите хоть одно нарушение приказа, вас раздавят, как тараканов, и все вздохнут спокойно.

Слова губернатора еще звучали в облицованном черным деревом зале, как Сильвер ответил:

- Благодарю вас, сэр! Возвышенные мысли у вас, ничего не скажешь.

Флинт заговорил за ним бессвязно и в то же время со скрытой угрозой в голосе:

- Ну, черт тебя подери! Даешь или нет?

- Каперскую грамоту, ваше превосходительство, - напомнил секретарь. Наступило молчание, губернатор снова принялся шумно барабанить пальцами по столу.

Сильвер заметил, что коммодор перестал писать и взглянул на каждого из троих по очереди внимательно, как бы стараясь хорошо запомнить их лица. В первый раз, войдя в эту комнату, Сильвер смутился от его пронизывающего взгляда.

К счастью, губернатор нарушил молчание, дав им знать, что прием окончен.

- Явитесь утром, часов в десять. Коммодор Мейсон объяснит вам ваши обязанности.

Солнце на улице пекло нещадно. Флинт отер пот со лба грязной зеленой тряпкой.

- Рому! - молвил он. - Мне надо чарку-другую рому, друзья, честное слово мне нужно рому!

- Эй, капитан, уж не напугало ли тебя его надутое превосходительство? - засмеялся Сильвер. - Если хочешь пить, нет ничего проще. Эй, мальчик, иди сюда.

Он дал знак продавцу воды, сновавшему среди толпы бродячих торговцев около входа в губернаторский дворец. Мальчик подбежал к ним, придерживая руками два деревянных ведра, висевших на коромысле на его плечах.

- Чудесная ключевая вода, джентльмены, всего пенни чашка.

- Пенни за чашку? - ахнул Билли Бонс. - Да это же грабеж среди бела дня! А ну, поди сюда, сопляк! Как ты говоришь, ключевая вода? По-моему, она прямо из гавани. - И он хотел схватить мальчика за ухо, но Сильвер быстро остановил его:

- Спокойно, Билли! Не забывай, мы теперь настоящие корсары, или почти настоящие. Нельзя же вести себя, как разбойники на дорогах Ямайки. На, малыш.

Он бросил под ноги мальчику монетку.

- Три чашки для меня и моих друзей, и сдачи не надо.

Мальчик улыбнулся Сильверу, сверкнув белыми зубами. Бонс и Сильвер жадно выпили воду, но Флинт, отхлебнув глоток, сплюнул на землю.

- Помои! - крикнул он злобно. - Рому, вот что мне надо, а не эти помои.

И Флинт направился в трактир возле порта, где через час-другой уже ревел "Пятнадцать человек на сундук мертвеца..." и ругательски ругал посетителей, имевших несчастье попасться ему на глаза.

Сильвер глубоко затынулся своей трубкой и многозначительно посмотрел на Билли Бонса, уже порядочно пьяного.

- Билли, - сказал он тихо, - так нельзя. Flint очень быстро упивается ромом. Да и у губернатора во дворце едва мог связать пару слов, а сейчас ревет и угрожает всему живому. Флотские офицеры не захотят иметь дело с таким человеком, как он, уж будь уверен.

Лицо Бонса помрачнело, он пытался сообразить, что ответить, и наконец промолвил:

- Ты прав, Джон, но не во всем. Как только отплывем, Flint забудет о выпивке и примется за дело, как надо. Его портит ожидание на берегу.

- Возможно, - ответил Сильвер, - но я сам его видывал мертвецки пьяным на корабле. Билли, кому-то надо быть трезвым, если случайно припечет пятки. Я-то могу удержаться, а вот как насчет тебя? Ты же, ей-богу, пустился по дорожке Flintа, наливаешься ромом выше ватерлинии и орешь, когда не грех и шептать.

- Ты мне не проповедуй, епископ Окорок! Ведь ты один сидишь здесь, не глотнув ни капли, пока мы с Flintом обмываем добрую удачу. Как тебе верить после этого, Джон Сильвер?

- Человеку можно верить по его делам, Билли. А что касается рома, то нет человека, который любил бы его больше меня, но оставь меня с ним наедине, я на него и глядеть не стану, если у меня есть дела поважнее.

- Ну, ты примерный мальчик, Джон Сильвер!

- Примерный, Билли. Ты сам сказал: "примерный". А ведь ты хорошо знаешь, что мой нос чует золото и добычу на десять ярдов под землей. Я хватаю всякий кусок, но хочу в это время быть достаточно трезвым, чтобы спокойно улизнуть в суматохе.

Они умолкли. В это время Flint выхватил саблю из ножен, подбросил в воздух лимон и сильным ударом разрубил его надвое.

Сильвер кивнул Бонсу. Билли подошел к Flintу и схватил его за правую руку, всю залитую лимонным соком, а Джон подскочил слева. Несмотря на ругань и сопротивление, они выволокли капитана из трактира и повели к пирсу, где была привязана шлюпка. Через час они поднялись на борт "Моржа".

18. КОРСАРЫ

К обеду следующего дня Flint протрезвел настолько, что смог сообщить экипажу свои намерения.

- Парни, - закричал он, - вот каперская грамота для работы в этих водах! - Он размотал свиток пергамента и, глядя в него, начал читать по слогам: - "Выдано и подписано мною... на третий день мая в лето от Рождества господня тысяча семьсот сорок пятое... сим разрешается кораблю по имени "Морж" вооружаться, снаряжаться и действовать, как корсарский корабль против судов Испании и Франции..." - Тут Flint прервал чтение, так как от усилия пот уже струился по его носу, и заявил:

- Хватит этих важных побасенок! - скрутил свиток и продолжал: - Теперь у нас развязаны руки. Можем нападать в Карибском море на кого захотим. Можем вполне законно брать на бордаж все французские суда. Можем разорить гнусные испанские селения и сжечь их дотла, а королевский флот нам только спасибо за это скажет.

Он подождал, пока моряки разберут его слова.

- Это что за дела, а? - сварливо заорал Джордж Мерри. - Эй, капитан, да ты вроде сговорился с разными там адмиралами, герцогами и графами, а? Это вчера еще мы были черными овцами в Карибском море, а теперь, выходит, невинные ангелочки, так? Это как же так полу-чается?

- Заткнись, Мерри, а то язык тебе отрежу! - взревел Flint и пояснил: - Если такой недоверчивый, можешь взглянуть в этот документ, сам увидишь, здесь написано точь-в-точь все, что я тебе сказал. Вчера я этому губернатору прямо говорю: "Мы к тебе по-хорошему и будем на твоей стороне. Айда, давай это разрешение, говорю, и долго не тяни", говорю ему. Мистер Сильвер и мистер Бонс были со мной, - добавил он скромно. - Они могут все подтвердить.

"Боже, дай мне сил", - мысленно взмолился Сильвер, вставая на ноги справа от Flintа. Перевел дыхание и любезно заговорил:

- Капитан сказал чистую правду. Мы можем ходить под английским флагом, и никто, даже лорды адмиралтейства, даже парламент, даже сам король не сделают с нами ничего, если мы примемся обирать подлых испанцев и французов!

- Докажи это! Где доказательства? - крикнул О'Брайен, дружок Мерри. А доказательством было то, что Сильвер провел полтора часа утром у commodора Мейсона, передавшего ему приказы и объяснившего, куда простирались права команды "Моржа". Попутно commodор подверг Сильвера основательному перекрестному допросу, чтобы понять, что подтолкнуло его и Flintа служить королю. Мейсон был человеком с холодным и точным умом. "Когда имеешь дело с таким человеком, - подумал Сильвер, - держи ухо востро, потому что он не простит никакой вольности, ни малейшей ошибки, а врага будет преследовать неумолимо до подножья виселицы". Но как все это объяснить пиратам?

Flint снова заговорил, или, скорее, зарычал:

- Больше ничего не остается ни тебе, Джордж Мерри, ни этому безмозглому волю О'Брайену, как твякать на меня. Так вот, мы получили приказы. Королевский флот придумал планы, по которым мы все наверняка разбогатеем.

- Какие-такие планы? - снова крикнул один из пиратов.

- Планы, - желчно ответил Flint, - очень важные планы. - После этих слов поколебался и неохотно продолжал: - Долговязый Джон говорил с этим флотским, вот он пусть и расскажет.

Но как только Сильвер вновь поднялся, чтобы заговорить с моряками, Flint злобно прошептал:

- Только покороче, это тебе не речи в парламенте и не агитация на выборах капитана!

Сильвер заговорил спокойно, как бы ничего не слыша:

- Парни, я горжусь, что плаваю с таким капитаном, как наш Флинт. Да вы что, не верите планам, которые он задумал? Через эти планы мы все как один разбогатеем. Просто чудо, что он придумал.

На широком его лице появилась сердечная, дружеская улыбка. В его манерах обнаружилась вдруг такая утонченная почтительность, как будто он испытывал к капитану не меньшее уважение, чем молодой священник к епископу. Многие из пиратов, стоящих на палубе, тоже заулыбались. Простодушный Бен Ганн засмеялся от радости, и экипаж принял это благосклонно. Даже желтые глаза Джорджа Мерри на миг блеснули умиротворенно.

- План, придуманный капитаном на этот случай, - продолжал Сильвер, - и лопнуть мне на месте, если он на флоте не понравится, состоит в том, что мы пойдем под Новый Орлеан и наделаем французам гадостей в этих водах. Там нас ждет эскадра королевского флота. Если блокируем французоз в их колонии Луизиане, они не смогут помочь испанцам оборонять Гавану и другие города.

- А в Мексиканском заливе нас ждет добыча, - пояснил Билли Бонс. - У французоз, видно, не так-то много фрегатов в тех местах. Им надо собрать большой флот, чтобы защитить саму Францию и ее колонии в Индостане. Кроме того, они увязли в Квебеке и Сен-Лорансе [река Лаврентия - на востоке Канады], не говоря об островах в Карибском море, Гваделупе и других портах. Да, тут будет на чем руки погреть, так мне думается.

- Вот так-то, - прервал его Флинт. - Не такой я человек, чтобы работать за здорово живешь, но решать вам, висельники этикие. Ну, да или нет?

- Да! Ура капитану Флинту! - заревели пираты на палубе, размахивая кулаками и топя ногами.

Сильвер задумчиво глядел, как они, хлопая друг друга по плечам, принялись за работу. Да ведь они почти как овцы. Уже представляют себе, как набивают карманы луидорами и только что отчеканенными дублонами. Подозревают ли, что их ждет, - мели, неприятельская картечь, изувеченные руки и ноги? Нет, это не приходит им на ум, и слава богу, что не думают ни о чем, иначе ни за что не стали бы они к орудиям и не дожидались с нетерпением атаки на вражеские суда.

- За работу, квартирмейстер! - прозвучал над ухом грубый голос Флинта. - Хочу видеть этот корабль чистым и блестящим еще до захода солнца, иначе плохо тебе придется. Так и знай, сброшу тебя за борт и глазом не моргну! Или ты думаешь, что назначен квартирмейстером за красивые глаза? А? Давай, за дело!

Так "Морж" поднял якоря и отплыл Юкатанским проливом в Мексиканский залив. Плавание прошло спокойно. Встретили только одно испанское судно возле мыса Катуж, где полуостров Юкатан изгибается на северо-восток к Кубе, но сторожевой корабль не был склонен вступить в бой с "Моржом" и благоразумно отошел к берегам Новой Испании.

На совещании в губернаторском дворце коммодор Мейсон объяснил, где "Морж" должен встретиться с британскими боевыми кораблями - в ста пятидесяти милях юго-восточнее Нового Орлеана, место встречи было выбрано на славу, потому что оттуда можно легко заметить неприятельские суда по пути к Флоридскому и Юкатанскому проливам.

Наконец забелели топсели британских боевых кораблей. Вскоре наблюдатели с мачт "Моржа" доложили подробности:

"Два боевых корабля и одно трехмачтовое сторожевое судно".

Пока "Морж" приближался к боевым кораблям, капитан Флинт созвал главарей в свою каюту и, устремив взгляд вверх собравшихся корсаров, напомнил им о долге.

- Сейчас придем на место и начнем переговоры с флотскими. И если кому из вас, висельников, случайно придет на ум перекинуться к ним и сговориться с этими капитанами и коммодорами, я ему череп раскрою. Мы сюда пришли потому, что это нас устраивает, чтобы собрать добычу и наполнить кошель, а не для вящей славы лордов в адмиралтействе.

- Не беспокойся так, капитан, - ответил Израэль Хендс. - Ни у кого не было такого экипажа, как у тебя. Мы верим тебе, и все тут! - и неловко махнул рукой, не зная, что сказать дальше.

Флинт насмешливо засмеялся:

- Не сомневаюсь, приятель Хендс, ни на миг не сомневаюсь. Но из опасения, чтобы чего не приключилось, не позволю никому из вас знать больше других. Стало быть, когда Джон Сильвер пойдет говорить с флотскими, его будет сопровождать Черный Пес и следовать за ним неотступно, как тень.

Сильвер кивнул своей большой головой в знак согласия.

- мудро сказано, капитан, - заметил он, - и для справедливости Пью, стоящий здесь, будет твоей тенью в таких случаях, чтобы ребята были уверены в тебе и в твоих намерениях.

Флинт хотел ответить, но передумал и уставился злобным взглядом на Сильвера. Джоб Андерсон беспокойно зашевелился, а Билли Бонс улынулся себе в усы.

- Капитан! - Джордж Мерри заглянул в открытый люк. - На том семидесятипушечном фрегате подняли какой-то флаг. Надо думать, сигнал.

- Я его приму, - сказал Бонс, быстро вскочив на ноги и взяв подозрительную трубу. Через пять минут он вернулся.

- Нам сигналил "Берик". Капитан Хоук нас приветствует и желает дать дополнительные указания. Хочет говорить с нашими офицерами.

- Я не сойду с этого корабля, - резко сказал Флинт, - не сойду с этого корабля, пока мы в море. Это дело для Огорока и Черного Пса, если не ошибаюсь. Айда, и побыстрей!

Через час Сильвер поднимался на борт "Берика", а Черный Пес следовал за ним по пятам, пока волны то поднимали, то опускали ял с "Моржа", в котором на веслах сидели три пирата.

Когда Сильвер вступил на палубу "Берика", наблюдательный его взгляд отметил чистоту и порядок на борту. Латунные реминги блестели на солнце, доски палубы были старательно вымыты, одежда на морях выглядела новой и опрятной.

Сразу на корабле началась суета. Матросы бежали, отдавая честь. Появился молодой человек, лет двадцати, с длинным носом и маленькой бородкой, терявшей на шее.

- Счастливого прибытия на борт, сэр! Лейтенант Александр Таунсенд к вашим услугам.

Сильвер поздоровался с младшим офицером.

- Джон Сильвер, квартирмейстер, - сказал он сдержанно.

Черный Пес прятался у него за спиной, как будто боялся, что и его представят.

- Капитан Хоук будет рад принять вас через пятнадцать минут, - сказал Таунсенд. - Я бы пригласил вас до того в свою каюту, но это вонючая дыра под оружейной палубой. Собаке там будет тесно, но я не пес, а только младший лейтенант, и для меня этого хватит.

Он глядел на Сильвера с любопытством. Джон кивнул ему в ответ. Ясно, что Таунсенд имел самый низший офицерский чин на корабле, ниже стояли только мичманы. Странное дело, как много молодых людей из богатых, может быть, благородных семей, готовы задыхаться в душных норах на службе своей стране; даже плотник на "Морже" не согласился бы так жить. Таунсенд заговорил снова, потрогав толстую грот-мачту:

- Ей-богу, мистер Сильвер, тут есть над чем поразмыслить. Эта мачта выглядит вполне крепкой, не так ли? Разрази меня гром, если она не изъедена червями, как говорит старший лейтенант, а я не сомневаюсь, что он прав.

Сильвер оглядел мачту. В ее массивном дереве виднелось множество дырочек. Он дунул в одну из них, и оттуда вылетело облачко зловонной пыли.

- Видите, вот проклятый климат! - сказал извиняющимся голосом Таунсенд.

Климат? Сильвер достаточно хорошо знал влияние климата. Но дело было не в этом. Адмиралтейство было притчей во языцех из-за своей скарденности. Вместо того, чтобы призвать на службу офицеров, живших на берегу на половинном жаловании, и отправить корабли в море, оно оставляло цвет королевского флота гнить на якорях в Темзе. Вероятно, "Берик" бездействовал годами, прежде чем его снарядили на сегодняшние боевые действия. Никакой уважающий себя пират не довел бы до этого свой корабль. Несомненно, положение флота было не блестящим.

Таунсенд повел их на корму, продолжая говорить, хотя Сильвер не слышал и половины его слов.

Наконец дошли до капитанской каюты. Морской пехотинец, одетый в красный камзол, стал смирно, а затем открыл люк и закрыл его за ними.

Капитан Хоук сидел против люка за старательно прибранным гладко полированным столом. На стене над его головой висел портрет короля, явно наскоро выполненный в аляповатых тонах.

- Мистер Сильвер, представляющий капитана Флинта, командира "Моржа", - доложил Таунсенд.

Хоук кивнул. Это был крепко сложенный человек, лет сорока по оценке Сильвера. Темные глаза и строгие губы глядели из-под напудренного парика, но щеки его слегка обвисли.

- Мое почтение, мистер Сильвер, - сказал Хоук, - а также мистер... - обратился он к Черному Псу, выглядывавшему из-за плеча Сильвера.

- Черный Пес, сэр, - сказал Джон, сразу осознав, насколько абсурдно звучало это имя.

- Ну, мистер Сильвер, - сказал Хоук, - прошу, садитесь. Садитесь, мистер Пес. И вы, мистер Таунсенд. Для начала, мистер Сильвер, покажите вашу каперскую грамоту. Благодарю вас. Так, выдано в Кингстоне, Ямайка, и так далее, и так далее... Да, ясно, все в порядке. - Он развернул перед Сильвером карту и показал пальцем Новый Орлеан. - Я имею указания адмиралтейства не дать французским судам и вообще никаким судам выйти из Нового Орлеана. Это означает блокаду всего берега Луизианы.

Сильверу показалось, что он замолчал, потому что колебался или что-то вспоминал. Наконец Хоук добавил несколько нерешительно:

- Тут кроется что-то большее, чем просто желание расстроить французское мореплавание в этих водах. В Антигуа перед отходом мы узнали, что существует план бунта якобитов в Шотландии. Удар ножом в спину, вы понимаете?

Таунсенд отозвался:

- Сэр, несомненно из этих диких горцев сделают фарш еще до того, как они попадут в Эдинбург! Никакой опасности здесь нет, это ясно, сэр.

Темные брови Хоука поднялись, и он раздраженно сказал:

- К счастью, мистер Таунсенд, есть люди, видящие подальше вашего, извините, длинного носа. Представьте себе, что случится, если французы высадят войска на западном берегу Шотландии или нападут на Корнуэльс или Кент? Или завладеют Ла-Маншем хотя бы на несколько дней? В Англии полно якобитов, не говорю о Шотландии, которая и ждет момента, чтобы свергнуть ганноверскую династию. Если это случится, остается надеяться на чудо! - Он взглянул на Сильвера. - Всякий французский корабль, который покинет Мексиканский залив или Карибское море, может помочь восстанию приверженцев Стюартов в Шотландии. Следовательно, мистер Сильвер, ни один французский корабль не должен от нас уйти. Подумайте о денежных наградах за захваченные суда, мистер Сильвер! Сами понимаете, какая добыча может вас там ждать! Скажите это вашему капитану. Передайте ему также, что ваш корабль должен следовать за мной. Отходим сегодня вечером, когда начнет смеркаться курсом на северо-запад. Вот мои распоряжения, мистер Сильвер. Имеете ли какие-нибудь вопросы? Нет? Тогда не смею вас больше задерживать. Скоро мы увидим, что вы представляете собой, как корсары. До свидания, сэр. Благодарю вас, мистер Пес.

Сильвер вернулся на "Морж", и пираты быстро начали готовить корабль к походу вместе с "Бериком" и капитаном Хоуком к Новому Орлеану.

Как можно себе представить, Flint был вне себя от радости при мысли, что можно грабить суда, выходящие из французской колонии Луизианы. В течение нескольких часов он даже не отвесил ни одной оплеухи несчастному Макгроу. Со своей стороны, Джон Сильвер был уверен, что два раза Flint даже улыбнулся - совсем необычное явление для вечно хмурого капитана, хотя улыбки его были не чем иным, как злобными гримасами.

Flint, однако, не был человеком, которому что-то нравится долгое время. Скоро начал ворчать, потому что ему казалось ниже его достоинства следовать за "Бериком". Опасался также, что Хоук собирается предать его адмиралтейству, чтобы выполнить порученную ему задачу. Где, спрашивал Flint, плавают два других корабля? В сумерках они отправились на восток. Не иначе, они имеют приказ подстеречь "Морж", наполненный добычей, а затем наброситься на него и захватить. Чудесный способ завершить карьеру, повиснув на рее военного корабля!

Но несмотря на мрачные предположения, мысли о предстоящей добыче воодушевили Flintа. Он уже почуял ее, а также денежные призы, и гонял экипаж с остервенением и яростью, напоминая религиозный фанатизм. За это Сильвер стал именовать его за спиной "преподобным Flintом".

Когда "Берик" и "Морж" подошли к огромному низкому мысу дельты Миссисипи, глубоко вдающейся в Мексиканский залив, они заметили несколько судов. Это были небольшие каботажники, занятые местной торговлей и, так как Flint сразу отказался их преследовать, они ускользнули невредимыми.

С топа мачты "Берика" гневно сигналили флажками. "Серьезно порицаем неуспех в захвате вражеских кораблей", - прочел Бонс через подзорную трубу.

- Пускай капитан Хоук сам их преследует, - сказал Flint. - Я ищу дичь побольше, и только.

Менее чем через час показалась и крупная дичь - один корабль огибал остров Бретон.

- Голландское судно, - крикнули наблюдатели с мачт, - как видно, тяжело нагружено.

- Вот и добыча для нас, - сказал Сильвер, стоя на юте. - Голландское торговое судно. Тоннаж около полусотни и так нагружен, что не выглядит очень быстрым.

- Ни в коем случае! - заорал Flint. - Этого я не позволю! Все эти голландцы до единого протестанты. И пальцем до них не дотронемся! - и устремил взгляд на главарей.

Пью ответил льстивым голосом:

- Это, конечно, верно, капитан, но они торгуют с папистами-французами и хохочут нам в лицо.

- Добыча есть добыча, - веско заметил Бонс, - не вижу разницы между католическим золотом и протестантским золотом, весят они одинаково.

Flint вынул пистолет из-за пояса и дунул в ствол.

- Нет, - сказал он, - нельзя.

Никто не вымолвил ни слова, а Сильвер нарочно повернулся спиной к Flintу и устремил взгляд в море.

Итак, "Морж" остался позади, в то время как "Берик" сблизился с голландским кораблем, дал выстрел поперек курса и завладел им без всяких усилий. Хоук направил свой экипаж на захваченное судно и запер голландцев в их собственных трюмах.

В продолжение пятнадцати следующих дней корабли не отходили от северного рукава дельты. Очевидно, в Новом Орлеане узнали, что британские боевые корабли патрулируют в море напротив протока Бретон.

Это бездействие раздражало моряков, и "Морж" отправился на юг, где надеялся настичь корабли, выходящие другими рукавами дельты, через которые Миссисипи лениво вливалась в море. Но и тут не нашлось никакой добычи. Пираты стали негодовать, и Flint отсекал руку одному бунтарски настроенному юнцу из Мэриленда за "неподчинение" и "потому что позорил корабль", как он сам выразился. Потом стал пинать несчастную жертву, пока молодой моряк не потерял сознание и Flint оставил его умирать от потери крови.

На короткое время устранив экипаж этим примером, Flint направил "Морж" на северо-восток, чтобы продолжить патрулирование вместе с "Бериком" около протока Бретон.

Вскоре после этого из устья дельты появился французский фрегат. Он был подвижен и быстро шел с попутным ветром, явно рассчитывая избежать встречи с врагом, благодаря своей скорости.

Как "Берик", так и "Морж" начали преследование, и ветер надул их паруса.

- Молю Бога, чтобы мы не настигли его раньше Хоука, - прошептал тихо Бонсу Сильвер. - У него пушек в два раза больше нашего. Он одним залпом разнесет нас в щепки.

Из-за правого плеча Сильвера донесся крикливый голос: Flint появился неожиданно, как часто делал, подслушивая разговоры.

- Поплавай бы ты с мое, сэр Окорок, говорил бы поменьше, а работал побольше. А что до тебя, первый помощник Бонс, то иди вперед и позаботься прибавить скорость на несколько узлов. А ну, расходитесь вы двое, а то расселись, как две селедки в бочке.

Когда Сильвер отправился вслед за Бонсом, Flint резко обернулся и добавил:

- А ты, как квартирмейстер, причем единодушно избранный, слушай: я приказываю тебе возглавить группу, которая возьмет этих французов на бордаж. Надевай саблю, да поострее. - Сильвер хотел было ответить, но Flint быстро его прервал: - И не болтай что-нибудь вроде "если догоним" - "Морж" как раз для таких дел. А твой приятель останется дивиться на наши дела, сидя у нас в кильватере. Организуй группу для бордажа, как считаешь нужным, но мне оставишь на борту шестьдесят душ. Айда, двигайся и скажи Израэлю, чтобы не стрелял, пока я не прикажу.

И пробегая среди пиратов по главной палубе, Сильвер был должен признать, что капитан оказался прав. Под командой Бонса "Морж" увеличил площадь парусов и действительно полетел вперед как птица. В свою очередь, "Берик" явно отставал. Несомненно, "Морж" превосходил его по мореходным качествам.

Между тем что-то произошло на "Берике". Он свернул с курса, и паруса его неистово метались, пока рулевой пытался выправить корабль. Острым своим зрением Пью первый увидел, в какое затруднение попал "Берик".

- Дьявол их подери, грот-мачта у них склонилась налево. Только на вантах и держится!

Сильвер выхватил у Пью подозрительную трубу. Так все и произошло. Грот-мачта смешно наклонилась, вперед и налево. Десятки моряков отчаянно пытались ее удержать, чтобы спустить паруса и предохранить корабль от повреждений. Наконец-то проеденная червями мачта поддалась. Надлежало лечь в дрейф, а экипажу тем временем поставить аварийную мачту. И тогда, если повезет, дойти до побережья Гондураса, чтобы отремонтироваться.

С лицом, покрытым пятнами и искривленным от восторга, Флинт закричал:

- Французы уже наши, ребята. Нет корабля, которого бы "Морж" не догнал. Мы поравняемся с ним еще до вечера!

"Морж" медленно сокращал расстояние между двумя кораблями. Десять миль между ними превратились в восемь, пять, потом две. Прошел полдень, и солнце припекало. Сильвер обратился к Флинту:

- Разрешите накормить экипаж, капитан. Будет лучше, если они набьют желудки и выпьют по кружке рома.

Флинт хмуро кивнул, и Сильвер принялся выдавать ром.

Расстояние между двумя кораблями становилось все меньше и меньше. Флинт позвал главарей и сказал:

- Не рассчитываю на точную стрельбу, что бы ни болтали о Хендсе. Не верю, чтобы Израэль мог попасть в ворота амбара с двадцати шагов, разве он сам будет внутри.

Он немного помолчал, ожидая, осмелится ли Хендс обидеться, но увидев, что Израэль только покачал головой и поощряюще ухмыльнулся, Флинт продолжал:

- Но нам и ни к чему залпом разбить этот красивый корабль. Хочу порадоваться добытым дублонам и пиастрам, когда смогу их потрогать. Не хочу дарить их рыбам. Так что ударим со стороны кормы и быстро возьмем папистов на бордаж.

Через полчаса Билли Бонс направил "Морж" так, чтобы пересечь путь бегущего фрегата. Они сблизилась, и оба корабля дали бортовые залпы. Из-за скорости и угла, под которым происходило сближение, "Морж" почти не пострадал. Появились две большие дыры в переднем парусе, одно ядро разрубило стасель-шкот, взлетевший над кораблем, а третье разбило одно из орудий, расположенное под вантами грота, убило двух пиратов и ранило одного.

Держась за фок-ванты, Сильвер видел, как сверкают мушкеты на палубе французского фрегата, носившего прославленное имя "Кольбер". Пули из мушкетов свистели между снастями "Моржа" и находили того или иного пирата из бордажной группы, терпеливо ожидавшей момента столкновения кораблей.

Напрягая глаза, чтобы различить все подробности на палубе "Кольбера", Сильвер заметил, что среди белых и синих мундиров французских моряков и морских пехотинцев виднелись люди в каких-то чужеземных мундирах, в пестрых шапках на головах и с чем-то вроде одеял на талиях.

- Гляди, Джон, отбивайся со стороны! - крикнул Пью, перекрикивая ветер и погрозил "Кольберу" саблей.

Сильвер забыл о странно одетых людях и следил, как "Кольбер" отвернул резко вправо, надеясь избежать удара "Моржа". Но маневр опоздал: Билли Бонс немедленно повернул "Морж" прямо к намеченной жертве. Пока французский фрегат поворачивал вправо, паруса его обвисли и, подобно соколу, атакующему голубя, бушприт "Моржа" врезался в корму "Кольбера". Пираты повскакали и бросились на фрегат среди разлетающихся щепок и выстрелов мушкетов. Первым на фрегат вскочил Сильвер и с победным криком, как настоящий дьявол, вырвавшийся из ада, пробивал себе путь среди леса сабель и багинетов. Джон рубил своей саблей направо и налево, скосив на юте множество французских. Сбоку он увидел Пью, присевшего над умирающим противником, а чуть подальше Джоба Андерсона, скидывавшего мечущуюся фигуру за борт.

Поскольку французские артиллеристы не могли больше сделать ни одного выстрела, они быстро выбрались на верхнюю палубу. Сильвер заметил, что французам было немного - насчитал около пятидесяти душ. Дальше стояли люди в странных шапках, собравшиеся около фок-мачты. Вдруг Сильвер заметил, что они были одеты в клетчатые юбки.

- Боже мой, да это шотландцы! - завопил Черный Пес, выглянув из-за бочки. - Шотландцы, я их видел однажды в Абердине.

Прежде чем Сильвер успел разобрать, что за люди были впереди, высокий французский пехотинец появился перед ним и нацелил мушкет прямо в грудь. Чтобы избежать пули, Джон наклонился, но поскользнулся в луже крови и тяжело упал на доски юта. Посмотрев вверх, он, к своему ужасу, увидел, что дуло мушкета продолжало глядеть на него и было всего в ярде от его груди.

Солдат спустил курок. Раздался щелчок, но выстрел не прозвучал. Слава богу, порох оказался влажным!

Вдруг солдат упал с криком на палубу и схватился за колени. Черный Пес, всегда старавшийся ударить противника ниже пояса, рубанул француза по ногам.

Сильвер поднялся. Сражение уже перенеслось на главную палубу. Противник вынужден был отступить. Тридцать французских были прижаты к задней части главной палубы пиратами во главе с Пью, издававшим торжествующие крики. Джоб Андерсон схватил французский мушкет и использовал его как дубину, лупя направо и налево окровавленным прикладом. Когда Джон подбежал, чтобы присоединиться к сражавшимся, ряды французских распались и они бросились в рассыпную. Некоторые побежали под палубу, преследуемые ликующими группами пиратов, а другие присоединились к шотландцам около грот-мачты.

Сильвер пошел к носу корабля. На главной палубе шум утих и только слышались крики из корабельных помещений, где последних французов настигали и убивали.

"Что там происходит?" - задумался Сильвер. Еще шотландцы вышли на палубу в ярких клетчатых юбках и с ружьями в руках. Но почему они продолжали стоять в боевом порядке около передней мачты, вместо того чтобы помочь французам в борьбе с пиратами?

"Морж" с переломанным бушпритом завертелся и прижался к борту "Кольбера". Флинт приказал связать оба корабля друг с другом, и они, влекомые ветром, потрепанные и залитые кровью, носились вместе по морю.

Флинт появился, перескочил на палубу "Кольбера", едва улыбнулся тонкими губами и оглядел плененный корабль. Когда он протолкался через кольцо пиратов вокруг шотландцев и уцелевших французов, Сильвер подошел к нему и сказал:

- Капитан, я в этом деле ничего не понимаю. Ясно одно: у этих шотландцев нет никакой охоты драться с нами. Может быть, надо потолковать с ними и узнать, чего они хотят.

Флинт промолчал. Приняв это за знак согласия, Джон крикнул шотландцам, чтобы выслали парламентаря, после чего, слегка подумав, обернулся и дал знак французскому офицеру в разорванном мундире сопровождать его.

Странной была эта встреча на окровавленной палубе. Первым заговорил один из шотландских предводителей - пожилой человек, говоривший с достоинством и так гладко, как будто предварительно заучил свою речь:

- Зовусь я Алистер Макдональд, вождь клана Макдональдов в колонии Новая Каледония, находящейся под покровительством французских властей Луизианы в четырехстах примерно милях на север по реке Миссисипи. Некоторые из нас возвращаются, чтобы помочь принцу Чарльзу Эдуарду, да хранит его Господь, свергнуть узурпаторов из Ганновера и вернуть Стюартов на престол.

- Папская свинья! - прошипел Флинт. - Отправить их прямо на дно.

Макдональд продолжил:

- С вами мы не воюем. Насколько известно, вы не меньшие враги английскому королю, чем мы.

- Мы не пираты, а настоящие корсары, понял? - резко сказал Флинт. - Плаваем под британским флагом. Скажите мне, почему я еще не заколол его и не выкинул за борт, как падаль?

- Потому что мы не падаль, а хорошо вооруженные бойцы, - ответил спокойно Макдональд. - Дорого заплатите за наши жизни.

Несколько минут они молчали, пока Флинт строил шотландцам кислые гримасы, а французский офицер бросал беспокойные взгляды то на Макдональда, то на Флинта. Габриэль Пью подошел к Сильверу и прошептал что-то ему на ухо. Немедленно Джон заявил:

- Меня не волнует, кто будет на английском престоле. Все одно, республика Англия или королевство.

- К дьяволу всех королей! - гневно крикнул Флинт.

- Слушайте, - продолжал Сильвер, - разберемся с вами. Золото и серебро, что у вас в трюмах - нет смысла отрицать, что они у вас есть, мой приятель Пью только что видел их, - пойдет как ваш выкуп, и можете следовать в Англию или Шотландию или куда хотите. Ваша свобода и ваше оружие - достаточная цена за французские деньги. Более честной сделки я вам предложить не могу. Капитан Флинт скажет вам то же самое. - Флинт попытался вмешаться, но Сильвер быстро продолжил:

- Вот видите, господа, наш капитан согласен. - Он обернулся и прошептал что-то Флинту, который сразу умолк. - Ну, что скажете на это, Макдональд? - настоятельно спросил Сильвер.

Макдональд сперва помолчал, потом сказал, как по писаному:

- Мы шотландцы, верноподданные заморского католического монарха, принимаем ваши условия. Не для того покинули мы дома и семейства в Новой Каледонии и нашу независимость, за которую храбро воевали, чтобы утонуть, как крысы, в Мексиканском заливе.

- Хорошо, - сказал Флинт, тыкая кулаком чуть ли не в нос Макдональду, - у вас есть полчаса на выгрузку золота! После этого вы свободны, и пусть вас повесят, разрубят на куски до единого, всех вас, свинячьи собаки! И этой французской свинье желаю тоже самое!

Он нарочно плюнул на сапоги французского офицера и сошел с юта, подозревая Дарби Макгроу.

Когда шотландцы пошли организовывать переброску денег на "Морж", Андерсон обратился к Сильверу:

- Окорок, почему мы отпускаем этих подлецов, шли бы они ко всем чертям?

- Джеб, - ответил Сильвер, - ты всегда долго соображаешь, бьешь об заклад, что в детстве ты был плохим учеником. Таким способом мы получаем золото без всяких потерь, а я бы не хотел связываться с этим Макдональдом, говорящим, как по писаному, и его парнями. И еще вот что. Скажем, доберутся они до Англии и помогут принцу Чарли заварить там добрую кашу. А мы с этого имеем пользу.

Андерсон наморщил лоб:

- Джон, Англия от нас больше чем в трех тысячах миль, что нам с того бунта и как это дело нам поможет?

Сильвер приятельски положил руку на широкие плечи Андерсона:

- Так вот, если лорды в парламенте, не говоря о лордах адмиралтейства, заимеют сложные проблемы в Англии, как ты думаешь, станут они думать о том, чтобы преследовать джентльменов удачи, скажем, нас?

- Едва ли.

- Едва ли, приятель, именно так! А ну-ка, принимайся за работу, балбес, вытряхнем последние фартинги из этой французской посуды, а затем уносим ноги.

Вскоре "Морж" оставил место, на котором повстречал и завладел "Кольбером". Ценою восьми убитых и двадцати четырех раненых, пираты захватили золота и серебра ценой в сто десять тысяч фунтов стерлингов, как рассчитал Билли Бонс.

Пока "Морж" шел по тихому морю курсом на юго-восток, экипаж радовался добыче. Черный Пес спел несколько баллад своим печальным тенором, а Бен Ганн с Израэлем Хендсом неуклюже станцевали менуэт.

Флинт, покинувший "Кольбер" последним с Дарби Макгроу, следовавшим за ним по пятам, наливался ромом. Сильвер, сидя с ним, пил крепко, но старался не перебрать.

- Ну, капитан, - начал он, подняв большой кубок с французским коньяком, - пью за сегодняшнюю удачу. Сокровища в трюме, а шотландцы доставят неприятности королю Георгу. Славное дело сделали, дьявол нас раздери!

В ответ Флинт поднял кубок, поперхнулся и, еще кашляя и брызгая слюной, ответил:

- Не видать Шотландии этим проклятым папистам. Мы с Дарби бросили отраву в бочонки с водой раньше, чем сойти с "Кольбера", и я еще ему приказал пробить дно в нескольких местах для надежности. Дарби прикрыл пробоины балластом, так что те поймут что-нибудь слишком поздно. Они сдохнут отравленные и утопленные, негодяи этикие!

И Флинт засмеялся своим зловещим резким смехом. Сильвер и Билли Бонс переглянулись и пожали плечами. В конце концов ценности были сложены в трюме корабля. Они ускользнули от капитана Хоука. Перед ними расстилалось Карибское море, прельщая богатой добычей. А Флинт выглядел по-своему счастливым. Предстояли славные дни, в этом Сильвер был уверен.

20. КАК ФЛИНТ ЗАДУМАЛ НАПАДЕНИЕ НА САНТА-ЛЕНУ

После захвата "Кольбера" Флинт целых три года свободно пиратствовал, где желал, в Карибском море и Мексиканском заливе.

Само упоминание "Моржа" вселяло ужас в сердца людей в этих местах. Говорили, что при одном только имени Флинта бледнели испанские аристократы и дрожали французские торговцы. Корсары не только расстроили вражеское судоходство во Флоридском и Юкатанском проливах, но пытались счастья и дальше. Так, "Морж" оставил за собой дымящиеся развалины по берегам Панамского пролива, опустошил французские поселения в колонии Санто-Доминго, захватил и разграбил порт Альтаграция напротив Мараканбо в Венесуэле.

Люди Флинта были отличными бойцами и своими корсарскими действиями добыли огромные богатства, хотя впоследствии большинство из них быстро пропили все деньги. Но какую бы добычу ни получал "Морж", за собой он оставлял кровавый след. Хотя и воевали под британским флагом, но благодаря своей извращенной натуре, Флинт упорно отказывался брать пленных. Другое дело - набор новых членов экипажа, это было просто необходимо из-за непрерывно растущих потерь, но к пленникам Флинт был безжалостен. После того, как опустошали захваченное судно и отбирали все у экипажа, Флинт выбрасывал всех за борт - не только здоровых моряков, но и раненых и больных. Он был готов расправляться так же и с женщинами, но Сильвер и Бонс не допускали этого. Плачущих и молящих о пощаде женщин оставляли на ближайшем рейде или пустынном берегу на милость диких зверей или местных дикарей. Целых восемь месяцев Флинт пренебрегал тем обстоятельством, что в 1748 году был заключен мир. И после этого он продолжал нападать на корабли тем же манером, хотя и понимал, что, начини он усердствовать в пиратских набегах в британских водах, королевский флот погонится за ним, как гончие за зайцем. Флинт, однако, совсем не походил на беззащитного зайца. С годами он предавался грабежам все с большим остервенением, как бы превратившись в дикого волка, - набрасывался на все испанские суда в Карибском море. Прямо высмеял предложение Сильвера попробовать охранять за приличное вознаграждение суда контрабандистов, плавающих между британскими владениями на континенте и испанскими, французскими и голландскими колониями. Когда был трезв, часами размышлял над планами, в лучшем случае неосуществимыми, а чаще всего ведущими к гибели.

Но в начале 1754 г. Флинт созвал главарей в свою каюту на "Морже" и обратился к ним:

- Приятели, - начал он, отпив глоток рома, - надоела мне эта игра с идальговцами. Прежде чем помру, хотел бы ударить по ним как следует.

- Немного же у тебя времени останется, если будешь так лакать ром, - кротко заметил Сильвер. - Лопнешь ты от него, попомни мои слова.

Флинт бросил на него кровавый взгляд и рявкнул:

- Пошел к чертям, Окорок! - после чего продолжал сиплым голосом: - Парни, уверен, вам было бы интересно узнать одну мою мечту. Снится мне одно и то же.

- Хватит нам рассказывать кошмары, капитан, - сдержанно отозвался Сильвер.

- Хочу захватить испанскую флотилию, ежегодно переправляющую серебро в казну Испании, - промолвил Флинт. - Или завладею серебром, или тресну.

Тотчас же все возбужденно заговорили. Испанская флотилия на Карибском море, перевозящая ежегодно добытое серебро, была самой большой добычей, о которой только можно мечтать. Два века назад сэр Джон Хоукинс захватил караван мулов, нагруженных золотом и серебром, следовавший по Панамскому перешейку, а не так давно капитан Морган напал на сам город Панаму.

Билли Бонс свистнул от удивления.

- Высоко берешь, капитан, - весело заметил он. - Но если мы попадемся в лапы этим испанцам, они нас живыми изжарят.

- Я вовсе не собираюсь сплывать на рее испанского корабля! - воскликнул Сильвер. - Флотилия идет под охраной фрегатов, у каждого три орудийных палубы, а еще есть и другие боевые корабли. Да они нас потопят в пять минут!

- Слушай, Окорок, - злобно сказал Флинт, - не у одного тебя в голове есть мозги. Всем известно, что флотилия с сокровищами идет от перешейка. Но серебро не оттуда. Большая часть его идет из Перу. Но немало приходит из Мехико и загружается в Веракрус. Вот мы и ударим на Веракрус. Обычно одно судно несет серебро, а три, не более, его охраняют.

- Трое против одного - это еще больший перевес, капитан, - сказал Пью, у которого благоразумие боролось с алчностью.

- Может быть, с божьей помощью и справимся, - выкрикнул Сильвер. - Веракрус - город небольшой, это не Картагена и не другие крепости. Войдем в порт под испанским флагом и захватим серебро у них из-под носа прежде, чем они очухаются.

- А при малейшей ошибке окажемся в казематах Веракруса, - отозвался Израэль Хендс. - Эти идальговцы колесуют нас всех, не моргнув глазом.

Трезвые слова Израэля Хендса были встречены продолжительным молчанием.

- Вот выход! - Сильвер ударил большим своим кулаком по столу Флинта. - Брандер: пустим на них горящий корабль, набитый бочками с дегтем и оторвем от строя судно с сокровищами, пока эти идальговцы зовут на помощь.

- Эта хитрость сослужила службу Дрейку, - задумчиво сказал Бонс.

- Дай Бог, чтобы она помогла и нам.

- Одной молитвой дела не сделаешь, - сурово сказал Флинт. - Ясно дело, все зависит от подготовки и организации. - Он оглядел всех собравшихся в каюте. - Парни, по моему разумению, у нас два месяца на подготовку. Приказываю вытащить корабль на сушу и кренговать, пока дно не станет таким гладким, чтобы он летел по воде. Приказываю запастись самым лучшим порохом и картечью. Приказываю наточить сабли, как бритвы. Значит, все согласны. Остальные, уверен, нас поддержат. Страшное это будет дело, парни. Я же, это вы верно сказали, буду пить поменьше. Дарби, спрячь ром, или я тебе отрежу уши. - Флинт поднялся. - Айда, ребята! На Веракрус. Ей-богу, испанский король в Мадриде будет корчиться, как червяк, когда услышит про это дело!

Итак, "Морж", с ободренным своим капитаном, покинул остров Трех Черепов и направился на запад, к берегам Новой Испании.

Экипаж "Моржа", шедшего сейчас под испанским флагом, с приближением к Веракрусу все больше напрягался - все были беспокойны, а перед глазами мерещилась ожидаемая добыча. Одним из немногих, сохранивших присутствие духа, был Сильвер; он спокойно дымил трубкой, всегда был готов отпустить шутку и ободрить какого-нибудь растерявшегося пирата приятельским похлопыванием по спине.

Не успел матрос на марсе крикнуть, что видит выступающие в море башни укреплений Веракруса, как положение начало меняться. От порта доносился далекий гул артиллерийской канонады. Израэль Хендс повернулся огромным своим правым ухом, а потом левым к далекому угрожающему гулу. Напряженно вслушиваясь несколько минут, он обратился к Флинту:

- Это не учебная стрельба, капитан, потому что стреляют не с равными интервалами. Идет морской бой, и участвует не менее трех кораблей. Провалиться мне на этом месте, не надо нам лезть в порт!

Пятнистое лицо Флинта побагровело от ярости:

- На рею тебя, Хендс! - выругался Флинт. - Обошли нас, пропало серебро!

- Спокойно, капитан, - отозвался Сильвер, - не Израэль Хендс стреляет из этих орудий. Может быть, успеем что-нибудь предпринять, если сохраним рассудок.

Вдруг матрос на марсе закричал:

- Несколько судов выходят из порта! Одно убегает от других. Вижу два испанских сторожевых корабля, которые обстреливают одну шхуну.

Вскорости все увидели пять кораблей, участвовавших в сражении. Два испанских боевых корабля обступили шхуну и расстреливали ее в упор, а немного впереди какой-то бриг, подняв все паруса, убегал от быстрого испанского фрегата.

Израэль Хендс присел у орудия на левом борту, направляя его и налаживая угол стрельбы, чтобы быть готовым к сближению с испанским кораблем. Когда корабли стали друг против друга, "Морж" дал всем бортом залп по ничего не подозревавшему фрегату.

Воздух наполнился горьким дымом и обломками испанского корабля: бортовой залп "Моржа" был дан почти в упор.

Вперив жадные взгляды на фрегат, пираты увидели перевернутые орудия на нижней палубе и огромную пробоину, зиявшую в середине корпуса. Панические крики и стоны раненых смешались с беспорядочной мушкетной стрельбой с поврежденного корабля. Из орудийных люков начал валить дым, с каждой минутой становившийся все гуще и гуще.

- Подождли! - завопил Пью, в знак победы воздевший свои бледные руки. - Ей-богу, он уходит!

Голос Пью сразу подхватили другие. Пираты издали восторженные крики, когда фрегат, подхваченный течением, начал отдаляться от "Моржа". Очевидно, капитан предпочел потушить пожар, чем преследовать жертву. Вскорости одинокий фрегат остался далеко позади.

Флинт немедленно последовал за бригом, который тут же повернулся к "Моржу" бортом, нацелив орудия, подобные зубам в пасти тигрицы, решив сражаться до конца. Но "Морж" спустил испанский флаг, подняв вместо него "Веселый Роджер", в ответ на что бриг быстро выкинул белый флаг бурбонской Франции, причем над золотыми лилиями была грубо нарисована голова черного волка.

- Надо думать, французские пираты, - сказал Билли Бонс.

- Французы или идальговцы, все они проклятые паписты! - закричал Флинт.

- Капитан, с вашего позволения, - начал необычайно вежливо Сильвер, - давайте не будем спешить. По этим водам ходит довольно много судов французских протестантов, а как мы только что убедились, испанцы в Веракрусе явно невзлюбили это судно. Прежде всего надо бы потолковать со Старым Волком и разобраться, что тут и как. От жены я научился дюжине-другой французских слов, так что с вашего позволения, отправлюсь на этот бриг и поговорю с ними.

Через час Сильвер вернулся на борт "Моржа" в сопровождении французского капитана, щеголя, облаченного по последней моде в кричащие одежды, с павлиньими перьями на шляпе и в ярком небесно-голубом кафтане, перепоясанном поясом, усыпанным драгоценными камнями, на котором висела сабля.

Джон скоро объяснил Флинту и собравшимся главарям положение. Француз хотел в компании с другим пиратским кораблем захватить суда с серебром из Веракруса, но им не повезло. Испанцы не зевали, как обычно, и пираты обратились в бегство. Он осыпал Флинта благодарностями и комплиментами за то, что "Морж" спас его с экипажем, низко поклонился, держа в руке пышно украшенную перьями шляпу. Но Флинту скоро надоела длинная цветистая речь, он выдернул одно перо из шляпы француза и переломил его пополам. Наконец начали говорить о деле. В конце разговора французский пират поклялся, что знает, где собираются суда, нагруженные сокровищами. Это был небольшой, почти неукрепленный порт по имени Санта-Лена. По его мнению, главные конвойные корабли еще не появились там, и если они вдвоем с Флинтом внезапно нападут на Санта-Лену, то, похоже, захватят добычу в десять раз большую, чем та, что они упустили в Веракрусе.

Так, по словам Джона Сильвера, появилась идея знаменитого нападения под командованием Флинта на флотилию с сокровищами. Вопрос был не в том, чтобы вытянуть из порта засевшие там суда флотилии с сокровищами, как Долговязый Джон умело "Заливал" на "Эспаньоле"; скорее предстояло обогнуть несчастные корабли с сокровищами в Санта-Лене. Как бы там ни было, но именно тогда попугай Сильвера научился кричать - "Пиастры, пиастры!" - и оттуда пошел окольный, залитый кровью путь, приведший к сокровищам золота и серебра на острове Кидда.

21. ПУТЬ НА САНТА-ЛЕНУ

Флинт смотрел на предстоящее нападение на Санта-Лену как на самый славный подвиг в его переполненной жестокостью и преступлениями жизни, который бы увенчал пиратскую его карьеру. Сам он заявлял, что готов отказаться от герцогского титула, только бы удалось похитить сокровище из-под носа у испанцев. Все время говорил об этом и мечтал вслух, пока "Морж", расправив паруса, неся к берегам Венесуэлы, имея на траверзе "Жан Кальвин", судно французских пиратов.

"Морж" и "Жан Кальвин" обходили все суда, чьи паруса виднелись на горизонте. Флинт был занят важным делом и впервые в жизни был склонен уходить от всех судов, которые могли оказать сопротивление, чтобы не повредить набегу на Санта-Лену.

Французский капитан имел приблизительный план юго-восточного венесуэльского побережья, где находилась Санта-Лена. На первый взгляд казалось, что селение было совсем незначительным.

Внимательно рассмотрев карту, Флинт был вне из себя от восторга.

- Парни, - заорал он, - да это совсем простое дело! Все равно что отнять конфетку у ребенка.

Он был в каюте вместе с Сильвером и Бонсом.

Но Билли Бонс грубо его прервал:

- Хорошо бы так, капитан. Гляди повнимательнее. На нашей карте венесуэльского побережья есть кое-что, чего не хватает на схеме нашего приятеля француза. Во-первых, этот перешеек тут, у входа в залив. На этом перешейке есть укрепление. Лопнуть мне, если это не так!

- Ба! - отвечал Флинт. - Эти испанцы наверняка дрыхнут у своих орудий. Мы пройдем мимо них и не потревожим!

- Скорее всего, не успеем, - сдержанно отозвался Сильвер. - А если даже успеем, не думаешь ли ты, что они продолжат спать, пока мы будем брать сокровища? А потом пойдем к выходу из порта, пройдем перед их орудиями, а испанцы учтиво снимут шляпы и крикнут вслед: "Покорнейше благодарим, счастливого пути!"

Флинт скорчил гримасу при словах Сильвера, но совсем сморщился, когда продолжил Билли Бонс:

- Второе. Где держат сокровища? Можно предположить, что в укреплении, здесь. Или в бревенчатом форте к югу от города. Или здесь, в этом огромном доме, обозначенном на схеме француза. А может быть, укрыли в подземельях этой церкви, здесь, возле дома.

- Черты бы тебя взяли, Бонс, - резко ответил Флинт. - Ты любого в могилу загонишь, как начнешь скулить да причитать, переплунешь даже Черного Пса с его печальной мордой.

- Лучше подумаем сейчас, как избежать этих испанских пушек, - отозвался Сильвер, - мне не хочется попасть на виселицу, чтобы мои кости сгнили в Санта-Лене.

- Сэр Окорок, то, чего я в тебе терпеть не могу, - злобно прервал его Флинт, - так это твои проповеди. И надо же было этому идиоту, капитану Ингленду, взять тебя на старую "Кассандру" на Барбадосе.

- Благодарю вас, капитан, - отвечал Сильвер совершенно серьезно. - Уж такой вы человек: что на уме, то и на языке. Горжусь быть квартирмейстером при таком прямом человеке, как вы. - Он обернулся к Бонсу: - Билли, капитан поставил меня на место. У него, не иначе, есть путеводная звезда. - И пока Билли Бонс смущенно переступал с ноги на ногу, Сильвер продолжал: - Капитан Флинт, хочу предложить твоему просвещенному вниманию скромный план. Надо думать, он не может сравниться с планами, которые ты несомненно обдумываешь в этот момент, но буду рад, если выслушаешь меня.

Флинт зарычал, сверкнув желтыми зубами, но Сильвер продолжал лживым тоном:

- Благодарю за разрешение, капитан, - он указал на карту на столе.

- Если взглянуть на обе, то положение становится совсем ясным, и я думаю, что мы не сможем пройти мимо этих укреплений, как какие-то привидения, которых не зрит человеческий глаз.

- Трус! - рявкнул издевательски Флинт.

Сильвер продолжал, как будто был глух, словно пень.

- Значит, высаживаемся на берег сзади укрепления и на рассвете захватываем его. После этого грузим сокровища на суда в порту.

- А сам город, Джон? - спросил Бонс.

- После того, как выведем из строя испанские орудия, мы завладеем большим домом, где или найдем спрятанные сокровища, или ключ к ним, в этом я уверен.

- А если в порту стоят испанские боевые суда? - упорствовал Бонс.

- В этом случае нам никак не загрузить добычу на старика "Моржа".

- Ты прав, дорогой. Но здесь подключается наш приятель француз. Он проходит совсем близко от входа в порт, как будто хочет дерзко войти в него. Этим он отвлекает внимание боевых судов и заставит их выйти из порта, не так ли? А маневрирует он достаточно быстро, чтобы ускользнуть у них из-под носа. Таким образом мы заставим все суда, охраняющие порт, уйти оттуда и ввести "Морж" в порт, как говорится, парадным входом и загрузить добычу.

Бонс одобрительно закивал на предложения Сильвера, а Флинт неохотно сказал:

- Чересчур легкомысленный твой план, но спросим, что ответит команда и что еще скажет этот висельник француз, что тащится у нас в кильватере.

Через двадцать четыре часа предложенный Сильвером план нападения на Санта-Лену был одобрен командами как "Моржа", так и "Жана Кальвина". Осталось только его применить. Тремя днями позже перед заходом солнца "Жан Кальвин", подняв испанский флаг, подошел к проливу и к укреплению, охранявшему проход в порт, и дал по форту бортовой залп. Прежде чем испанские артиллеристы опомнились от неожиданности, "Жан Кальвин" изменил курс, продолжая обстреливать укрепление картечью из кормового орудия.

Трудно вообразить себе панику, поднявшуюся в Санта-Лене. Испанцы решили, что должно последовать нападение с моря, и устали туда подзорные трубы. Один испанский боевой корабль вышел из порта через сорок минут - достаточно быстро для испанцев. Корабль этот был, однако, медлительным двухпалубным галеоном с высоким ютом, и как следовало по его ходу, то ли трюмы его были полны мешками со свинцом, то ли капитан его был мертвецки пьян.

Было просто невероятно, чтобы эта неуклюжая посудина оказалась единственным боевым испанским кораблем в Санта-Лене, а то, что вообще ее выпустили из порта, означало или чрезмерную самоуверенность, или глупость, а может быть, и то, и другое вместе. Но как бы там ни было, вскорости стемнело и во мраке "Жан Кальвин" носился перед галеоном, уводя его все дальше и дальше от порта. Французский пират знал эти места не хуже подходов к Ларошели и в скором времени свернул к берегу на мелководье. Команда непрестанно измеряла дно лотом, и "Жан Кальвин" снова, как змейка, по тесным проходам между отмелями. Испанский галеон сгруппировался, решив продолжать здесь преследование, и около полуночи с оглушительным треском врезался в мель.

Между тем "Морж", оставшийся в открытом море, подошел к берегу и бросил якоря в десяти милях к юго-востоку от Санта-Лены. Берег тут был пуст и необитаем, лес подходил к самому пляжу, а ровная цепь холмов затрудняла обзор с укреплений Санта-Лены. Но тут они обнаружили вытекавший со стороны города ручей, и Флинт решил, что его течение можно использовать в качестве ориентира, чтобы не сбиться с пути.

Билли Бонс остался на "Морже". Флинт приказал ему подойти к Санта-Лене утром следующего дня - по плану считалось, что к этому времени укрепление будет взято штурмом. Сам же он твердо решил возглавить нападающих и поэтому расстался с "Моржом", несколько раз печально взглянув на него, когда лодки отходили от борта.

Сто сорок душ выбралось на пустой берег, на судне оставалось пятьдесят человек. Группа, намеченная для нападения на форт, перешла через ближайший холм, не отходя далеко от ручья. Флинт объявил привал там, где возвышенность кончалась и начиналась ровная заболоченная местность перед самой Санта-Леной. Было уже около девяти часов, солнце сильно пекло, и заросли наполнились криками диких животных. Флинт обернулся к Сильверу, отиравшему пот красным платком:

- Надо оставаться здесь до наступления сумерек. Потом тронемся и на рассвете штурмуем форт.

Сильвер почистил панталоны, запачканные и порванные во время ночного похода, и ответил:

- Ясно, капитан. Ребятам надо отдохнуть перед атакой. Пускай они поспят после обеда, а поднимем мы их, когда стемнеет. Но предлагаю не оставлять их бездельничать до обеда. Тут деревьев сколько угодно, а нам нужны лестницы, чтобы перебраться через стены форта. Если позволишь, я их отправлю на работу:

- Том Морган, вставай! Ты плотник, бери шестьдесят человек и руби деревья на лестницы. Да смотри, хорошо крепи ступеньки, чтобы наш друг Джордж Мерри не упал, не дай бог, когда будет перелезать через стену к идадьговцам. Черный Пес, иди помогать Тому Моргану. Джоб Андерсон, от твоих рук толку мало, выставь повсюду посты. Если кто-нибудь заснет, волоки его прямо к капитану Флинту или ко мне.

Положив легко руку на плечо Пью, он обратился к нему:

- Гейб, ты туда не лезь, без тебя справятся. Подбери себе десяток людей, которые могут бесшумно ходить и молчать, и поймай немного дичи на обед. Но только никакой стрельбы. Одни капканы и ножи.

Пью засмеялся и пальцами сжал шею какому-то воображаемому пойманному животному.

Между тем Израэль Хендс объяснял что-то Флинту, мрачно слушавшему его. Наконец Флинт рявкнул:

- Хорошо, делай как хочешь, но если ничего не выйдет, со мной разговор короткий, сам знаешь!

Хоть и явно неохотно, пираты все же принялись за работу. Солнце стояло высоко, насекомые в болоте кусали и жалили их, как будто имели на то личное распоряжение испанского короля. Джоб Андерсон, бывший на посту в четырехстах ярдах от лагеря, случайно наступил на огромную шипящую змею, но благодаря своему большому весу раздавил ее сапогом.

К обеду Пью и его люди вернулись с пятью убитыми козами, двумя поросятами в одном мешке и с несколькими отчаянно кудахтающими курицами. Они нашли небольшую хижину посреди поляны, где жила одинокая старая индейка. Ее зарезали и оттащили подальше, резонно рассуждая, что известное время никто не найдет ее труп. После этого не составило труда забрать всех животных из нищего ее двора и набрать корзину свежих плодов.

Итак, когда полуденное солнце стало припекать, люди Флинта поели. Затем выставили посты, пираты легли в тень, одни заснули, а другие тихо переговаривались.

Сильвер спал глубоким сном несколько часов. Проснувшись, увидел, что обеденная жара уже спала. Он взглянул на Флинта и увидел его, сидящего вблизи на земле, раздраженного, с красными глазами, прислонившегося спиной к дереву. Израэль Хендс завязывал кусок материи, обвитый вокруг какого-то предмета, большого, как бочонок с солониной.

Флинт заметил, что Сильвер не спит, и дал ему знак подойти. Приблизившись, Сильвер заметил, что Флинт не смыкал глаз весь день и корявое его лицо было уставшим и напряженным от тревоги.

- Ну, Окорок, - молвил Флинт, - думаю, из-за этого набега мое имя войдет в историю, даже если это будет мое последнее дело. Если что, то командовать тебе, так что слушай! В сумерки отправляемся. Я хочу разделить ребят на две равные группы. Я командую нападением одной из них на этот большой дом у порта. Бьюсь об заклад, что это губернаторский дворец. Не иначе как сокровища там, а если и нет, мы спросим, где они, и найдем способ получить ответ. Поскольку никто, кроме тебя, не сможет хорошо командовать группой, веди их штурмовать укрепление. Потом соединяем силы, а Билли Бонс приводит старину "Моржа", чтобы забрать добычу.

- Надо бы подумать и об этом вонючем французе, - добавил Сильвер.

- Да, и о вонючем французе, - передразнил его издевательски Флинт и продолжил: - Раз уж речь зашла о вонючках, возьми с собой Израэля, твоего любимчика и приятеля Пью и его дружка Черного Пса. Я же возьму Андерсона и Моргана, которые не горазды болтать, но хорошо делают, что им прикажут. Что еще спросишь, Джон Сильвер?

Джон спросил:

- А что там Израэль прятал в какие-то лохмотья? Сдается мне, что это подарок губернатору Новой Кастилии.

- Да, подарок, лучше не скажешь, - ответил Флинт. - Мина, чтобы взорвать стену форты. Она откроет тебе дорогу. - Флинт неторопливо поднялся на ноги. - Ну, Сильвер, подъем через полчаса. Смотри, чтобы без опоздания.

Как только стемнело, пираты пошли вдоль русла потока. Путь был тяжел, хотя и стояло полнолуние. В коварной болотистой местности чуть не утонули в трясине два пирата, тащившие тяжелую мину Израэля Хендса.

Флинт, возглавлявший колонну, ругал плохую дорогу и бил плашмя своей саблей всех, кто попадался под руку.

Только благодаря Долговязому Джону Сильверу цепь извозившихся в грязи пиратов не разрывалась. Сейчас его умение командовать пригодилось, как никогда. Он делал все, как бы обуянный каким-то демоном; и действительно, сейчас им владела единственная мысль о сокровищах, собранных в Санта-Лене. Но это было не главной причиной неутомимой его деятельности. В сущности, Сильвер смотрел на нападение на Санта-Лену и захват испанских сокровищ как на свою идею. Насколько он увлекался идеей похода, насколько он убеждал и настраивал пиратов, настолько сильным становилось убеждение, что львиная доля сокровищ принадлежит ему. Когда дело касалось захвата добычи, Джон Сильвер преследовал цель неуклонно, а эта добыча была изумительна, просто сказочна и обещала стократ вознаградить его за все прежние страдания и унижения.

Неудивительно было поэтому, что он напрягал все силы, чтобы достичь успеха в походе за испанским сокровищем. Если какой-нибудь уставший пират в растянувшейся цепи падал, не в силах подняться, Джон возникал перед ним и ободрял его или подбадривал шутками. Один раз Джордж Мерри и беглый раб Джейкоб Вашингтон подрались, но Сильвер мгновенно оказался возле них и, схватив за ворота, втолкнул в цепь пиратов. Пью помогал ему следовать наилучшим путем, избегая опасных трясин.

И так, шаг за шагом, пираты добрались до Санта-Лены.

Они увидели несколько покосившихся хижин, освещенных луной, а немного поодаль - темные силуэты массивных домов.

Флинт объявил привал. Когда люди столпились возле него, он прошептал:

- Вот эта помойка и есть Санта-Лена. Половина из вас, которые последуют за мной, имеют важную задачу захватить дворец губернатора вон там, за этими хижинами возле порта. Мистер Сильвер поведет другую половину штурмовать форт. Когда он им завладеет, то даст сигнал, а я и Билли Бонс и этот пропавший французик уже пойдем, что все в порядке. Сигналом, - продолжал он, - будет знамя с черепом и скрещенными костями. Черный Пес несет его спрятанным на груди. Не вздумай потерять его при нападении! Но, думается мне, этого не случится, потому что он наверняка спрячется где-нибудь, пока остальные будут штурмовать стены. - Черный Пес не знал, куда деваться от этих слов, и спрятался за спины пиратов, сгрудившихся вокруг Флинта.

- Андерсон, Морган, О'Брайен, - продолжал он, - вы идете со мной и моими людьми. - Флинт огляделся с видом крайнего недовольства. - Не наберется и дюжины людей, которые по-настоящему умеют сражаться. Но я уж знаю, что делать, чтобы вы не разбежались по кустам, подонки!

Затем обернулся к Сильверу:

- С рассветом нападаем. Одновременно. Я пошел.

И Флинт повернулся и повел людей в западном направлении.

Сильвер оглядел оставшихся пиратов и скорчил кислую гримасу. Потом, разведя руками, заговорил отечески и ласково:

- Я горжусь, ребята, что сражаюсь вместе с вами. Никогда еще не видел бойцов лучше. Даже покойный герцог Мальборо счел бы за честь вести вас на этот форт! - Увидев, что люди оживились, обласканные его словами, он продолжил: - Этот форт выглядит не больно-то крепким. Честное слово даю, в нем нету ни одного камня, а только бревна, доски и гвозди. Да мы могли бы разнести его на щепки голыми руками! Но, - и он заговорил тихо, доверительным тоном, - наш друг Израэль придумал и сделал кое-что дьявольское, что могло бы превратить в развалины стены Картахины, не то что эту игрушку перед нами. Парни, мы застанем этих испанцев в одних подштаниках, ей-богу. Все вы, как один, разбогатеете, но больше я вам ничего не обещаю. Вот там, - он показал на северо-запад, - находится перешеек, где стоит укрепление. Сейчас идем туда. С рассветом ворвемся в него - и все дела! Я веду одну группу, штурмующую форт, Гейбл Пью - другую. Нужно десять человек помочь Израэлю поднять на воздух стены и орудия этих идадьговцев. Так! Пошли, но бесшумно. У вас будет что порассказать внукам об этом дне, помяните мои слова!

С этими словами он повел людей к испанскому форту. На востоке постепенно начало рассветать.

22. КАК ФЛИНТ ЗАХВАТИЛ СОКРОВИЩА

Люди Флинта начали первыми. Пираты, предводительствуемые Сильвером, находились примерно в пятистах ярдах от форта, когда услышали беспорядочную мушкетную стрельбу и адские вопли, слышавшиеся от губернаторского дворца.

Сильвер тихо выругался, обращаясь к Пью:

- Дьявол их забери, этот упрямый негодник начал слишком рано. Еще недостаточно светло. Вот и рассчитывай на Флинта, да он никого ни во что не ставит!

Затем, подав людям знак, он повел их на штурм форта. К счастью, почва была твердой, большей частью песчаной, поросшей травой и тростником, и почти без камней, которые помешали бы бежать пиратам.

Приближаясь к форту, они развернулись в цепь, а Израэль и его тяжело нагруженные помощники едва поспевали за остальными пиратами. Сильвер предполагал, что испанцы поставят часовых на северной и западной сторонах укрепления, чтобы обезопасить подступы с моря. С радостью он увидел, что ожидания его оправдались, еще когда штурмовая группа приблизилась к южной стене форта, а группа Пью достигла восточной. Испанский комендант явно не предвидел возможности нападения с суши, и первый выстрел из вражеского мушкета сверкнул в сумерках, только когда пираты были в трехстах шагах от форта.

Несомненно, шум у губернаторского дворца встревожил часовых. Несмотря на это, пираты достигли стен форта прежде, чем испанцы успели дать десяток выстрелов, одним из которых был убит на бегу юный негодяй из Норвича.

Задыхаясь после быстрого бега, Сильвер, оглядевшись, увидел, что снаружи форт был окружен оградой из бревен и грубо распиленных досок. В общем, укрепление не производило впечатления массивного, не было даже, насколько Сильвер мог видеть, защитного рва.

Он слышал, как люди Пью ставили лестницы к восточной стене и с криками перелезали через нее. Над его головой послышалась команда по-испански. В двадцати шагах от себя он увидел Бена Ганна, который отходил от ограды, чтобы рассмотреть форт. "Вот ведь дурак!" - подумал Сильвер и гневным жестом приказал ему вернуться.

С каждой минутой становилось все светлее. Слава богу! Наконец-то появился весь в поту Израэль Хендс, помогавший донести к стене мину. Она походила на толстый бочонок для солонины и, вероятно, на самом деле была таким бочонком. Израэль размотал фитиль длиной в шесть футов. Потом крикнул:

- Окорок, зажигаю! Скажи им, пусть отбегут и падают, быстрее!

У пиратов едва хватило времени, чтобы залечь вдоль ограды, когда мина Израэля взорвалась подобно извержению вулкана.

"Чего он туда положил?" - подумал Сильвер. Впоследствии он был готов голову в заклад положить, что в бочонке было не менее галлона любимого рома Флинта, а на фитиль были использованы крепчайшие его ругательства. Во всяком случае, мина свое дело сделала. Песок и обломки досок еще падали вокруг, когда Сильвер вскочил на ноги и повел людей к пролому. Сквозь дым и копоть перед ним, пошатываясь предстал Израэль Хендс с лицом, почерневшим, как у трубочиста, над глазом его кровоточила небольшая рана.

- Маловато сделали, Джон, - хрипло проговорил Израэль. - Этот фитиль сгорел быстрее, чем я думал. - Он махнул кулаком в сторону крепости. - Это ж надо, целый дилижанс можно было бы вкатить через ту дыру!

Оставив Хендса приходить в себя, Сильвер побежал к ограде. Там, где взорвалась мина, зияло отверстие высотой восемь футов и шириной в одиннадцать, окруженное изломанными и обгоревшими досками.

Сильвер проскочил через него с пистолетом в одной и с саблей в другой руке. Где же испанцы? Он споткнулся обо что-то. Это был испанец, вернее то, что от него осталось после взрыва мины Израэля вместе с оградой. Вокруг лежали тела других испанцев, бывших на укреплении, вероятно убитых взрывом.

Пираты столпились вокруг Сильвера. На некотором расстоянии от них люди Пью сражались, стремясь завладеть восточной частью форта. Там были и испанцы - два десятка человек пытались удержать стену. Офицер со смешно встопорщившимся над левым ухом париком сновал между солдатами и беспрестанно кричал приказы. Несколько мушкетных выстрелов сверкнуло с испанской стороны, и Сильвер увидел, как двое из людей Пью упали со стены. Последовали еще выстрелы, и еще один человек с криком упал к ногам испанского офицера.

Сильвер бросился к офицеру. Вдруг какая-то фигура в разорванном мундире возникла перед ним: один испанский солдат, оглушенный взрывом, но достаточно пришедший в себя, попытался ударить его мушкетом. Джон парировал его удар, резко подняв левую руку. Мушкет опустился на нее сверху, и Сильвер ощутил сильную боль. В этот миг щелкнул курок его пистолета, раздался выстрел и испанец упал, схватившись за горло; кровь хлынула между его пальцами.

Сунув разряженный пистолет за пояс, Сильвер замер на миг, оглядываясь. Солнце уже встало, и внутренность форта хорошо была видна. Конструкция его была совсем простой: массивные деревянные стены, выстроенные из тяжелых бревен, завершались высоким парпетом по всему периметру, а со стороны северной стены, глядящей на море, стояла деревянная наблюдательная башня, над которой развевалось имперское знамя Испании. Джон Сильвер заметил, что орудия испанцев были направлены в море, чего и следовало ожидать: это позволяло пиратам действовать в самом укреплении.

Вдруг Черный Пес ударил Сильвера по плечу:

- Джон, там не более тридцати испанцев, но этот офицер, который все кричит и ободряет, стоит их всех.

Сильвер перескочил через умирающего солдата, которого только что застрелил. Как будто предупрежденный каким-то ангелом-хранителем, испанский офицер повернулся лицом к Джону и поднял саблю, защищаясь от атакующего пирата. Сабля Сильвера просвистела в воздухе и ударила об отличный клинок толедской стали его противника. В этот миг Сильвер выхватил из-за пояса незаряженный пистолет и со всей силы бросил его в голову испанца. Офицер вздрогнул и поднял левую руку, чтобы защититься, но в это время сабля Сильвера скользнула мимо руки и ударила офицера в шею. Испанец зашатался и, сохраняя равновесие, сделал несколько шагов назад, все еще держа саблю. Вмиг Долговязый Джон Сильвер налетел на него и снова ударил в горло. Испанец издал глухой стон и почти грациозно упал на землю. После этого испанский гарнизон заколебался, и вскоре солдаты превратились в смешанную толпу, бегавшую взад-вперед, тщетно надеясь скрыться. Люди Пью перевалили через стену с ликующими криками. Менее чем через полчаса форт был в руках пиратов.

Сопровождаемый по пятам Черным Псом, Джон Сильвер пинком отворил дверь наблюдательной башни. Несколько испанских солдат, спрятавшихся там, попадали на колени и с воздетыми руками молили о пощаде.

Одна открытая деревянная лестница вела к вершине башни и, так как ее никто не охранял, через несколько минут Черный Пес сбросил испанское знамя и на его место воздвиг "Веселый Роджер".

- Ну, теперь Билли сразу придет, - сказал Сильвер.

- И француз тоже, если поблизости, - добавил Черный Пес, с усмешкой поглядывая, как знамя с черепом и скрещенными костями развевалось над их головами.

Сильвер направил подозрительную трубу на порт. Семь судов, которые должны были перевезти испанские сокровища через Атлантику, были пришвартованы к причалу, напоминая упитанных коров. По палубам сновали люди, по трапам непрерывно взбирались и спускались фигуры. Вдруг возле Сильвера возник Пью. Бледное лицо его было грязным и окровавленным. Еще не отдышавшись, он сказал прерывающимся голосом:

- Сделали дело, приятель! Не так уж плохо было. Особенно когда ты зарубил этого пропащего испанского офицера. Я прошел мимо него. Он еще стонал, так что пришлось прикончить. Чтобы не мучился.

- Гейб, погляди туда, - отвечал Сильвер, подав ему подозрительную трубу. - Дьявол меня возьми, если они не хотят поднять якоря и уйти из порта! Мы так потеряем сокровища. О чем там думает Флинт, черти бы его побрали! Очень плохо видно. - Он обернулся к Черному Псу: - Доставь мне побыстрее Израэля, даже если его придется нести на руках, как младенца.

Через несколько мгновений Израэль поднялся по лестнице и тяжело оперся о парапет.

- Израэль, - сказал ему Сильвер, - только ты можешь спасти положение. Господь послал тебя во время, дьявол возьми. Возьми да разбросай этих вонючих испанцев по всему порту из их собственных орудий, и побыстрее, иначе - прощай, сокровище! Все наши жертвы при взятии форта окажутся напрасными, если допустим, чтобы добыча ускользнула из наших рук.

Хендс кивнул. Он едва оправился от взрыва мины. Но такого артиллериста, как Израэль, редко можно встретить. Несколькими минутами позже он уже ходил вокруг площадки укрепления, нацеливал орудия на испанцев и звонким голосом давал команды к стрельбе.

Первое ядро просвистело сквозь снасти ближайшего транспортного судна, второе врезалось в причал, и обломки разбитых камней ранили около десяти человек. Ядро за ядром падало меж судов с сокровищем. После того, как Хендс обстреливал порт в продолжение десяти минут, Сильвер взревел:

- Хватит, Израэль! Я не просил тебя топить их! Нам искать золотые в мешках, а не среди водорослей на дне!

Когда Хендс прекратил стрельбу, раздался крик Пью:

- Окорок, "Морж" направляется к входу в порт. Билли увидел сигнал! И француз следует за ним в миле-другой.

Сильвер тихо прошептал:

- Конец. Теперь они у нас в руках. Уйти не смогут. - И продолжал громким голосом: - Гейб, я беру половину ребят посмотреть, что там с Флинтком во дворце губернатора. Ты остаешься в форте. Вместе с Израэлем будьте возле орудий. Да придумай, что делать с пленными, чтобы не было хлопот. Слушай, Гейб, держи и море под наблюдением, чтобы неожиданно не объявились испанские суда. Корабли конвоя могут показаться в любой момент.

Вскоре Сильвер со своими людьми уже проходил вдоль причала. Никакого сопротивления они не встретили: обстрел Израэля рассеял и привел в панику испанских моряков. Огромным усилием воли Джон Сильвер приказал пройти мимо и двинуться к губернаторскому дворцу.

Дворец представлял собой трехэтажный каменный дом в полу миле от порта, в стороне от немощеной дороги, бывшей главной улицей Санта-Лены. Пока пираты приближались к дворцу, проходя мимо пальм и цветущих лиловых и розовых олеандр, Сильвер с чувством облегчения заметил, что Флинт действительно захватил его. Джоб Андерсон и пять-шесть пиратов стояли на страже у парадной лестницы.

Сильвер быстро поднялся по ступенькам и стиснул огромную руку Джоба со словами:

- Джоб, мальчик мой, значит, успешно! Флинт узнал, где скрыто сокровище?

- Было не так трудно, Джон, - отвечал Андерсон. - Этот испанский начальник и его люди спали, когда мы ворвались. Просто толкнули двери ногой и влезли. В кухне две служанки подняли было визг, но Флинт стукнул их по головам, они и умолкли. Одного этого было достаточно.

- Джоб, где Флинт?

- Наверху, пытается этого начальника и его хозяйку, чтобы сказали, где ключи от тайника. Он их связал в спальне. Не удивлюсь, если там пролилась капля-другая крови.

- Да, конечно, ничего удивительного. Слушай, Джоб, у меня для тебя небольшая работа, мальчик мой. Возьми этих негодников, что со мной, и веди их на корабли с сокровищами. Повыкидывай оттуда испанцев и оставь наших парней на всех судах. Если испанцы заупрямятся, руби их. Билли Бонс подойдет через полчаса, а наш приятель француз следом за ним. Скажи Билли, пусть начинает таскать серебро на "Морж" и "Жан Кальвин". Кроме того, скажи, пускай считает, особенно то, что загрузит в трюмы "Жана Кальвина". Все запомнил, Джоб?

Андерсон начал тупо повторять слова Сильвера:

- Слушай, Джоб, у меня для тебя небольшая работа, мальчик мой. Возьми этих негодников, что со мной...

- Остановись, Джоб! Этого достаточно. Иди! Мы с капитаном подойдем немного позже.

Андерсон повел пиратов к причалу, а Сильвер вошел во дворец губернатора, быстро миновал холл и поднялся по широкой лестнице. По всему видно было, что Флинт успел здесь похозяйничать: все гобелены сдернуты со стен, пол покрыт осколками разбитого фарфора, а огромный портрет Его католического величества короля Филиппа V был разрезан острием сабли. Из одной комнаты наверху доносились крики Флинта, тот самый смех, который навевал неприятные воспоминания о захвате дома Дюбуа на Барбадосе много лет назад.

Войдя в спальню, Сильвер увидел, что Флинт держал за горло тридцатилетнюю женщину. Он так сильно тряс ее, что черные волосы жертвы метались из стороны в сторону перед ее лицом. Женщина была одета, как заметил Сильвер, в синюю ночную рубашку, разорванную у шеи.

За спиной молодой женщины стояла позолоченная кровать с балдахином на четырех подпорках, к одной из которых был привязан пожилой мужчина с заостренной пегой бородкой, также одетый в ночную рубашку. Женщина средних лет лежала в его ногах. "Должно быть, его жена", - подумал Сильвер.

Флинт перестал трясти темноволосую женщину и прошипел:

- Где ключи от склада, дрянь этакая? Отрежу тебе все пальцы поодиночке, так и знай. Сожгу твои щеки на медленном огне, ей-богу! Говори, папистская нечисть!

Женщина всхлипнула и отвернулась. Сильвер заметил большие темные глаза и правильный нос.

Пять-шесть пиратов окружали Флинта. Среди них был и Том Морган, задумчиво жевавший табак; сцена, происходившая перед его глазами, смущала его не больше, чем бой петухов.

Внезапно Флинт грубо бросил женщину на пол. Он засмеялся своим хриплым кудахтающим смехом, но в этот момент Сильверу показалось, что Флинт теряет уверенность в себе.

- У вас какие-то затруднения, капитан? - льстиво произнес Сильвер, подойдя к нему.

- А, квартирмейстер, и ты здесь, - злобно ответил Флинт. - Я думал, ты слишком труслив, чтобы рисковать шкурой у губернаторского дворца. Ну, раз ты здесь, заставь этих испанских свиней выложить, где ключи от склада при дворце. Проклятые, они построили его так крепко, что выдержит трехмесячную осаду, а у нас нет пороха, чтобы поднять его на воздух, - сердито сказал Флинт.

- Через час у нас хватит пороха, чтобы поднять на воздух всю Санта-Лену, - спокойно ответил Сильвер. - Но это не имеет значения. Легче будет здесь получить ключи у этих пленников.

- Легче! - завопил Флинт. - Скорее из камня потечет вода, если сдавить его, чем заговорит эта старая ведьма на полу. Почему они не хотят говорить? Почему?

- Вряд ли из-за твоего языка, капитан. Я не знаю человека, который бы говорил любезнее тебя, честное слово.

Флинт взглянул на него, прищурившись, но Сильвер продолжал как ни в чем не бывало:

- Может быть, они не понимают по-английски, ведь это испанцы. Знаю, ты никогда не позволял этому папистскому языку запачкать глотку, потому что имеешь религиозные принципы. Но я малость разбираюсь в их языке, хотя он и оскверняет истинных англичан.

- Давай, болтай по-испански, сэр Окорок, - презрительно ответил Флинт. - А я в это время возьму здесь кое-что. Если не запоют через полчаса, я их зарублю, вот так! - И Флинт с силой ударил саблей по подпорке балдахина на два-три пальца выше головы испанского аристократа, оставив в дереве глубокий след. Человек нервно дернулся и обмяк.

"Потерял сознание, бедняга", - подумал Сильвер.

Флинт повернулся и, стуча сапогами, вышел из комнаты, заревев Моргану и другим, чтобы следовали за ним.

Сильвер остался наедине с женщиной. Она сидела на краю кровати. Он заметил, что она поглядела на него с выражением упорства и отчаяния. Впервые с момента нападения на Санта-Лену Сильвер осознал, что даже при таких обстоятельствах могут существовать и другие чувства, помимо жажды крови и ненависти. Эта женщина совсем не желала помешать пиратам Флинта захватить сокровища. Возможно, это была дочь или невестка бородатого человека, привязанного к подпорке балдахина. Может быть, мертвая женщина на полу была ее мать. Что заставило эту, очевидно утонченную, молодую женщину возбудить гнев и жестокость? Заслужила ли она эти унижения и угрозу внезапной смерти?

Направившись к ней, Сильвер заговорил медленно, с усилием произнося испанские слова:

- Сеньорита, сожалею, что вы пострадали. - Она взглянула на него. На миг, как будто поколебалась, не ответить ли. Затем резко отвернулась и сжала губы, как будто хотела задержать любое слово, способное сорваться с ее губ. Сильвер продолжал медленно, не вполне уверенный, что его понимают. - Зовут меня Джон. Я вас хочу защитить. Но мне надо знать, где ключи. Ключи от... - Он замер на миг. Как по-испански сказать "склад"? Вдруг он вспомнил, как называли склады на плантации Дюбуа в прежние годы. - Депо, - сказал он. Женщина покачала головой. Это могло значить, что она или не понимает по-французски, или не хочет указать, где спрятаны ключи. Сильвер попробовал еще раз, мешая испанские и французские слова: - Если вы не скажете где, капитан вас убьет. Быстро. Сначала вашего отца, как мать. Скоро. - Она вздрогнула. Значит, действительно этот человек, привязанный к столбу, был ее отцом. - Я вас спасать. Вас и ваш отец. Но надо мне дать ключи.

Женщина взглянула на него. Глаза ее были прекрасны, как глаза Аннет. Она безразлично отвечала:

- Нет, вы бандиты. Английские бандиты. Скоро наш флот придет сюда и перебьет вас.

- Ваши корабли далеко. Сейчас наши корабли держат Санта-Лену. Мы захватили ваш флот, и, пока мы говорим, мои люди грузят ваши сокровища на корабли.

- Значит, вы и есть капитан. Это ваши люди?

"Господи боже, - подумал Джон Сильвер, - как ей объяснить, что такое квартирмейстер на плохом испанском и забытом французском?"

Он сказал:

- Я один из капитанов, может быть единственный капитан, которому есть дело, живете вы или умерли. - "Полуправда, может быть, - подумал Сильвер, - но дело сделано".

Она промолчала. С нижнего этажа раздался звон разбитого стекла. Flint обирал дом так основательно, как будто впервые совершал пиратский набег и словно не было в порту никаких судов с сокровищами.

Внезапно женщина отозвалась:

- Если я скажу вам, где ключи, откуда мне знать, что вы защитите меня. Может быть, вы убийца, как и другие, но только говорите так.

Сильвер усмехнулся.

- Имеете право. Но я хоть хочу вас спасти, а не убить. - Он подождал миг, а затем сказал внимательно: - Скоро вернется другой капитан. Этот, с лиловым лицом. И приведет с собой других. Надо поскорее.

Женщина подала ему руку. Зачем? Она схватила его руку, гладкие ее пальцы обхватили его ладонь.

- Даете мне слово, капитан, честное слово, что вы спасете меня?

- Да, сеньорита. Даю вам честное слово, что помогу вам спастись.

- Ключи здесь. Вот.

Она встала и быстро подошла к подпорке балдахина, где был привязан ее отец. Встав на цыпочки, она надавила на один позолоченный шарик среди украшений высоко над головой. Послышался легкий щелчок, и маленькая дверца в несколько дюймов размером открылась.

Сильвер, который был намного выше женщины, подошел к кровати. Правой рукой он залез в тайник. Там были ключи. Он вынул их и пересчитал: на кольце было шесть ключей. Наверное, ключи от склада были среди этой связки.

По лестнице послышался грохот тяжелых сапог и голос Флинта, который ругался на чем свет стоит. Сильвер взял женщину за руку. Кивнув на отца, бывшего еще без сознания, он сказал:

- Сейчас лучше оставить его. Мы скоро вернемся за ним. Сейчас идите за мной. Быстро.

Выйдя на лестничную площадку, они встретились лицом к лицу с Флинтом, шатавшимся у парапета, явно пьяным. Увидя Сильвера с молодой женщиной, он злобно ухмыльнулся:

- Ну что за чудная картинка! Двое влюбленных собираются выпорхнуть из гнездышка. - Навалившись на парапет, он крикнул: - Морган, Дерк, идите сюда, пропащие души, полюбуйте на Окорока и его чудесную новобрачную Донью Марию Свинячий Зад!

"Ну вот и момент, - подумал Сильвер, - вот он! Толкнуть его за парапет и сказать, что он был пьян. Стану капитаном на его место и сверх того возьму его долю сокровища".

Но Flint вновь обернулся к нему, и Джон Сильвер просто заговорил с легким укором:

- Ну как, капитан, малость поутолил жажду, а?

Не успел Flint ответить, как Морган, Дерк Кемпбелл и свора пиратов поднялись по лестнице. Сильвер, взяв инициативу в руки, крикнул:

- Ребята, вот ключи! И эта дама все еще здорова и невредима с пальцами на руках и на ногах и без ран на лице. Можно сразу открывать склад. Идем к складу!

Flint зарычал:

- Спокойнее, квартирмейстер! - и выхватил ключи из руки Сильвера.

- Я хочу взглянуть на склад. А ты спускайся и позаботься доставить все на суда. И заведи Донью Марию Свинячий Зад, иначе ей перережут глотку, если будет здесь вертеться.

Молодая женщина ответила с достоинством:

- Донья Изабелла Фабиола Анна Мендес ла Лагуна. - По ее лицу было видно, что она обижена.

- Пошла к дьяволу! - резко крикнул Флинт и отправился вниз по лестнице, едва не упав головой вперед на последних ступеньках.

Сильвер повернулся к донье Изабелле и сказал на своем неуклюжем испанском:

- Сеньора, прошу вас, идите и оденьтесь. И возвращайтесь как можно скорее.

Через десять минут она вернулась вполне одетая вместе с отцом, которого привела в чувство и освободила. Сильвер обратился к ней со словами:

- Теперь я отпущу вас обоих. Но не здесь, тут слишком опасно. Пока я поведу вас, как пленников.

Женщина кивнула и улыбнулась. Как быстрота, с которой она все поняла, так и явное ее доверие к нему, понравились Джону. Он быстро связал ей руки за спиной, затем также связал ее отца. Дал им знак следовать за собой и вывел из дворца. По пути к порту Сильвер настиг Тома Моргана с группой пиратов, переносящих мешки и ларцы.

- Здравствуй, Том! Как погляжу, Флинт успел использовать ключи. Ну, что там, мальчик мой?

Морган остановился и поднял мрачный взгляд на Сильвера. Все его лицо было в поту.

- А зря ты насмехаешься над капитаном, Джон Сильвер. Он прямо чует, где добыча. Склад очистили, взяли все. Это дело, - он указал на сундук, - большая часть добычи. Драгоценные камни, топазы, изумруды и что там еще, большей частью в брошках и браслетах. Ну и не только камни, там есть пиастры и другие деньги в этих мешках.

- Отлично, Том Морган, ты всегда молодец, только примешься за серьезную работу. Присмотри, чтобы уложили и сделали все, что надо. Ну, ступай, мальчик мой. А я пока отведу этих пленников на "Морж". Может, они нам пригодятся, как заложники, до отплытия.

Морган кивнул. "В сущности, не понял, что ему сказали", - подумал Сильвер.

После этого пират нагнулся, поднял сундук, окованный тремя железными обручами, и пошагал к порту.

Поблизости не было видно никаких испанских солдат. Окрестности были пусты, только отдельные группы пиратов переносили добычу. Вдруг отец доньи Изабеллы громко вскрикнул. Старец глядел в сторону дворца и сердито говорил что-то дочери. Сильвер обернулся и увидел густой дым, выходящий из окон верхних этажей губернаторского дворца, как из действующего вулкана. Значит, Флинт вернулся во дворец. От деревянных домов, сгрудившихся возле порта, также валили клубы дыма. В скором времени Санта-Лену ждала судьба десятка других городов, попавших в руки Флинта, - разграбленных, опустошенных и, наконец, сожженных.

Если Сильвер желал освободить пленников, то надо было делать это сейчас! Ветер поднимал густые облака дыма, скрывавшие его от порта. Сильвер развязал руки донье Изабелле и быстро повел ее в сторону от порта, пока ее отец поспевал за ними, кашляя от густого дыма.

Прошли меж двух горящих домов. В одном, как заметил Сильвер, была бакалейная лавка. Двери ее были разбиты, деревянные ставни на окнах висели криво, и перед входом виднелась согнутая вдвое человеческая фигура, левая рука которой была загнута за спину и сломана. Далее виднелись другие деревянные дома, за ними индейские хижины, а затем начинались кустарники джунглей. Несомненно, уцелевшие от пиратского набега жители искали себе убежище там, в чаще кустарника, где надеялись, что никто их не найдет.

Сильвер прошел еще десятка два шагов. Затем остановился и обернулся к женщине:

- Скрывайтесь в джунглях. Там вы будете в безопасности. - Но что с ней произошло? Ее отец быстро направился к кустарнику. Сильвер обратился к ней, на сей раз грубо:

- Ну, ступайте! Или вам хочется быть убитой?

Что было нужно этой женщине? Она схватила его за рубашку, заплакала и заговорила так быстро, что он едва ее понимал:

- Я пойду с вами. Да, хочу пойти с вами на корабль! Ты капитан! Ты сильный! Ты меня спасешь. Я буду служить тебе. Да, я буду тебе служить и буду верна!

Смущенный Джон отвечал по-английски:

- Нет, это невозможно, сеньорита. Ну, ступайте же.

Женщина, явно поняв его, отвечала:

- Нет, я в самом деле пойду с вами. Моя мать мертва. Отец мой... - Она безразлично пожала плечами. - Может быть, умрет через три года. От лихорадки. Здесь. Ненавижу это место. Я пойду с вами. Стану твоей женой.

Она снова заплакала и, без всяких задних мыслей, Сильвер обнял ее. Сейчас он был в затруднении. Как взять ее на корабль? Флинт никогда не допустил бы этого. Билли Бонс тоже. Сначала надо было убить Флинта. Убивать его ради этой незнакомой женщины... А в это время его ждет испанское сокровище. Предстоит разделить его. Просто смешно. А может быть, Флинт убьет его? Кроме того, надо подумать и об Аннет. Конечно, Аннет далеко. А испанцы? В любой момент может налететь целая орава галеонов. Они окажутся как в капкане, в этом тесном порту без возможности отступить куда-либо, кроме как в джунгли к диким индейцам. Славный будет конец.

Вдруг он заметил, что слезы женщины намочили ему рубашку.

- Ну, хватит! Убирайся! - заорал Сильвер.

Вдруг в нем вспыхнула ненависть, равная жалости, которую он только что к ней испытывал. Он схватил ее за плечи, повернул к джунглям, где скрылся ее отец, и толкнул вслед.

Облака дыма накрыли его, и на миг она скрылась от его взора. Сильвер услышал, как она кричала, пока он быстро бежал среди клубов дыма к порту.

То ли из-за этого крика, жалкого и отчаянного, то ли из-за тяжелого запаха гари - он и сам не понял, - что-то в нем дрогнуло, его пробрал озноб, и он обозлился.

23. КАК БЫЛИ ЗАРЫТЫ СОКРОВИЩА

Билли Бонс в ярости замахнулся кулаком на Джона Сильвера, когда тот подбежал к концу причала, где был пришвартован "Морж". Множество пиратов спешно сновали по причалу и грузили сундуки с серебром. Сильвер обрадовался, завидя, как Джоб Андерсон заставил и каких-то испанцев помогать им - бежал за ними и колот пикой.

Отчего же тогда Билли разбушевался? Пока все идет как по маслу. Сильвер остановился перевести дух. Все были заняты работой, и даже имелся какой-то порядок. Покачив головой, он медленно направился к "Моржу". "Всю жизнь дивиться буду, как эти испанцы оставили столько золота и серебра в Санта-Лене без сколько-нибудь серьезной охраны", - подумал он. Все это происходило из-за обыкновенной неразберихи: вице-король Новой Кастилии вряд ли когда-нибудь знал, какие планы имел вице-король Новой Испании. В каких-то портах боевые корабли стояли на якорях, не имея экипажей, в то время как пираты опустошали целые побережья Карибского моря. Колонии приходили в упадок, потому что губернаторы возлежали на лаврах и редко имели представление о реальном положении вещей.

Джон, направившись к Бонсу, заметил поблизости Тома Моргана, бросившего на него беглый взгляд. Джон воскликнул:

- Здорово, Билли, вот это, называется, дело! Так воруют в Бристоле.

- Лучше сойдем в капитанскую каюту, Окорок. Надо поговорить, - гневно ответил Билли.

Войдя в развороченную, пропахшую ромом каюту Флинта, Билл с искаженным от ярости лицом набросился на Сильвера.

- Где эти заложники, о которых говорил Том Морган? Где Флинт, черти бы его побрали? И с чего это ты помешался на дочери какого-то идалго, как я слышал? Наверное, думаешь, что добыча сама пойдет по морю, а тащить ее будут ангелочки с розовыми крылышками! Мы пропустим прилив, если не загрузим сокровища до двух часов. Этот француз уже так набил корабль золотом, что "Жан Кальвин" лопается по швам. Там-то капитан исполняет свой долг, а наверное, и квартирмейстер!

- Спокойнее, Билли, ты хочешь все уничтожить одним залпом! Легче, приятель, стрелять из орудия по каждой цели отдельно. Так что объяснимся по-хорошему. - Бонс холодно кивнул и Сильвер продолжал: - Перво-наперво, Флинт скоро сюда дойдет. Но будет он трезвый или нет, это другой вопрос. Во-вторых, я тут не стоял сложа руки. Мы с Пью захватили этот форт и расчистили тебе путь, так что можешь сюда входить, как на Мадагаскаре. А что касается дочери этого идалго, то лопнуть мне, если она не отдала мне ключи от склада. Не думаешь же ты, что я добился бы этого, если бы не предрасположил ее малость приятной беседой? Другие жалобы есть, Билли? Ну, спрашивай, если только хочешь и знаешь, о чем?

- Где сейчас эта грязная испанка? - грубо спросил Бонс. - Где ее отец? Откуда мы знаем, может быть, они потребуются нам как заложники, если испанцы нас где-нибудь встретят? Или даже как люди, знающие эти места. Кто тебе дал право их отпустить? Я, первый помощник и навигатор, правая рука Флинта, так тебе скажу: не согласен я, что ты их отпустил. Много себе позволяешь, Джон Сильвер, так и знай!

"Не в себе от злости", - подумал Сильвер и благоразумно ответил ему:

- Прав ты, Билли, понимаю. Умная ты голова, я всегда это говорил. Но в этом деле, скажу тебе, старик на ладан дышит, а дочь его совсем спятила - воеет, кричит, страшно поглядеть. Не думаю, что от них будет большая польза, и вряд ли они сделают дело для капитана в этом состоянии, да и наверное, оба уже погибли.

Наступила долгая пауза. Наконец Бонс медленно и многозначительно произнес:

- Дьявол тебя возьми, Джон, ну ты и красноречивый негодяй! Не могу я тебя понять, так и есть! - Затем взглянул Сильверу в глаза и тихо прошептал: - Иногда я проклинаю день, когда покинул Коннектикут.

- Ну, ну, Билли! Как же нам без тебя? Слушай, ты меня поставил на место, вот и все. Каждому с полу взгляда видно, каково тебе здесь управляться со всем одному. Ну, вот, я здесь, все в момент загрузим на корабль. Можешь рассчитывать на меня, приятель. - Снаружи послышался какой-то рев: кто-то то ругался, то затыкал песню. - Вероятно, Флинт возвращается, - сказал Сильвер с кислой физиономией. - Еще одна причина, чтобы взяться за погрузку добычи.

Бонс кивнул в знак согласия и принялся разглядывать карту, оставленную на столе.

Флинт, влекомый Дарби Макгроу, спотыкаясь, миновал Сильвера, продолжая с каким-то сатанинским восторгом орать песню.

Глядя, как верный Дарби тащит Флинта на корму, Сильвер размышлял о создавшемся положении. Капитан всецело предавался любимому своему рому и напивался все быстрее и быстрее. Если Флинт умрет с перепоею, что было возможно, пиратам надо было выбирать, кто станет капитаном - он или Билли Бонс. А разве Билли не делает все с умом? Разве этот взрыв сейчас не был им продуман раньше? Он попросту попытается поставить Джона на место, дьявол его возьми! Ну, это будет не так-то просто. Сильвер знал, что он намного хитрее Билли. А кроме того, и сильнее. Сильнее и хитрее! Именно это имело значение. Уже следует быть осторожным с первым помощником Бонсом. Раньше оба они понимали и поддерживали друг друга. Сейчас положение изменилось. Возможно, он больше не мог положиться на Билли, но и Биллу не следовало ему доверяться.

Вот так, на гребне наивысшего их успеха, приятельские отношения между Джоном Сильвером и Билли Бонсом остыли, и между ними возникло такое соперничество, которое обещало привести к непредвиденным последствиям. У Сильвера не было времени много размышлять на эту тему в Санта-Лене. Прежде всего надо было разгрузить суда с испанскими сокровищами. Только четыре из семи транспортных кораблей были заполнены драгоценными металлами. Очевидно, испанцы предполагали доставить еще серебра и золота из внутренних частей страны, прежде чем конвой отплынет. К этому требовалось добавить содержимое склада в порту, очищенного Флинтом. И несмотря на это, добыча была потрясающей. Радостная улыбка появилась на лице Сильвера.

Вместе с золотом и серебром, уже погруженным на "Жан Кальвин", пираты захватили сто десять мешков золота, больше четырехсот мешков серебра, пятьдесят три сумки чеканной монеты. Кроме того, было две корзины драгоценных камней, усыпанного драгоценными камнями и окованного серебром оружия и всякая другая добыча со склада. Никто из пиратов не допускал, что существует такое богатство, а тем более что оно может быть собрано в одном месте и при этом принадлежало им.

Нелегко было загрузить все на борт "Моржа". Даже могучие пираты, вроде О'Брайена, едва носили по два мешка серебра. Наконец сокровища загрузили, но Билли Бонс пропустил прилив, потому что последние сундуки были убраны в трюмы через два-три часа после захода солнца.

Между тем Флинт протрезвел и начал бродить по кораблю, приписывая себе успех набега; он рассказывал всякому, кто готов был его слушать, рассказы о своей храбрости и присутствии духа. Большинство пиратов, вымотавшихся за день, спали непробудным сном, не обращая никакого внимания на байки Флинта.

Незадолго до рассвета Сильвер послал Пью и Израэля Хендса привести людей из форта. Получасом позже пираты явились и разразились радостными криками, завидя добычу в трюмах "Моржа".

На заре, когда "Морж" по высокой воде вышел из порта, развалины Санта-Лены еще тлели в полумраке. С обычной своей маневренностью корабль обогнул песчаную косу с укреплением и быстро вышел в открытое море. Двадцатью минутами позже и французский корабль отошел от причала. Пираты договорились, что оба судна будут идти друг за другом, пока не достигнут подходящего места, где можно бросить якоря и разделить сокровища.

Хотел ли французский капитан попытаться уйти от Флинта, выйдя в открытое море, никто никогда не узнает, потому что в тот момент, когда "Жан Кальвин" проходил мимо форта, два из тамошних орудий открыли по нему огонь. Очевидно, Израэль Хендс пропустил их, взрывая все испанские орудия, прежде чем оставить форт. Возможно, тут сыграл роль открытый испанский склад с припасами, потому что пираты, оставленные в форте, скоро начали пировать и выпили все вино, которое нашли в складе.

Как бы там ни было, испанские артиллеристы успели дать несколько залпов по тяжело нагруженному и неповоротливому французскому кораблю. Впервые с момента захвата форта и губернаторского дворца испанцы вновь начали борьбу, и стрельба их была особенно точной, потому что они просто стреляли в упор. В первую же минуту "Жан Кальвин" потерял бизань-мачту, и вскоре после этого рея главного топселя с треском рухнула на палубу. Чудом французский пират медленно и с огромным усилием успел оттянуться от укрепления, удирая, как больной лондонский нищий, пытающийся скрыться от уличных мальчишек, преследующих его и швыряющих в него камнями.

Едва "Жан Кальвин" оторвался, Флинт послал Бонса и Сильвера в большой шлюпке с "Моржа" установить, насколько пострадал французский корабль. Сильвер едва ступал по окровавленной и покрытой трупами палубе. Мертвые и умирающие пираты были свалены ужасной кучей. Французский капитан испустил дух вскоре после того, как Бонс и Сильвер поднялись на борт "Жана Кальвина"; больше половины моряков были перебиты или утонули. Уцелевшие пираты воздвигали аварийную мачту на месте рухнувшей бизани, а другие отчаянно работали на помпе, откачивая воду, хлынувшую через две пробоины ниже ватерлинии.

Сильвер сразу приказал шести морякам, прибывшим с ними на французский корабль, начать откачивать воду из трюма.

Через некоторое время Билли Бонс отвел Сильвера в сторону:

- Окорок, так это дело не может продолжаться, - сказал он. - Предлагаю захватить эту посудину. Если не сумеем, добыча пойдет на дно еще до темноты.

- А что скажут на это французы, Билли? Поклонятся и с улыбкой промолвят: "Merci beaucoup, капитан Флинт", так, что ли?

Бонс нахмурился.

- Да я бы их перебил, прежде чем они поймут, в чем дело. Порубать их всех - и сокровища спасены.

- Пустые слова, Билли. Кроме того, гнусное это дело. Я бы глазом не моргнув перебил целую ораву идальговцев, если бы на нас напал испанский фрегат. Но это дело мы обделали заодно с этими французами. Мне кажется, надо им помочь, а не перебить, как цыплят!

- Ну, ты само милосердие, Джон Сильвер, - язвительно ответил Бонс. - Кажется ошибкой, что ты стал джентльменом удачи, так я думаю. Тебе быть каким-нибудь ангелом. Ты хорошо знаешь, что и Флинт думает, как я.

- Что ж, Билли, в тебе, правда, много жестокости. И, хотя мы оба говорим по-английски, нам трудно договориться, потому что ты был и остаешься янки, а у вас другие правила и привычки. Но уж раз вспомнили Флинта, то ты мне напомнил наш долг перед ним. Пойдем потолкуем с капитаном. Он разберет это дело, когда будет трезвым. Мы с тобой, как два конца, связанные узлом, и, может быть, капитан сможет нас развязать.

Оставив несколько пиратов на "Жане Кальвине" в помощь работающим на помпе, Бонс и Сильвер прогрести несколько кабельтовых до кормы "Моржа".

Флинт растерялся, когда узнал о положении на французском корабле. Поэтому он решил закрыться в своей каюте, чтобы "малость поразмышлять спокойно", как он выразился. Вряд ли его размышления были, однако, спокойными, поскольку из каюты доносились страшные крики капитана, адресованные Дарби Макгроу, который, будучи немым, вообще не был в состоянии ему ответить.

Так или иначе, но затворившись с единственным человеком, которому он доверял, Флинт принял судьбоносное решение направиться на остров Кидда. Там, объяснил он, можно было подремонтировать французский корабль, если это вообще возможно, а кроме того, решить, что делать с сокровищем, погруженным в трюмы обоих кораблей.

Остров Кидда был назван по имени одного знаменитого пирата, который тут вытягивал свой корабль на берег, чтобы почистить дно, обросшее ракушками. Время от времени и Флинт приходил сюда с той же целью. Это было оторванное от мира место, отдаленное от оживленных торговых путей в Карибском море и потому весьма подходящее для пиратов убежище, в котором всегда можно было отдохнуть и укрыться. Кроме нескольких коз, животных на острове не было, только с деревьев доносились крики тропических птиц и ярко окрашенные бабочки летали между ними. Остров зарос лесом. В подножьях холмы имели странную форму, а самый высокий назывался Подзорной Трубой. Хотя климат острова Кидда был достаточно хорошим, от болот и трясин исходило зловоние, предвещающее лихорадку и другие болезни.

"Морж" вошел в северный залив, взяв поврежденный французский корабль на буксир. После того, как осмотрели "Жан Кальвин", мнение Флинта, что того следовало просто вытащить на берег и оставить гнить, подтвердилось. Но перед этим с него сняли все сколько-нибудь ценное, вместе с добычей, а затем оставили на берегу. Затем разгрузили "Морж", которого решили вытянуть на берег и очистить дно, а сокровища Санта-Лены были

заботливо разобраны и рассортированы на кучи золотых слитков, серебряных слитков и монет. Было также и много оружия, часть которого была искусно разукрашена и покрыта драгоценными камнями.

Пока пираты были заняты очисткой дна "Моржа" от ракушек и водорослей, Сильвер отвел Флинта в сторону.

- Капитан, - сказал он, - положение аховое, только такой дока, как ты, сможет разобраться, честное слово. Если загрузить "Морж" всей добычей вместе с золотом от "Жана Кальвина", при первой же буре корабль развалится. Настолько он перегружен. "Морж" будет таким тяжелым, что испанцы его нагонят даже на обыкновенной лодке.

- Вот, - мрачно ответил Флинт, - еще повод, чтобы разгрузить "Морж", выкинув этих проклятых французов в море, а затем поделив и их долю сокровища.

- Будем справедливыми, капитан, - сказал Джон, - это они привели нас в Санта-Лену, и многих из них уже нет. Даже их капитан был убит при обстреле из форта, как знаешь. Я бы предложил кое-что другое: давай зароем большую часть сокровищ здесь и, вернувшись с двумя-тремя крепкими судами, спокойно перевезем их домой.

- Ага, - ответил Флинт, - и конечно, ты будешь знать, где оно зарыто. Ничего удивительного, ты ведь готовишься стать капитаном после меня.

Сильвер напряг все силы, чтобы скрыть раздражение, и наконец безразлично произнес:

- Нисколько, капитан. Я действительно не хочу этого. Вполне естественно, зарывать сокровище будешь ты, может быть пять-шесть душ тебе помогут. Давай вечером предложим людям тянуть жребий, кому тебя сопровождать. Но сначала с твоего разрешения я спрошу ребят, согласны ли они.

Итак, в тот вечер, когда пираты ужинали возле костров и с аппетитом ели жареное козье мясо, запивая глотками рома, Сильвер обратился к ним.

Он превзошел самого себя. Такую зажигательную речь можно услышать разве что из уст проповедника или верховного судьи. И хотя многие пираты, подстрекаемые Джорджем Мерри, который из-за пары пенсов мог удушить собственную мать, вначале решительно не хотели даже на время расстаться с сокровищами, но и они не устояли перед красноречием Долговязого Джона Сильвера. Особенно убедительным был конец его речи:

- Парни, я горжусь вами, - воскликнул он. - Капитан, да хранит его Бог, и тот гордится вами. Не хочу видеть вас подвешенными за руки в какой-нибудь камере пыток, чтобы это время черные дьяволы в рясах отрезали вам срамные части! Даже и тебе, Джордж Мерри, это бы не понравилось. Нет! То, что нам нужно, так это забрать добычу невредимой, даже если для этого необходимо больше времени. И таким образом у вас будет достаточно денег, чтобы разъезжать по Гайд-парку в каретах или жить на Мадагаскаре, как турецкие султаны с десятком жен. Парни, поймите, другого выхода нет!

И на том он начал голосование. Большинство пиратов согласилось с доводами Сильвера и принялись тянуть жребий, чтобы участвовать в опасной задаче помочь Флинту зарыть сокровища.

Наконец шестеро вытянули жребий, хотя и не были совсем уверены, что им сильно повезло. Между тем два десятка пиратов, возглавляемых Сильвером, сложили слитки золота, почти половину серебра, сумы с пиастрами и самое дорогое оружие в крепкие сундуки. Остальное серебро было упаковано, чтобы сложить в трюмы "Моржа".

Пью долго глядел на сундуки - они представляли собой богатство стоимостью около семисот тысяч фунтов.

На рассвете загрузили сундуки в две большие шлюпки "Моржа". Тяжело груженные, те осели настолько глубоко, что в любой миг самое легкое волнение могло их потопить. После этого моряки, выбранные зарыть сокровища, отгребли от берега, причем Флинт был на руле одной лодки, а высокий и веселый рыжий моряк по имени Аллардайс - на руле другой. Лодки уже отправились в путь, когда Сильвер резко повернулся к остальным пиратам, устремившим к нему взгляды:

- Ну, ребята, - заговорил он с притворным благорасположением и доверием, - теперь все в руках Флинта. Судьба наша в его руках. Ну-ка, сейчас починим "Морж", хорошо его почистим и спустим обратно на воду. Потом загрузим оставшуюся часть сокровища на корабль, все приготовим к отплытию, пока Флинт и другие не вернулись. Ну-ка, поживее. Не пройдет и шести месяцев, как мы вернемся и выроем сокровища.

24. ПОТЕРЯ "МОРЖА"

После того, как Флинт со своими людьми ушел зарывать сокровища, пираты закончили подготовку к отплытию и проводили время, развалившись в блаженном безделье на палубе "Моржа" или бродя в лесу.

Сильвер, не предаваясь ни безделью, ни пьянству, несколько раз сходил все же на берег, стараясь далеко не отходить от места стоянки "Моржа" - боялся, что Флинт вернется и отплывет, не дожидаясь его. Однажды он осмотрел воздвигнутый лет двадцать тому назад людьми Кидда деревянный форт. Как укрепление, так и частокол, окружавший его, были еще в хорошем состоянии. В другой раз, в компании с Джобом Андерсоном и почтительно державшимся Бенном Ганном, которого он взял носить мушкет и еду, дошел до вершины Подзорной Трубы. Оттуда Джон мог видеть на юг до мыса Холбуолайн и холма Бизань-мачты и на юго-восток до острова Скелета.

Но мысли о Флинте и сокровищах никогда не оставляли его. Не родился еще тот дурак, который бы доверился Флинту и шайке пиратов, единственных, знавших место, где зарыт клад. Но все же Флинт был не один - это давало некоторую гарантию от коварной измены - вряд ли все они могли сговориться обмануть других. С другой стороны, однако, награда за такую измену была огромна - более семисот тысяч фунтов - и могла бы ввести в соблазн самого архиепископа Кентерберийского.

Сильвер понимал, что и другие пираты таили в себе те же мысли. Билли Бонс наливался ромом намного больше обычного и непрестанно горланил "Пятнадцать человек на сундук мертвеца", а всполошенные попугаи разлетались, издавая тревожные крики. Израэль Хендс все время вслушивался в плеск волн, пытаясь различить звуки, издаваемые веслами при гребле, а Пью то и дело ломал от беспокойства свои длинные белые пальцы.

Миновало пять дней, и в десять утра шестого на палубе "Моржа" началась суматоха.

К кораблю шла маленькая лодка. Скоро пираты увидели, что в ней был только один, неуклюже управлявшийся с веслами человек; никого другого не было видно.

Все напрягали глаза, пытаясь разглядеть гребца, что было трудно из-за спящего солнца. Вдруг Пью вскрикнул:

- Боже праведный, да это Флинт!

- А где другие? - спросил Билли Бонс. Он тяжело оперся о релинг и наклонился, как бы для того, чтобы увидеть пропавших пиратов.

- Ну, в скором времени мы это выясним, - мрачно заметил Сильвер. Он обернулся к Бонсу:

- Билли, ты не знаешь, если ли у Флинта карта этого острова? И если есть, то где она?

- Насколько я знаю, нет, - ответил Бонс. - Все у него в голове.

- В таком случае эту голову надо беречь, - промолвил Долговязый Джон.

Тем временем Флинт подвел лодку к "Моржу". Привязал ее концом, сброшенным сверху Черным Псом, и с трудом поднялся на палубу.

Когда Флинт появился, шатаясь, на палубе в испачканных панталонах, разодранной рубашке и с окровавленной повязкой вокруг головы, пираты угрожающе обступили его.

Джон Сильвер глубоко затынулся, и дым из трубки поплыл прямо к качающейся перед ним фигуре, походившей на грешную душу, только что сбежавшую из самого ада.

- Ну, - начал Джон дружелюбно, словно бы спрашивая, сколько времени, - а где остальные ребята, капитан?

Флинт взглянул на него налитыми кровью глазами. Испитое лицо его исказилось злобой.

- Мертвы, - прохрипел он. - Все мертвы, все до единого горят в пекле, подлые предатели!

И с этими словами, шатаясь, он проследовал к своей каюте, опираясь на Дарби Макгроу, озабоченно лопотающим что-то.

Как и следовало ожидать, Сильвер и другие главари последовали за Макгроу. Войдя в каюту, они увидели, как Флинт рухнул на койку. Из рваной раны на голове сочилась кровь.

- Рому, Дарби, - еле слышно прошептал Флинт. - Дай мне рому. И в тот же миг потерял сознание.

Бонс с руганью захлопнул двери каюты перед пиратами, столпившимися поглазеть на капитана.

- Ну, парни, - сказал он, - не развеял же Флинт все доллары по ветру. Этот остров слишком велик. Если капитан отдаст концы, все кончено. Как мы найдем, где все спрятано?

- Спокойно, Билли, - сказал Джон Сильвер. - Во всем нужен порядок. Служба есть служба. Израэль, покличь этого балбеса американского лекаря, который думает, что много знает. Надо думать, он отыщет какое-нибудь латинское словечко, составит снадобье, а то и пустит Флинту кровь, самую малость, разумеется. Бонс, выйди на палубу и прикажи этим ублюдкам заткнуться. Скажи им, что капитан уже оправился. Выдай им дополнительную чарку рома, ты знаешь, как это наладить.

Андерсон неторопливо повернулся, чтобы выйти из каюты.

- Слушай, Джоб, - крикнул Сильвер ему вслед, - если Джордж Мерри или кто другой начнет болтать об измене, предложи им изложить все мне или Гейбу. Уверен, что это заставит их заткнуться.

- Ты прав, Окорок, - ответил Андерсон, - но Флинт еще не оправился. А может и умереть.

- Джоб, - сказал Сильвер, - наше с Билли дело - думать, твое - орать и ругаться. Давай, принимайся за работу.

После того, как Андерсон вышел из каюты, Сильвер обратился к остальным главарям:

- Лучше всего покинуть остров Кидда и отправиться на Нью-Провиденс. Здесь еще прольется кровь и ребята поднимут бунт. Пока что, мне думается, мы владеем положением. Надо поднять якоря. Сейчас прилив и попутный ветер. Мы с Билли останемся приглядывать за стариной Флинтом и за тем, как его лечат, храни его Господь.

Пью, Израэль, Черный Пес, Том Морган и остальные главари, однако, не тронулись с места. Разъяренный, что с ним бывало редко, Сильвер набросился на них:

- Вон отсюда, идиоты этакие! Иначе я сейчас погляжу, какого цвета ваши внутренности! - заорал он. Когда все, толкаясь, выскочили на палубу, он нагнулся, чтобы рассмотреть вблизи рану Флинта. Дарби уже обтер кровь чистой тряпицей, и глаза его наполнились слезами. Сильвер выпрямился и почесал затылок.

- Билли, - сказал он, - надо заставить Флинта выложить, где зарыто сокровище. Тебе случалось чертить карты. Набросай план острова и, когда капитан придет в сознание, пусть обозначит место крестом на карте, так что мы с тобой будем знать, где оно.

В этот момент в каюту изящной походкой вошел американский хирург Адамс, неся с собой повязки, тазики, скальпели и другие инструменты. Долговязый Джон, внимательно за всем наблюдавший, кивнул Бонсу, когда "Морж" начал покачиваться, - признак того, что корабль уже в открытом море.

Плаванье к Нью-Провиденсу оказалось для Джона Сильвера сущим кошмаром. Флинт то бесновался и сыпал ругательствами, то на целые дни впадал в беспамятство. Как ни пытался Джон, он не сумел заставить больного сосредоточиться настолько, чтобы тот смог обозначить место, где было зарыто сокровище. Впрочем, Флинт ни при каких обстоятельствах не открыл бы так просто эту тайну Сильверу. Пираты, в свою очередь, были очень

непокойны и подозревали всех и вся в предательстве. Приказы исполняли неохотно и на работу глядели сквозь пальцы. Они в открытую говорили, что тут что-то неладно, что их хотят лишить законной их доли испанского сокровища, зарытого на острове Кидда. Хотя Билли Бонс и напоминал им об огромной добыче и полных мешках золота и серебра в трюмах, они продолжали выражать недовольство.

И ничего удивительного в том, что испанцы застали пиратский корабль врасплох. "Морж", огибавший рифы близ Флориды менее чем в двухстах пятидесяти милях от Нью-Провиденса, дерзко поднял "Веселый Роджер". Сильвер находился в каюте Флинта, пытаясь исторгнуть из него хоть какое-то осмысленное слово. С тех пор как пираты покинули остров Кидда, он проводил долгие часы в бесплодных попытках узнать тайну Флинта, и, может быть, это и стало первопричиной ослабления дисциплины на корабле.

Так или иначе, но наблюдатели не были поставлены, а все свободные от вахты пираты дремали или играли в кости по палубам.

Из-за этого опасность заметил первым рулевой, когда испанец был уже довольно близко. Он резко завертел штурвал, отчего "Морж" сильно свернул вправо, и закричал:

- Испанский галеон по левому борту!

Сильвер, услышав тревожный крик, внезапно отпустил руку Флинта. Костяшки пальцев больного застучали по полу каюты. В тот же миг Джон очутился на палубе. Билли Бонс уже впился глазом в подозрительную трубу.

- Только бы не тяжело вооруженный галеон, Билли, - молвил Джон.

- Последнее время в Карибском море испанцы заменяют их на более быстрые фрегаты, но с теми нам еще можно потягаться, даже несмотря на добычу в трюме, если, конечно, иметь везение и умело маневрировать.

Бонс выругался:

- Вооружен до зубов! Две орудийных палубы, черти бы его взяли. По сорок орудий с каждого борта.

Израэль Хендс приблизился, мотая своей большой круглой головой, как будто надеясь, что ром вытечет у него из ушей. До него донеслись последние слова Бонса.

- Сорок орудий! - сказал он, трезвея на глазах. - Да он нас просто сдует с воды, ей-богу, прямо так и сделает!

Джон Сильвер схватил его за правое ухо:

- Мне твои присказки без надобности, Израэль! Пусть твоя башка переполнена ромом, это меня не волнует. Продери глаза, полей голову холодной водой и лучше целься. Ну, пошел вниз, живо!

Куда направлялся галеон? Он изменил курс и пошел на сближение. То ли из-за огромной его парусности, то ли из-за благоприятного ветра, но расстояние между кораблями непрерывно уменьшалось.

Пью нервно облизал губы.

- Все пропало, - сказал он Сильверу, и впервые в его голосе слышно было что-то вроде робости. - Как будто громадное облако затеняет солнце. Для нас все кончено, Джон.

С орудийной палубы грохнул одиночный выстрел.

- Явно это Израэль пристреливает дальнобойное орудие, - мрачно заметил Бонс. - Как будто в этом есть смысл.

Выстрелы следовали один за другим, но галеон оставался невредимым.

- Подождем сближения, тогда попадет, - спокойно сказал Сильвер и тут же заорал пиратам на палубе: - Парни, готовьте тесаки, сейчас мы сойдемся с этими идальговцами, и будет славная сеча, ей-богу!

Галеон поравнялся с "Моржом", орудийные порты его угрожающе зияли.

- Почему не стреляют?! - пронзительно закричал Пью.

Как бы в ответ на его вопрос, орудия "Моржа" издали нестройный бортовой залп, и почти одновременно с этим галеон повернулся правым бортом к нему. Сорок маленьких облачков дыма взвились от него, и через несколько секунд всепокрывающая сила залпа обрушилась на пиратов.

Дым окутал оба корабля. К испанцу доносились от "Моржа" треск, грохот и истошные вопли раненых и умирающих.

Когда дым рассеялся, палубы стали походить на решето, а по правому борту над ватерлинией зияло большое отверстие.

С окровавленным лицом, словно получив удар саблей по щеке, Билли Бонс твердо держал в руках штурвал, а вахтенный рулевой в предсмертной агонии извивался у него под ногами.

Слева от него роковое ядро оторвало часть релинга, разнесло в щепки участок палубы и унеслось дальше в море, но по пути поразило как Джона Сильвера, так и Пью.

Сильвер валялся в луже крови без сознания: левую ногу его раздробило у самого таза, и держалась она только кожей да обрывками раскромсанных панталон. В двух ярдах от него стонал и ругался плачущим голосом Пью: из-под ладоней, закрывавших теперь уже пустые глазницы, сочилась кровь.

По всей палубе валялись раненые и убитые картечью и ядрами, разметавшими их, как кегли. Вне всякого сомнения, второго залпа "Морж" бы не выдержал и тайна острова Кидда могла исчезнуть навеки в пучинах моря, но по случайности, поистине чудесной, дело приняло иной оборот. Как бы тяжело ни пострадал экипаж Флинта, такелаж, паруса и мачты "Моржа" остались почти непо-врежденными, в то время как залп Израэля Хендса снес испанскому галеону бушприт и фок-мачту. Из-за этого испанец хотя и сохранил способность к управлению, резко сбавил ход и стал отставать от пиратов.

Билли Бонс подгонял и ободрял уцелевших моряков, и расстояние между судами постепенно увеличивалось к ярости испанского капитана, чья законная добыча и заслуженная награда ускользали прямо из рук.

Спустя четыре часа "Морж" сумел оторваться от потерявшего мачту испанского галеона на безопасное расстояние. Все это время Билли Бонс стоял на месте рулевого и его суровое смуглое лицо не меняло невозмутимо спокойного выражения, как если бы он был изваянной из дуба фигурой на носу корабля. Билли и так-то нечасто смеялся, а теперь совсем не имел оснований веселиться, направляя "Морж" на восток к Нью-Провиденс. Около ста пиратов были убиты или немногим отличались от убитых; многие были серьезно изувечены, как Сильвер и Пью. Лишь две-три дюжины моряков могли держаться на ногах, чего явно не хватало для далекого и опасного перехода.

Израэль Хендс выполз из оружейной палубы невредимым. Время от времени он подходил к Бонсу и докладывал дополнительные подробности о потерях и повреждениях "Моржа". Так, оказалось, что Джоб Андерсон и Том Морган не больно-то пострадали, а Черный Пес, у которого картечью оторвало два пальца на руке, также мог работать, хотя непрерывно хныкал и оплакивал свою потерю. Из прочих Джордж Мерри, хотя и слегка контуженный, не переставал ссориться и задираться со всеми, а О'Брайен, Дерк Кемпбелл и Бен Ганн остались полностью невредимы, хотя последний стал более нервным и время от времени, что совсем необъяснимо, говорил только о сыре.

Бонс выругался, когда ему доложили о положении корабля.

- Вот тебе и на! И землетрясение я пережил, и желтую лихорадку, и на каторге даже побывал, - сказал он, прищелкнув пальцами, - и так близок оказался к моменту, когда смогу наконец зажечь, как лорд-канцлер, а вот теперь не знаю, доползем ли мы до Нью-Провиденс.

- Ну, Билли, я исполню свой долг, - отозвался Израэль Хендс.

- Как канонир, не сомневаюсь, ты сделаешь все, Израэль, - возразил Бонс, - но не как моряк. Flint, когда не в обмороке, вопит и поет на корме, как помешанный; Пью потерял иллюминаторы, а Окорок останется одноногим, если выживет, в чем я сомневаюсь. Ну, по моему разумению, я теперь капитаном стал, хотя неизвестно, кто и когда меня на этот пост выбирал.

Израэль немедленно откликнулся:

- Никто на борту не против тебя, Билли.

- Да, - отвечал Бонс, - может быть, никто и не против. Хотя бы сейчас, поскольку Долговязый Джон остался при одной ноге.

Он прищурил глаза и взглянул вперед:

- Знаешь, Израэль, с тех пор как мы ушли из Санта-Лены, я и глотка рома не сделал, а ведь он меня, ей-богу, бодрит и голову просветляет. Да, что это там за корабли какие-то по правому борту?

Израэль неуклюже полез по вантам бизань-мачты и поглядел на горизонт.

- А ты, Билли, их, должно быть, просто почуял! Два судна вдалеке, точно так. Но они не кажутся опасными.

- Приятель, у нас всего-навсего две дюжины тех, кто может взяться за дело. Этого не хватит, чтобы убрать паруса, если ударит шквал, не говорю уже о стрельбе из орудий, коли надо будет. Так что запомни, каждое судно на горизонте - враг, и враг опасный. Эти суда лежат как раз на пути к Нью-Провиденс, но я пока еще не спятил и не дам себя догнать! Плясать я и в молодые годы не был большим охотником, а уж на рее тем более. Меняем курс. Через час стемнеет, и тогда пусть ищут нас по всему морю, коли охота.

- Вернуться ведь не сможем, Билли. Ветер неблаго-приятный. Куда думаешь податься?

- А к Саванне, приятель. Пойдем прямо на север. Путь подольше, но зато безопасный.

И Бонс начал менять курс корабля, отдавая приказы горсточке пиратов на палубе.

Пока "Морж" уносился во мраке на север, американец-хирург Адамс продолжал лихорадочно перевязывать сгрудившихся в кубрике раненых. Помещение превратилось в сущий ад от стонов измученных дикой болью людей, то и дело валившихся друг на друга, не в силах удержаться на месте из-за качки. То, что Адамс сумел сделать, было истинным чудом, говорю это вам, как врач, потому что работать ему пришлось в жарком и душном кубрике при мигающем свете фонаря, а пациентов с серьезными ранениями было у него больше сотни. До того дня пираты насмеялись над мистером Адамсом, делая предметом насмешки учтивые его манеры, преследуя его кличкой "дамочка" или "барышня" - с этой ночи никто из экипажа Флинта и не помыслил бы о подобном. Адамс скорее походил тогда на мясника, чем на образованного джентльмена: фартук его лоснился от крови, а с пил и скальпелей то и дело срывались красные капли.

Хирург счел Черного Пса раненым достаточно легко, чтобы держаться на ногах и выполнять мелкие поручения, а потому, невзирая на протесты последнего, назначил его своим ассистентом. В ушах каждого слово "ассистент" звучало очень важно, но работа была не из приятных, потому что Черному Псу пришлось извлекать щепки и картечины из раненых конечностей и зашивать зияющие раны грубой сапожной дратвой.

Пью был среди первых, о чьих ранах позаботились: Черный Пес боязливо промыл изрезанный лоб Гейба и смазал целебным бальзамом пустые его глазницы. Затем перевязали ему глаза куском материи от разорванной синей рубашки и положили в угол кубрика, где несчастный оплакивал свою потерю, проклиная все на свете, жалобно стеная и умоляя дать ему подкрепиться.

Адамс не тратил много времени на тех раненых, которые, по его мнению, сложившемуся при осмотре увечий, не имели шансов дожить до утра. Приговоренных выносили на переднюю палубу и оставляли умирать среди брызг волн и сильных порывов ветра. Однако за жизнь других пиратов, имевших хоть малейший шанс выкарабкаться, Адамс бился, как лев.

Через несколько часов после того, как "Морж" ускользнул от испанца, Адамс занялся раненым квартирмейстером. Долговязый Джон вздрогнул, когда хирург, с сомнением покачивая головой, изучал его раздробленное бедро, пробудив страдальца от лихорадочного сна, до сих пор притуплявшего боль.

Наклоняясь над потным лицом Сильвера, Адамс изысканно обратился к нему тонким голосом, в котором явственно проступал новоанглийский акцент:

- Мистер Сильвер, я твердо убежден, что вам необходимо ампутировать ногу возле таза.

Джон покачал своей большой русской головой:

- Отрезать мне ногу? Боже мой, покарай гневом своим и не оставь в живых человека, который сделал бы это! Не желаю я быть одноногим попрошайкой, Христа ради выклянчивающим у прохожих фардинг на краюху хлеба. Пошел-ка ты, коновал, к дьяволу! Может быть, я оправлюсь. Знаю вас, лекарей, засыпаете человека латынью, как римские попы! И ведь хлебом вас не корми, дай только искромсать на куски того или иного славного моряка, чтобы посмотреть, что у него внутри, а как отправите на кладбище сотню-другую славных малых - ну, книжки себе строчить, и ведь опять на вашей проклятой латыни!

Хирург продолжил:

- Если я не отрежу вам ногу, мистер Сильвер, вы в течение недели станете трупом. Ваша бедренная кость разбита на мелкие осколки, а кроме того, вы потеряли много крови. Мне чуеться уже запах гниения. Видели ли вы когда-нибудь гангрену, мистер Сильвер? В Бостоне я однажды вычистил два с половиной фунта червей из раны одного старого негодника, который тоже считал, что разбирается в этом деле лучше лекарей. Не больно-то приятно было смотреть, как он умирал. Ну, мистер Сильвер, времени у нас с вами для разговоров нет. Жизнь или смерть, выбирайте сами, да без раздумий!

Сильвер взглянул на него налитыми кровью глазами:

- Режь, Адамс, да поскорее. Не думал я, что ты можешь быть таким оратором, разрази тебя гром!

Четыре человека еле уместили огромное тело Джона Сильвера на окровавленную доску, поставленную на козлы и служившую операционным столом. Оказалось, хирург не больно-то церемонился, когда проводил ампутации. Сильвера положили на спину и крепко связали сложенным вдвое кожаным ремнем. Черный Пес с опаской взялся за его плечи, чтобы прижать к доске, и Адамс принялся за дело. Бедро Джона было так раздроблено, что хирург почти не прибегал к пиле. Главной его работой было срезать разорванные мускулы и кожу как можно скорее, не допуская нового кровотечения.

Храбрым человеком был Джон Сильвер, но никогда не потребовалось ему столько мужества, как в миг, когда он ощутил боль от острого скальпеля, разрезающего ногу, - он мотал головой во все стороны, сжимал огромные свои кулаки с такой силой, что ногти глубоко врезались в ладони, но не издал ни звука. И все же, когда оставшуюся культю залили для дезинфекции кипящим маслом, он не выдержал. Тогда, казалось, вся палуба над ним задрожала от нечеловеческого вопля. Адамс, торжествуя улыбнувшись, обернулся к Черному Псу, готовому грохнуться в обморок:

- Ну, мистер Пес, кто способен так кричать, непременно поправится. Если хватает сил для такого вопля, есть надежда на выздоровление.

Так Джон Сильвер потерял ногу. Надо добавить, что он едва не умер, несмотря на умело проведенную и своевременную операцию, потому что почти сразу после ампутации его скрутила лихорадка, скорее всего, малярия, от которой он дрожал так, что даже зубы стучали. Черный Пес присматривал за ним, как мог, удерживал на койке его бьющееся в приступах огромное тело, отирал платком пламенеющее потное лицо и вливал в глотку солидную порцию рома, если удавалась такая возможность, когда Адамса не было поблизости.

Каких страшных событий и преступлений можно было избежать, если бы Джон Сильвер умер тогда на "Морже"! Несомненно, многие достойные люди остались бы живы и по сей день. Впрочем, пути Господни неисповедимы, они почил, оплаканные своими близкими и друзьями, а гнусные негодяи живут, как и раньше, припеваючи и измываются над порядочными людьми. Впрочем, не мне судить о намерениях Господа.

Как бы там ни было, Джон Сильвер не умер, хотя несколько недель провел между жизнью и смертью и был так слаб, что едва сознавал, где находится.

Пока Сильвер боролся со смертью, Билли Бонс привел "Морж" в Саванну, недавно построенное поселение в Джорджии. Решение это было удачным и хорошо обдуманым, так как некогда Флинт успел завоевать благосклонность губернатора, чванливого мошенника по имени Бондхед, выделив ему часть добычи, взятой при нападении на берега Флориды. Словом, "Морж" дополз до Саванны, и Билли сошел на берег, прихватив с собой сундук серебра для Бондхеда. Благодаря этому "Моржу" разрешили спустить якоря близ Саванны и благородный губернатор, всегда готовый к взятке, даже если это было по расчетам его повелителя короля Георга II, снизошел до того, что послал на борт своего личного врача.

В течение трех недель "Морж" стоял на якорях близ Саванны и походил более на плавучую лечебницу. В это время большинство здоровых и оправившихся от ранений пиратов исчезло, поступив на другие суда, либо пытая счастья в самой Саванне; кто был малость поумнее других, взял себе мешок-другой серебра, чтобы облегчить себе жизнь на первых порах.

И Флинт, как говорится, тоже пустился в дальний путь: однажды вечером он испустил дух, предварительно разразившись такой руганью, какая встряхнула бы покойника, а Билли Бонс был с ним, когда злодей отправился в ад. Несомненно, именно тогда Билли узнал место, где зарыто сокровище на острове Кидда, потому что, едва прикрыв глаза Флинта медяками и позвав Тома Моргана в свидетели, произнес краткую зауспокойную молитву, он взял из трюма немалую долю добычи и исчез.

На следующий день, едва услышав о бегстве Бонса, Джон Сильвер пришел в себя, сел в койке в своей каюте на юте и подробно расспросил Тома Моргана о случившемся.

- Видел я Флинта мертвым, собственными глазами его видел, Джон, - говорил ему Морган. - Билли подвел меня к нему, лежал в койке, вот как ты.

- Том, а где Билли сейчас? Ты подумай. Никто тебя не торопит. Мне, знаешь, просто приятно слушать, как ты выдавливаешь слова одно за другим. Звучит просто как музыка, честное слово.

Морган смущенно ответил:

- Билли не сказал, куда поедет, Джон, уж ты извини, не знаю. Он просто встал и крикнул: "Поднимаю якоря, приятель. Передай Окороку, как оживет, что я его славно переиграл. Имею карту (а может быть, картинку какую-нибудь, черт его знает, что сказать хотел своими мудренными словами). Он (ты, значит) знает, что это значит". Вот так и сказал слово в слово.

Сильвер совсем выпрямился в койке.

- "Он знает, что это значит", негодяй этакий! - взревел он. - Да, действительно, знаю, что он сказал. Заставил Флинта выдать ему, где зарыт клад! Значит, он все обозначил на карте. Боже праведный, что за судьбу ты мне послал лежать искалеченным! Кабы не это, разве посмел бы Билли, этот изменник, так подло поступить! - он замолчал на миг, переводя дыхание. Затем спокойно добавил: - Том, приятель, ты настолько благоразумен, что никогда не утруждаешь свою голову размышлениями, но руки твои - чистое золото, особенно когда работаешь по дереву. Сделай-ка мне костыль, да такой, чтобы сделал честь любому джентльмену удачи, чтобы каждый, кто глянет на него, сразу пожелал бы лишиться ноги и получить такой. Приведи ко мне Гейба, Пью, Черного Пса и всех остальных, кто еще не поднял якоря. Скажи им, что я оправился от малярии, что скоро начну выходить. А ты, Билли, подлый предатель, берегись, потому что я тебя отыщу, даже если придется обскакать весь свет на одной ноге!

На следующее утро Сильвер принял командование остатками экипажа Флинта и принялся наводить на борту порядок, на удивление быстро наловчившись пользоваться новым костылем. При первом же удобном случае он продал "Морж" алчному местному торговцу по имени Оглторп и разделил деньги и остатки добычи между пиратами. Затем, имея в карманах почти две тысячи фунтов, он поступил коком на сторожевой корабль с Ямайки, выговорив право бесплатного проезда на нем для Гейба Пью, которого не хотел оставить в беде.

Сильвер уже обдумал дальнейшие планы. Сначала он заберет Аннет с сыновьями с Ямайки. Всей семьей приедут в Англию, и там он остановится в какой-нибудь уютной гавани, вложит свои деньги в выгодное дело и наймет себе дом, а то, возможно, остановится и в Бристоле, потому что, скорее всего, все знавшие его давно умерли или разъехались. Там, вынюхивая и подслушивая, он откроет место, где скрывается Билли Бонс. А может быть, рано или поздно и сам Билли появится в Бристоле, ведь многие бывшие моряки приезжают туда, хотя бы на время. Лучше всего будет открыть трактир возле порта. Это самый надежный наблюдательный пункт, куда валом валят моряки, рассказывают, только попроси, о своих похождениях, а обо всех других вообще сплетничают почище городских кумушек. Да, решено, так он и сделает. Ну что ж, Билли Бонс, до встречи.

25. ТРАКТИР "ПОДЗОРНАЯ ТРУБА"

Несмотря на все свое коварство и жестокость, Сильвер был в своем роде замечательной личностью. Представьте себе его положение в 1754 году - еще не пожилой человек, в самом расцвете сил, он стал инвалидом на всю жизнь. Он приложил столько усилий, чтобы дать возможность пиратам Флинта завладеть испанскими сокровищами, а теперь большая часть золота и серебра была закопана в неизвестном месте на острове Кидда. Впрочем, карта, где указано было место клада, существовала, но ею завладел Билли Бонс. А куда он исчез, Билли? Вот что волновало Сильвера. Найти Билли и забрать у него добром или силой эту карту и, вернувшись на остров, получить добычу - это стало главной целью жизни Джона Сильвера.

Но он не привык спешить сломя голову. Пока что окружающие видели спокойного, даже довольного жизнью человека, а в это время ум его лихорадочно перебирал планы, как добраться до сокровища. Не раз перед глазами его всплывали картины того дня, когда он лишился ноги, а как часто с бессильной злобой Джон Сильвер вспоминал подлую измену и коварство Билли.

Пью, с которым они вместе возвращались в Англию, так и не сумел понять, что таилось за внешней его невозмутимостью и добродушным спокойствием.

Три с половиной недели штормов, когда волны качали и подбрасывали их судно, как щепку, на подходах к Бристолу сменились наконец спокойной погодой, и Сильвер вывел Пью на среднюю палубу подышать свежим воздухом.

Гейб Пью вертел головой, жадно вдыхая легкий ветерок, и протянул вперед и немного вверх длинную белую руку, как будто хотел подержать его в своей тонкой ладони. Пустые его глазницы были прикрыты темно-зеленым козырьком, прикрепленным к шляпе.

- Пахнет Англией, сыро и холодно, - сердито пробурчал он. Затем вновь втянул, широко раздувая ноздри, воздух и сказал: - Вот беда, Джон, не могу почуять нашего Билли. Кажется, ты напрасно вообразил, что сможешь найти его.

- Гейб, - ответил Сильвер, - за меня не беспокойся. Не сойти мне в Бристол на берег, если я буду забивать себе голову мыслями об идиотах вроде Билли. К дьяволу Бонса. В моем сундучке на дне кое-что позвякивает, а еще малость пиастров когда-то припрятала моя хозяйка. Нет, приятель, на берегу меня ждет привольная жизнь.

- Да черт с ней, с привольной жизнью! - злобно промолвил Пью. - Мне бы только дотянуться до Билли, уж я сверну ему шею, как цыпленку. Боже милостивый, сделай по словам моим!

- Эх, Гейб, тебе только души христианские губить. Подумай о своей, мальчик мой. Ты ведь сейчас богат, у тебя куча денег. Тысяча двести фунтов, огромные для тебя! Ты заживешь, как лорд, как депутат парламента!

Они помолчали немного, затем Сильвер продолжил:

- А представь себе, как порадуемся мы через какое-то время, встретив старого нашего приятеля Билли. Ну найдешь ли место лучше Бристоля, чтобы узнать что-нибудь о моряке? Бристоль, знаешь ли, большой город, чуть меньше Лондона. Суда со всего света друг за другом стремятся к его причалам. Бьюсь об заклад, посиди хоть день на причале, услышишь что-нибудь о своих знакомцах по плаваниям.

- Я тоже держу пари на одну из этих новых смешных банкнот по десять фунтов, которые, как говорят, теперь в ходу, что хоть полгода сиди на причале, ни о ком ни слова толкового не услышишь.

- Гейб, - возразил Сильвер, - пустые это слова. Не такой я человек, чтобы сходить с ума из-за Билли Бонса. Нет уж, сойду на берег, буду сытно есть и спокойно спать. И ты можешь зажить безбедно, приятель, если возьмешься за ум.

И пока судно их шло осторожно между отмелями близ устья реки Северн, постепенно приближаясь к родному его городу, раскинувшемуся среди зеленых холмов, Сильвер принялся оживленно рассказывать, что видно на берегу.

Удобно устроившись в Бристоле, Джон Сильвер осторожно навел справки о своей семье. Выяснилось, что родители его скончались несколько лет назад почти в одно время, одна из сестер погибла от черной оспы в дни эпидемии, опустошавшей тогда едва ли не целые графства, а другая вышла замуж за мелкого чиновника Ост-индской компании и живет с мужем в форте Сент-Джордж близ Мадраса. С большим облегчением Джон узнал тогда же, что, благодаря короткой своей службе под командованием капитана Хоука во время войны за австрийское наследство, он попал под королевскую амнистию за все преступления, совершенные до начала войны.

Так, успокоившись до некоторой степени, он под своим настоящим именем купил возле порта небольшой и чистый трактир, имевший входы с двух улиц. Первое, что сделал Джон, став хозяином трактира, было переименование его в "Подзорную трубу" - несомненно, по имени холма на далеком острове Кидда, где, насколько он знал, было зарыто сокровище Флинта.

Моряки часто посещали светлый трактир с низким потолком и чисто вымытым полом, где гостеприимный и словоохотливый хозяин всегда вкусно готовил и за каких-нибудь шесть пенсов всякий голодный посетитель мог вволю поесть телячьих котлет, голубей, спаржи, молодой баранины, салата, яблочного пирога и сладостей. Особо ценилось, что здесь не добавляли в вино воду, а пивные кружки наполнялись доверху. Джон Сильвер из кожи лез, поддерживая в трактире безупречную чистоту, а в зимнее время и приятное тепло, для чего в больших количествах закупал в Сомерсете уголь, добытый дюжими нортумберлендскими шахтерами. Так, в скором времени он заслужил завидную репутацию хорошего, справедливого и работающего трактирщика, безукоризненно честного человека и активного сторонника тори на выборах. Вскоре "Подзорная труба" стала станцией по перемене коней почтовых дилижансов. Другими словами, бывший квартирмейстер капитана Флинта превратился в уважаемого гражданина, а трактир его стал местом, посещаемым добропорядочными людьми, которые предпочитали заведения, где хорошо обслуживают и не обманывают посетителей.

Все это служило целям Сильвера. Хотя трактир и приносил неплохие доходы, но Джон не ставил себе задачей скопить побольше денег, так как был в это время состоятельным человеком и вложил на свое имя и на имя своей жены крупные суммы в ряд новых банков, пооткрывавшихся тогда в провинциальных городах. Не деньги были ему нужны, а доброе имя и всеобщее уважение, чего он добивался с присущими ему упорством и хитростью.

Двумя годами позже положение Джона Сильвера в городе уже позволяло ему осторожно заняться своим планом - найти Билли Бонса и увенчать свою карьеру, захватив сокровища, зарытые на острове Кидда. Для этого, играя роль добродушного, вежливого и разговорчивого трактирщика, он постоянно просеивал в уме слухи и истории, приносимые в его заведение посетителями, и был начеку, чтобы не пропустить новости, которые помогли бы ему найти логово Билли.

Вскоре его доверенные начали снова туда-сюда по Западной Англии, рассчитывая напасть на какие-нибудь нити, ведущие к Билли Бонсу. Между тем уцелевшие моряки Флинта собрались вокруг Сильвера. Даже Пью пошел на службу к нему, чтобы подслушивать и докладывать, о чем говорят в городе.

Хотя у Гейба по возвращении из Саванны было тысяча двести фунтов, менее чем за год он стал нищим: редкий мошенник устоял бы перед искушением надуть слепого человека, каким бы свирепым тот ни выглядел. Поэтому Сильвер буквально из грязи вытащил своего старого опустившегося друга, которому пришлось бы иначе стать несчастным, хнычущим и проклинявшим весь свет попрошайкой.

Черный Пес также скитался, выполняя поручения Джона и непрерывно вынюхивая следы Билли Бонса. Время от времени появлялись Том Морган, Израэль Хендс, Джоб Андерсон, Дерк Кемпбелл и Майкл О'Брайен. Даже Джордж Мерри пользовался гостеприимством Сильвера, хотя иногда, не изменяя старой неприязни и отчасти тяготясь своей зависимостью от него, опрокидывал на пол кружку пива, во всеуслышанье заявляя, что здесь подают просто помои.

Так Долговязый Джон Сильвер, уподобясь пауку посреди искусно и тщательно сотканной паутины, подстерегал Билли Бонса. Он терпеливо ждал в трактире "Подзорная труба", с вниманием следя за возможным появлением Билли. Шли месяцы, годы; терпение его стало иссякать. При мыслях о кладе он волновался все больше и больше, а воспоминания о коварстве Билли вызывали у него с трудом сдерживаемые приступы гнева.

Но поиски и расспросы не дали почти ничего, хотя время от времени до Сильвера долетала какая-нибудь отрывочная весть, из которой следовало, что надежда еще не потеряна. Он достоверно знал, что Билли, покинув Саванну, поселился в колонии Мерленд, а затем нанялся на судно, курсировавшее на линии Балтимор - Новая Шотландия. Затем стало известно, что Билли Бонса видели в Калькутте во время похода Роберта Клайва против бенгальского набоба и его союзников-французов в 1757 году. Далее в продолжение трех лет Сильвер не слышал больше ничего, однако осенью 1760 года боцман почтового судна из Ливерпуля клялся, что человек, отвечавший описанию Билли вплоть до шрама на щеке и всех прочих примет, ходил с ним вторым помощником на судне, занимавшемся работоторговлей в заливе Биафра.

Двумя годами позже до Сильвера долетела весть, что некоего шкипера Бонса один из лондонских судов приговорил к солидному штрафу за нарушение общественного порядка на улице в пьяном виде. Значит, сейчас, очевидно, не сумев захватить сокровища острова Кидда, Билли Бонс появился в Англии.

Через три месяца после того, как Джону Сильверу донесли об этом, Майкл О'Брайен принес радостные вести. Поздно вечером он шумно вломился в "Подзорную трубу", опрокинул свободную лавку и наступил на кота, дремавшего на уложенном плиткой полу.

Сильвер и городской глашатай находились в закопченной боковой комнате в трактире. Джон только что закончил пламенную тираду против воров и разбойников, особенно против ужасного Маклейна и его предшественника Дика Терпина, восхитившую его собеседника.

Когда ему сообщили, что О'Брайен хочет с ним говорить, Сильвер проводил глашатая из комнаты, сердечно с ним попрощался и в самых изысканных выражениях поблагодарил за нравоучительную и возвышенную беседу.

Весть, принесенная Сильверу, привела его на седьмое небо от радости: от волнения, слушая ее, он не менее десяти раз снимал свою треуголку, отирая пот со лба и вновь надевал ее. Наконец сказал:

- Ну, Майкл, я всю жизнь буду поить тебя ромом, Бог свидетель, всю жизнь! С грязными волосами, связанными в косицу, и со старым моряцким сундучком. Говоришь, он только что слез с лондонского почтового дилижанса, так? Смотри, Майкл, что мы сейчас сделаем. - И он достал карманный ножик, вынул из ящика стола лист желтого пергамента и вырезал из него кусочек в форме круга размером в крону. - Приятель, сходи на камбуз и скажи хозяйке, чтобы дала чернильницу и очиненное перо. Скажи, мне для дела одного нужно.

Скоро О'Брайен вернулся. Сильвер взял перо и что-то написал на круглом кусочке пергамента. Затем отошел к камину, взял пальцем немного сажу, вернулся на дубовую скамью и аккуратно растер сажу на обратной стороне кружка, после чего подал его О'Брайену.

- Ступай к нашему приятелю Билли и отдай ему это. Когда увидит, сразу вспомнит, что значит черная метка.

О'Брайен наморщился, осмотрел кружок с обеих сторон и наконец сказал угрожающим голосом:

- Тут что-то написано. А что это значит? Разрази меня гром, может быть ты написал: "Билли, возьми да заколи О'Брайена". Откуда мне знать, что ты тут пишешь?

- А может быть, здесь написано: "Билли, иди и придуши епископа Йоркского" или что там еще, дурья твоя голова, - издевательски ответил Сильвер. - Майкл, ты очень много думаешь, а для твоих мозгов это вредно, смотри, помешаешься.

Разъяренный О'Брайен медленно начал подниматься, сунув руку за пазуху, но Сильвер спокойно и размеренно продолжал:

- Так или иначе, я не тот человек, который бы предал собственного посланника, приятель. Долговязый Джон не возьмет на себя лжи. Здесь написано: "До обеда" и кроме того первые буквы моего имени "Д.С." - Джон Сильвер, совсем ясно. Но бедняга Билли сразу поймет, чем это пахнет, ей-богу. Ну, ступай! И сразу назад.

И Джон Сильвер сел, попыхивая трубкой, дожидаться возвращения О'Брайена. Никогда нам не узнать, какие горячечные мысли теснились в его мозгу, пока он сидел возле польхавшего в камине огня. Прошло пять минут, десять, полчаса... Сильвер вновь набил трубку, взял бронзовые щипцы, вынул из огня уголек, зажег табак и глубоко затянулся.

Минуло сорок пять минут... Пятьдесят... Целый час. Несколько запоздалых повозок и карет проехали мимо "Подзорной трубы", громяхая железными ободьями колес и цокая подковами коней по булыжнику. Но что это там? В трактире началась суматоха, к песням примешались крики, и вдруг послышались ругань и проклятья.

Дверь боковой комнаты с шумом распахнулась. На пороге возникла фигура Черного Пса. Припухшее его лицо было искажено страхом. Задыхающийся О'Брайен навалился ему на плечо. Камзол его был разодран, а рубашка покраснела от крови.

Сильвер, опираясь на костыль, вскочил со стула, когда Черный Пес отпустил О'Брайена и тот повалился на пол головой вперед.

Джон едва сумел вымолвить:

- Ну, как с тем делом, олух?

О'Брайен попытался поднять голову и страдальчески взглянул на Долговязого Джона, стоящего над ним: на противоположной стене виднелась его огромная трепещущая тень. Майкл прерывисто заговорил:

- Видел Билли в его комнате... Говорили... совсем по-приятельски. Потом дал ему... черную метку... И, господи боже, он выхватил... саблю и ударил меня... по левому плечу... И сразу все стемнело... как в гробу, боже праведный!

Медленно, преодолевая приступ ярости, Сильвер промолвил:

- Там тебе самое место, черт бы тебя побрал! Идиот несчастный! Упустил ведь, упустил его. Тебе бы череп пробить вот этим костылем!

При этих словах О'Брайен застонал и повернулся на левый бок, охватив голову руками. Не обращая внимания на эти стоны, Джон Сильвер добавил:

- И когда ты пришел в себя, он уже смылся, так? Да? Дьявол тебя побори!

Майкл только простонал с пола в знак подтверждения.

Долговязый Джон повернулся и, сильно толкнув плечом Черного Пса и Джоба Андерсона, бывших немymi свидетелями этой сцены, вышел в коридор и начал спускаться по лестнице медленно и устало, как старик.

Сильвер пришел в полное отчаянье от бегства Билли Бонса из трактира "Звезда и якорь" в ноябре 1763 года. В продолжение двух недель он просто замкнулся в себе, а когда открывал рот, то был груб и язвительен со всеми. Его охватила апатия, и почти все время он проводил, задумчиво сидя в углу кухни, едва замечая, что происходит вокруг. Пить он стал больше, чем когда бы то ни было раньше, но алкоголь не бодрил, а только усиливал его меланхолию.

Прошли месяцы. Джон Сильвер все сидел на своем стуле с высокой спинкой, а о Билли Бонсе по-прежнему не было никаких вестей. И если бы не новости, которые Черный Пес принес ему зимой 1764 года, кто знает, как развернулись бы события дальше, имел бы возможность уважаемый читатель ознакомиться с судовым журналом "Эспаньолы".

По словам Черного Пса, один его дружок из Плимута слышал рассказы о каком-то пожилом шкипере, поселившемся в одиноком постоялом дворе на южном берегу Девона. Рассказывали, этот старый негодник очень любил пить ром и, когда бывал совсем пьян (а это случалось с ним часто), начинал громогласно чертыхаться и реветь всякие морские песни, в том числе и "Пятнадцать человек на сундук мертвеца".

Услышав эти подробности, Сильвер вне себя от возбуждения, которое тщетно старался скрыть, кликнул Черного Пса на кухню.

- Тут что-то кроется, - сказал он. - Где, говоришь, находится эта гостиница?

- Так, в одном захолустье, - отвечал Черный Пес. - Постоялый двор за окраиной деревни, называется "Адмирал Бенбоу". Этот тупой капитан избегает людей, а особенно он боится какого-то одноногого моряка. Ты о таком не слышал, Джон?

Джон Сильвер впервые за долгие месяцы с облегчением рассмеялся и хлопнул себя рукой по колену.

- Он! Боже праведный, это он! Билли, мальчик мой, наконец-то ты высунул свой нос из норы. Теперь слушай, - продолжил он оживленно, став вдруг совершенно серьезным. - Такое дело легким не будет. Черный Пес, иди в контору мистера Блендли у "Старого якоря" и скажи ему, что мне нужен маленький парусник. Неважно, сколько это будет стоить. Отыщи мне Пью, Джоба, Джонни, Дерка и других парней и приведи сюда, да поживее!

Через полчаса Черный Пес собрал пиратов, которых назвал Сильвер, и еще четверых сверх того. Джон начал всем распоряжаться.

- Знаю нужное место. Поблизости нет ничего, кроме маленькой деревушки. Лучше всего сойти на берег в заливе Кидда и пройти до постоялого двора тайными тропинками. Там вручите Билли черную метку и, когда истечет срок, переройте сундук, отыщите карту и пошлите его к дьяволу.

- Джон, - робко отозвался Черный Пес, - я не возьмусь за это дело. Он на меня только глянет, как сразу голову снесет, даже показать эту чертову метку ему не успею.

- Тебя, пожалуй, неверно прозвали, - презрительно ответил Сильвер. - Больше подходит звать тебя Желтым Псом.

- Погоди, Окорок, - отозвался Пью, наостривший уши, чтобы не пропустить ни слова. - Пускай сначала Черный Пес потолкует с Билли и объяснится с ним по-хорошему. Если это не поможет, тогда отправим ему черную метку.

- А кто из вас за это возьмется? - спросил Сильвер.

- Я, Джон, - сказал Пью, натягивая на глазницы свой зеленый козырек. - Нет у меня страха перед Билли и никогда не было. А как подумаю обо всех этих пластрах, дублонах и талерах, ради которых лишился зрения, я самому дьяволу готов вручить черную метку, ели понадобится.

- Гейб, - прочувственно сказал Сильвер, - в этой комнате ты один настоящий мужчина!

Так, в те январские дни 1765 года вся банда отправилась на нанятой парусной шлюпке к заливу Кидда. Там, как уже известно читателю, им не повезло. Черный Пес пустился в бегство, когда Билли Бонс выхватил свою саблю, а Пью погиб четыре дня спустя, раздавленный конями таможенника Данса и его товарищей. Остальные были слишком глупы или напуганы, чтобы тщательно обыскать сундук Билли Бонса и перерыть все вокруг. Вместо этого они бежали обратно на парусник и вернулись в Бристоль.

Долговязый Джон Сильвер был вне себя, когда те, смущенные, вернулись без карты в трактир "Подзорная труба".

- И эти ничтожества называли себя пиратами! - ревел он. - Да кисейные барышни обделали бы это дело получше вас! Один из вас был настоящим мужчиной, да и тот без поводья и палки ходить не мог, а вы, трусы этикие, только дрожали да корчились от страха. Бедный Пью! Да вы недостойны сапоги ему целовать, так и знайте! На плечах у вас вместо голов пустые тыквы! Если случится когда-нибудь встретиться с проклятыми испанцами, а ядер мне не хватит, заряджу орудия вашими головами, и никто разницы не заметит!

- Полегче, Джон, - смущенно кашлянув, заговорил Джоб Андерсон, - думай о нас как хочешь, только жалко, что тебя с нами не было.

- Жалко?! - взревел Сильвер. - Это мне вас, идиотов, жалко! Да сокровищ, что лежат на острове Кидда, хватило бы, чтоб всем вам до единого жить побогаче индийских набобов! Вы бы разбогатели, как Роберт Клайв, как Крез!

Дерк Кемпбелл робко отозвался:

- Джон, на "Крезе" мне ходить пока еще не пришлось, но должен тебе кое-что сказать...

- Ну, говори, - угрожающе произнес Сильвер.

- Так вот, когда мы удирали из залива Кидда, - начал Дерк, - этот важный начальник Дакс начал ругаться нам вслед и угрожать: "Сквайр Трелони и шериф еще изловят вас, негодяи этикие!"

- Трелони, говоришь? - промолвил Сильвер, задумавшись. - Слышал я это имя.

Он проковылял к углу кухни, где находилась клетка с зеленым попугаем, с мелкой злобой перекрещенным им в Капитана Флинта.

- Ах да, - продолжил он тихо, как бы говоря с птицей, - Трелони, один из здешних лендлордов, богат, да, очень богат. Место в парламенте как кандидату от тори ему обеспечено, уж я-то знаю. И, конечно, он очень близок с нашим приятелем Блендли, чья контора неподалеку отсюда, хотя этот мошенник и надувает сквайра безбожно, когда имеет с ним дело.

Долговязый Джон повернулся к пиратам и улыбнулся:

- Парни, кажется, есть надежда, хоть небольшая, но есть. Помню, Блендли рассказывал мне, как этот бык Трелони возжелал однажды походить по морю. Все болтал: "Как благородна работа моряка, стоящего перед мачтой" и подобную чушь. Так если он докопался до карты Билли и почуял, чем здесь пахнет, то не отличаясь ничем от других лендлордов, то есть такой же алчный и тупой, он уже, конечно, трясется по пути сюда.

Эта короткая речь взволновала пиратов. Сильвер продолжил:

- Со своей чванливой супругой и четырьмя дочерьми, которым вечно нужны деньги, Блендли готов на все. Так я возьму и посулю ему малость золотых, чтобы он дал мне знак, когда этот бык Трелони доберется сюда и станет покупать судно и нанимать экипаж. Тут уж я к нему вотрюсь, да почтительно ему козырну, да покажу ему ампутированную ногу, да расскажу, как потерял ее на войне, когда служил королю, да хранит его Господь, да предложу ему свои услуги... Ну, соберу я ему экипаж на славу, не зватья мне Долговязым Джоном!

С этими словами он откинул голову и звонко рассмеялся.

- Джон, ты думаешь, получится? - недоверчиво спросил Джоб Андерсон.

- Спрашиваешь, получится ли? - ответил Сильвер, утирая заслезившиеся от смеха глаза.

- Да провалиться мне на этом месте, если не выйдет. Надо, парни, иметь терпение, только и всего, да еще неплохо, чтобы вот здесь, - и он постучал пальцем по лбу, - кое-что было, а тогда дело пойдет само собой. А теперь, балбесы, валяйте отсюда, у меня клиенты в трактире, и мне надо поддержать свое доброе имя. Доверьте это дело мне, ребята, и все будет в порядке, честное слово!

И так он вошел в общий зал, ловко обращаясь с костылем, вертелся вокруг посетителей, шутил с ними, добродушно похлопывал по плечу, потому что был в прекрасном настроении. И именно в таком настроении его увидел впервые я, юнга Джим Хоукинс, перешагнув порог "Подзорной трубы" однажды утром в начале марта 1765 года.